В монографии рассматривается политический процесс в Италии эпохи Второй республики с точки зрения эволюции политических сил, которые в научной литературе принято относить к популистским. Проанализированы особенности политической культуры Италии, повлиявшие на зарождение данного феномена, выделены этапы развития итальянского популизма, особенности его идейного трансформизма и институциональной эволюции. Автор приходит к выводу, что за 30 лет эволюции – от С. Берлускони до Дж. Мелони – итальянский популизм существенно «социализировался», во многом утратив свой «антиполитический дух» и отказавшись от многих идейных положений, лежащих в основе сформированных им идентичностей.

Об авторе

Алексеенкова Елена Сергеевна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра итальянских исследований Института Европы РАН. Автор более 70 научных работ по проблемам итальянской внутренней и внешней политики, а также теоретико-методологическим аспектам политических наук, связанным с когнитивными исследованиями, проблемами доверия и социальных сетей.

Е.С. Алексеенкова

Политический процесс в современной Италии: антиполитика и популизм эпохи Второй республики

Москва
Институт Европы РАН
2023

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Е.С. Алексеенкова

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛИИ: АНТИПОЛИТИКА И ПОПУЛИЗМ ЭПОХИ ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ

МОСКВА
ИЕ РАН
2023

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

Е.С. Алексеенкова

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛИИ: АНТИПОЛИТИКА И ПОПУЛИЗМ ЭПОХИ ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ

Монография

**Москва
ИЕ РАН
2023**

УДК 323(450)(091)
ББК 66.3(4Ита),13+63.3(4Ита)6-3
А47

Ответственные редакторы О.В. Буторина, Р.Н. Лункин

Рецензенты:
Любин Валерий Петрович, д.и.н., ИНИОН РАН
Михайленко Валерий Иванович, д.и.н., УрФУ
Осколков Петр Викторович, к.полит.н., ИЕ РАН

Тема НИР 0167-2021-0005
«Комплексные исследования политического, экономического
и социального развития стран и регионов Европы»

Алексеенкова Е.С. Политический процесс в современной Италии: антиполитика и популизм эпохи Второй республики = Political process in modern Italy: anti-politics and populism of the Second Republic : [монография] / Е.С. Алексеенкова. – М.: Ин-т Европы РАН, 2023. – 218 с. – Парал. тит. л. англ. – EDN: DXUUDI. – DOI: http://dx.doi.org/10.15211/9785981632136. – ISBN 978-5-98163-213-6.

В монографии рассматривается политический процесс в Италии эпохи Второй республики с точки зрения эволюции политических сил, которые в научной литературе принято относить к популистским. Проанализированы особенности политической культуры Италии, повлиявшие на зарождение данного феномена, выделены этапы развития итальянского популизма, особенности его идейного трансформизма и институциональной эволюции. Автор приходит к выводу, что за 30 лет эволюции – от С. Берлускони до Дж. Мелони – итальянский популизм существенно «социализировался», во многом утратив свой «антиполитический дух» и отказавшись от многих идейных положений, лежащих в основе сформированных им идентичностей.

DOI: http://dx.doi.org/10.15211/9785981632136

© ИЕ РАН, 2023

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

E.S. Alekseenkova

POLITICAL PROCESS IN MODERN ITALY: ANTI-POLITICS AND POPULISM OF THE SECOND REPUBLIC

Monography

Moscow
IE RAS
2023

Аннотация

В монографии автор исследует процесс эволюции популизма в Италии, возникшего на волне «антиполитики» конца 1980-х – начала 1990-х гг., а затем получившего развитие на фоне критики представительной демократии и неолиберальной экономической политики 2010-х гг. Автор анализирует истоки недоверия итальянцев к политическим институтам, и в частности, политическим партиям, что и стало главным фактором зарождения идеи о противопоставлении «народа» и «касты» и необходимости большего вовлечения гражданского общества в политический процесс. Автор демонстрирует, как за 30 лет эволюции – от С. Берлускони до Дж. Мелони – итальянский популизм существенно «социализировался» и институционализировался в системе представительной демократии, во многом утратив свой «антиполитический дух» и отказавшись от многих идейных положений, лежащих в основе сформированных им идентичностей. Сближение популистских партий с политическим мейнстримом позволяет поставить вопрос о вероятности возникновения новых форм проявления «антиполитики», поскольку уровень доверия итальянцев к политическим институтам по-прежнему низок.

Annotation

In the monograph the author examines the process of evolution of populism in Italy that arose on the wave of «anti-politics of the late 1980s and early 1990s, and then developed against the backdrop of criticism of representative democracy and neoliberal economic policy in the 2010s. The author analyzes the origins of the Italians' distrust of political institutions, and in particular, political parties, which gave birth of the idea of opposing the «people» and «caste» and the demand for greater involvement of civil society in the political process. The author demonstrates how, over thirty years of evolution from S. Berlusconi to G. Meloni, Italian populism has significantly «socialized» and institutionalized in the system of representative democracy, largely losing its «anti-political spirit» and abandoning many of the ideological frames which previously were the cornerstones of the identities of populists' electorate. The transformation of populism towards political mainstream allows us to raise again the question of the likelihood of new forms of manifestation of «anti-politics», since the level of Italians' distrust in political institutions is still high.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. 30 лет итальянской лаборатории популизма……. 7

Глава 1. Истоки антиполитики и периодизация эволюции итальянского популизма……..26

Глава 2. Первая волна популизма (1994–2011 гг.): эпоха множественных популизмов…… 44

Глава 3. Вторая волна (2011–2018 гг.): популизм на пути к институтам……. 62

Глава 4. Популисты во власти (2018–2022 гг.): политическая лаборатория суверенизма?.....107

Глава 5. Правительство Дж. Мелони: новый этап трансформации итальянского популизма?.....168

Заключение. Трансформизм итальянского популизма: из антиполитики в мейнстрим…….. 200

Литература……206

Об авторе…… 217

CONTENTS

Introduction. 30 years of the Italian political laboratory……7

Chapter 1. The origins of the anti-politics and stages of the evolution of the Italian populism……26

Chapter 2. The first wave of populism (1994–2011): the time of multiple populisms……...44

Chapter 3. The second wave (2011–2018): populism on its way to political institutions…….. 62

Chapter 4. Populism in power (2018–2022): political laboratory of sovereignism?.....107

Chapter 5. G. Meloni's government: new stage of the transformation of Italian populism?.....168

Conclusion. Transformism of the Italian populism: from anti-politics to mainstream……..200

Literature……206

About the author……217

ВВЕДЕНИЕ.
30 ЛЕТ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ПОПУЛИЗМА

Одним из главных вопросов политического развития стран Европы первой четверти XXI в. стал, безусловно, вопрос о трансформации европейской демократии. Интеллектуальные дискуссии вокруг таких социально-политических феноменов нача́ла нового столетия, как «кризис демократии», «антиполитика», «постдемократия» и «контрдемократия», новые протестные движения начала конца 2000 – начала 2010-х гг., «левый популизм» и «правый популизм», «делиберативная» и «партиципаторная» модели демократии, роль гражданского общества в трансформации современной демократии – стали отражением тех бурных процессов социально-политических изменений, которые происходят в наши дни внутри европейских политий.

Дефицит доверия, спровоцировавший кризис легитимности модели репрезентативной демократии, наблюдавшийся с конца прошлого века, породил широкое множество форм социальной активности, часть которых выходит за пределы социального поля и становится фактором трансформации поля политического. Общества реагируют на экономические шоки, неравномерную экономическую и культурную глобализацию, кризис государства всеобщего благосостояния возникновением не только новых форм социальной солидарности, ассоциаций гражданского общества, коллективных структур взаимопомощи, ассоциаций, направленных на сохранение культурной идентичности, но также принимают участие в протестных социальных движениях и формируют новые политические силы, направленные на достижение политических изменений. Протест против неолиберальной модели глобализации, недоверие к политическим институтам, оказавшимся неспособными защитить гражданина от внешних вызовов и угроз со стороны глобального капитала, и в то же время – реакция на всё большее вторжение государства в частную жизнь индивида, по-разному проявились в государствах Европы – где-то вызвав больше социальной апатии, а где-то спровоцировав бурный всплеск протестной политической активности. Популистские партии и движения на этой волне полу-

чили влияние во многих государствах Европы и в США, сделав «популизм» словом года в 2018 г.

Италия в этом смысле может снова подтвердить статус «политической лаборатории» Европы, присвоенный ей метким выражением Э. Хобсбаума в далёком 1977 г.[1]

Приближается 30-летний юбилей Второй республики в Италии. Почти 30 лет назад к власти в Италии пришёл политический деятель, которого впоследствии исследователи единогласно назовут «первым популистом» во главе правительства на Апеннинах, – Сильвио Берлускони. Событиям 1994 г., когда на выборах победил лидер созданной всего за восемь месяцев никому не известной партии «Вперёд, Италия», предшествовал глубочайший кризис доверия ко всем политическим институтам страны – от представительных до исполнительных. Крах партийной системы, спровоцированный операцией «Чистые руки», оставил итальянского избирателя с глубоким шрамом на лице представительной демократии и стабильно высоким уровнем институционального недоверия, заставив усомниться в главном демократическом принципе – те, кто управляет, действительно того заслуживают в силу своих профессиональных навыков и знаний, т.е. в принципе меритократического и легитимного делегирования.

Следствием этого глубокого разочарования стала волна антиполитики, антидемократических настроений и попытка «исправления» обнаруженных недостатков представительной демократии, а именно стремление найти политического лидера не из «элиты», а из «народа». Им и стал «сделавший себя сам» гуру строительного бизнеса, а затем и медиамагнат С. Берлускони. Как отмечала Т.В. Зонова, «Берлускони бросал вызов традиционной системе, в соответствии с которой в послевоенной Италии к власти приходили лишь профессиональные политики»[2]. В используемых Берлускони нарративах ещё не звучали слова́ «народ» против «касты», но именно он начал первым противопоставлять «нормальных граждан» старым политическим пар-

[1] Hobsbawm E. J. Gramsci and Political Theory // Marxism Today. July 1977. P. 207.
[2] Зонова Т.В. Партийная система Италии // Актуальные проблемы Европы. 2018. №2. С. 160.

тиям. Ещё одним ключевым аспектом берлусконизма стало преодоление длительной идеологической и культурной маргинализации правых в годы Первой республики. Именно союз Берлускони с Джанфранко Фини и неофашистским движением «Итальянское социальное движение – Национальный альянс» дал последний толчок новому «открытию правых» – столь же революционному, как и «открытие левых» в 1960-х гг. Именно в берлусконизме можно обнаружить истоки недавнего успеха «суверенизма» Маттео Сальвини и популизма «Движения 5 звёзд» (Д5З). Достаточно вспомнить, насколько заключённый между ними в 2018 г. «договор о правительстве перемен» напоминает «контракт с итальянцами», подписанный С. Берлускони в прямом эфире телевидения 8 мая 2001 г.

С тех пор популизм стал неотъемлемой частью итальянской политической жизни. Некоторые исследователи даже утверждают[3], что отныне главным противостоянием в итальянской политике сто́ит считать вовсе не конфликт левых и правых, глобалистов и антиглобалистов, а конфликт популистов и антипопулистов: спустя некоторое время после появления фено́мена популизма, главной идеологией остальных партий становится лозунг борьбы с популизмом. Тем самым манихейское противопоставление «народа» и «элиты», характерное для популизма, заимствуется и его контрагентами, которые также начинают выстраивать свой дискурс в логике бинарных оппозиций. Всё это – морализация политики, демонизация оппонента, исключение из политического диалога сторонников тех политических сил, которые считаются «злом», – безусловно, не способствует совершенствованию современной демократии и поэтому вызывает у исследователей большие опасения за её будущее[4].

Уход с политической сцены С. Берлускони в 2011 г., после-

---

[3] Zanotti L. How's Life After the Collapse? Populism as a Representation Linkage and the Emergence of a Populist/Anti-Populist Political Divide in Italy (1994–2018) // Frontiers in Political Science. 2021. Volume 3.

[4] Urbinati N. Political Theory of Populism // Annual Review of Political Science. 2019. №22. P. 111-127. URL: https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-050317-070753 (дата обращения 31.07.2023); Осколков П.В. Вызов популизма в современной Европе: угроза или инструмент демократии? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. №2. С. 60-64.

довавший за этим упадок партии «Вперёд, Италия» и наступление эпохи так наз. «технических правительств» вовсе не означали ухода популизма в небытие или размывания социальной базы сторонников «антиполитики». Напротив, Великая рецессия 2008–2011 гг. создала ещё больше стимулов для роста популизма[5]. Критика демократии дополнилась разочарованием от последствий глобализации и неспособности государственных институтов сохранить прежние условия государства всеобщего благосостояния.

«Новый популизм, который находится на подъёме в Европе и США, представляет не чаяния угнетённых, но скорее разочарование правомочных», – писал И. Крастев в 2014 г.[6] Действительно, никто не лишал граждан их демократических прав и прежде всего права голоса. «Голоса граждан всё ещё “избирают” победившую партию. Но только рынок сейчас решает, какой будет экономическая политика правительства, безотносительно к тому, кто победил на выборах»[7]. Вслед за этим появляется и понимание того, что «невидимая рука рынка» вовсе не такая уж и невидимая – её пальцы вполне осязаемы: это руководство Европейского центробанка вместе с бюрократией ЕС, Международный валютный фонд и другие международные финансовые структуры. В эпоху Великой рецессии принимались ключевые решения, причём не только меры экономического регулирования, но и меры в отношении вполне конкретных представителей правительств европейских стран. В частности, вместо С. Берлускони в 2011 г. была найдена кандидатура нового, «технического», премьер-министра Италии, бывшего чиновника Еврокомиссии Марио Монти. Очередной камень, брошенный в спину представительной демократии.

Впоследствии, под влиянием Великой рецессии итальянский популизм приобретает черты евроскептицизма и суверенизма (в итальянской версии – совранизма, *sovranismo*). Новым «врагом» итальянского народа становится не только собственная

---

[5] Della Porta D., Andretta M., Fernandes T. et al. Late Neoliberalism and its Discontents. 2017. Cham : Springer, 2017.
[6] Там же. С. 24.
[7] Там же. С. 30.

элита, но и брюссельская бюрократия и мировой финансовый капитал. Голосующие за популистов «Движения 5 звёзд» (Д5З) и «Лиги Севера» (ЛС) в 2013 и в 2018 гг. – это уже не только граждане, критикующие упадок современной демократии и государственных институтов, но и «проигравшие от глобализации» – оказавшиеся на обочине мирового капитализма, с осколками прежнего государства всеобщего благосостояния, протестующие против навязанных Брюсселем мер жёсткой экономии. Демографический упадок и вóлны миграции с юга, достигшие пика в 2015 г., привели к сближению двух основных направлений популизма – условно левого (сосредоточившегося на вопросах экономического благосостояния) и условно правого (положившего в основу своей идеологии принцип суверенитета нации, антииммигрантскую повестку и ценностный консерватизм), а затем к их прямому сотрудничеству в виде «правительства перемен», сформированного по итогам парламентских выборов 4 марта 2018 г.

Однако «медовый месяц» правого и левого популизма продлился недолго: уже в августе 2019 г. коалиция распалась, а второе правительство Джузеппе Конте сформировали бывшие идейные враги: представители «народа» и тех самых «элит» – «Движение 5 звёзд» и относящаяся к мейнстриму Демократическая партия (Демпартия, ДП), все предшествующие годы поддерживавшая технические правительства и меры жёсткой экономии. Этот «брак по расчёту» стоил пятизвёздочникам значительной части поддержки избирателей.

За скорым распадом этой «аномальной коалиции» вновь последовало «техническое правительство», которое возглавил бывший руководитель Европейского центробанка – Марио Драги, взявший на себя тяжёлое бремя восстановления экономики страны после тяжелейших последствий пандемии *COVID-19*. Сплотившаяся вокруг него ненадолго широкая коалиция политических сил, в которую входили и левые (Д5З), и правые популисты («Лига»), и Демократическая партия, и «Вперёд, Италия», и ряд малых партий, распалась в июле 2022 г. под влиянием уже следующего экономического кризиса, вызванного российско-украинским конфликтом. Распалась, открыв новое окно

возможностей для популизма…

Состоявшиеся 25 сентября 2022 г. досрочные парламентские выборы привели к ожидаемой победе коалицию правых популистов в составе четырёх партий: «Братья Италии», «Лига», «Вперёд, Италия» и «Мы – умеренные». Граждане Италии снова проголосовали за тех, кто ещё не запятнал себя присутствием в правительстве, тем самым вновь продемонстрировав свой «антиполитический» настрой.

Главной партией коалиции являются находившиеся до сих пор в оппозиции «Братья Италии», набравшие более 26% голосов. Их лидер – Джорджия Мелони возглавила новое правительство. Программные положения и предвыборная риторика правых, в частности «Братьев Италии», придали выборам 2022 г. характер переломного этапа, который должен ознаменовать конец эпохи технических правительств, длившейся в Италии почти 10 лет – со времён последнего кабинета С. Берлускони. Ожидаемая победа позволила правым наконец сформировать «политическое правительство», которое опирается на «легитимность всенародного голосования», а не является результатом межпартийных договорённостей и закулисных политических игр.

Однако правый популизм, пришедший к власти в 2022 г., – уже не тот, каким он был в 2018–2019 гг. Произошедшая за это время трансформация дискурса правых популистов свидетельствует об отказе от жёстких форм национализма, евроскептицизма, суверенизма[8]. Правый популизм в Италии становится более умеренным. Отдельно сто́ит отметить усиление левой компоненты в дискурсе правых партий в виде экономических мер поддержки семьи и предприятий и протекционизма в отношении «*made in Italy*» – тенденция, о которой многие исследователи говорили ещё в 2017 г.[9] и которая набирает обороты в связи с ухудшением международной экономической конъюнктуры на фоне российско-украинского конфликта. «Проигравшие от глобализации» граждане Италии теперь оказываются «проиграв-

[8] Алексеенкова Е.С. Трансформация правого популизма в Италии 2018–2022 гг.: от суверенизма к патриотизму // Современная Европа. 2022. №7. С. 42-56.
[9] Глобальный «правый бунт»: трампизм и его база: доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». 2017. МДК «Валдай». Москва. 28 с.

шими от деглобализации», усилившейся под влиянием российско-украинского кризиса.

Вооружённый конфликт в центре Европы, начавшийся в феврале 2022 г., сплотил Европейский союз, пожалуй, более, чем пандемия *COVID-19*. Видя единственный спасательный круг в лице ЕС и НАТО на фоне текущего конфликта и сопутствующих экономических проблем, правый популизм в Италии направляет всю критику на «внутреннего врага». Полностью отказавшись от внесистемных инициатив в виде выхода из договоров ЕС или зоны евро, он всё больше дрейфует в сторону «демократической коррективы»[10], т.е. попытки не опротестовать, но улучшить функционирование имеющейся формы представительной демократии и её институтов. На наднациональном уровне популизм тоже лишается своей антисистемности – он больше не стремится трансгрессировать, выйдя за границы нормы и пересмотрев основы ЕС.

Снижая таким образом степень радикализма, правые популисты наращивают поддержку электората, боящегося оказаться в одиночестве перед лицом нового глобального кризиса. Однако представляется преждевременным говорить о том, является ли данная трансформация тактической или стратегической, и не станут ли сохраняющиеся противоречия между Италией и ЕС снова поводом для подъёма дискурса о национальном суверенитете в случае дальнейшего ухудшения международной экономической конъюнктуры. Но тот факт, что итальянский популизм даже дискурсивно утрачивает свой первоначальный антиполитический пыл и перестаёт предлагать альтернативу и действующей представительной демократии, и брюссельскому вȉдению экономической модели ЕС, – налицо.

Итак, популизм является неотъемлемой частью итальянской демократии вот уже почти 30 лет. Представляется, что это позволяет поставить ряд вопросов о его эволюции, о том, какие тенденции в развитии итальянского общества он отражает, а какие, вероятно, будут искать новые формы выражения, и, в конце концов, о его влиянии на функционирование представительной

[10] Rovira Kaltwasser C. The ambivalence of populism: threat and corrective for democracy // Democratization. 2012. Vol. 19. Issue 2. P. 184-208.

демократии в Италии. Остановимся на каждом из них подробнее, чтобы более чётко очертить круг исследовательских задач.

Вопрос об эволюции итальянского популизма содержит в себе две ключевые компоненты. Первая касается его идейного наполнения. В какой мере сохраняется основное ядро популизма как «идеологии с тонким центром» в терминологии К. Мюдде[11] – противопоставление «народа» и «элит»? Как трансформируются во времени обе части этой дихотомии – кто представляет «народ», а кто – «элиты»: можно ли говорить о том, что понятия «народ» и «нация» становятся более инклюзивными, а «элиты» снова включают в себя лишь национальную бюрократию, но не евробюрократию, как это было когда-то на заре популизма, когда Брюссель ещё не был его врагом? Можно ли говорить о том, что популизм «Движения 5 звёзд» отошёл от этой дихотомии «народа» и «элит», пойдя на союз с мейнстримной Демпартией? Если так, то означает ли это его окончательную институционализацию в действующей системе представительной демократии в виде классической левоцентристской политической партии? В какой мере можно говорить о размежевании правого и левого популизма, если, будучи в составе «правительства перемен» в 2018–2019 гг., Д5З допускало реализацию жёсткой миграционной политики лидером «Лиги» М. Сальвини, а последний поддерживал, по сути, левую идею Д5З о введении «дохода гражданина»? Каково положение левых идей в дискурсе «Братьев Италии» и их лидера – Дж. Мелони, если она ставит в центр своего предвыборного дискурса вопрос о поддержке семей и предприятий, а также протекционистские меры в отношении «*made in Italy*»? Какой отклик находят у итальянцев лозунги ценностного консерватизма и как это соотносится с ценностями либеральной демократии, проповедуемыми ЕС? Возможен ли вообще конфликт вокруг ценностей между сегодняшними популистами и Брюсселем, который на примере Венгрии демонстрирует свою готовность применять санкции в ответ на попытки

[11] Mudde C. The Populist Zeitgeist // Government and opposition. 2004. №39(4). P. 541-563; Mudde C., Rovira Kaltwasser C. Populism and (liberal) democracy: a framework for analysis // In: C. Mudde and C. Rovira Kaltwasser (eds.) Populism in Europe and the Americas: threat or corrective for democracy? New York: Cambridge University Press, 2012. P. 1-26.

ценностного «самоопределения»? Или, быть может, глядя на трансформацию идейных положений популистов за все эти годы, их изменчивость и готовность заимствовать друг у друга то правые, то левые идеи, периодически отказываясь от тех тезисов, которые ещё несколько лет назад были вынесены в качестве главных лозунгов, можно сделать вывод о том, что популизм становится «ещё более тонкой идеологией», чем предполагал К. Мюдде, и истончился уже до того, что представляет собой действительно всего лишь дискурсивный приём политической борьбы, каким всегда воспринимал популизм Э. Лаклау[12]?

Вторая компонента эволюции итальянского популизма – это его социетальный характер. Рождение данных партий восходит к формам социального протеста, ставшего результатом недоверия к элитам и институтам. Нехватка вертикального доверия спровоцировала рост доверия горизонтального – формирования низовых социальных сетей гражданского общества, которые затем трансформировались в социальные движения, а новые политические партии попытались «оседлать» эту волну. Так, ещё первый популист Апеннин – С. Берлускони понял, что гражданское общество в Италии – это действительно мощная социальная сила, которая может стать инструментом политики. И именно он сделал из положительного характера и самодостаточности гражданского общества идеологию и превратил её в орудие пропаганды[13]. Позже, «Движение 5 звёзд» активно использовало имидж горизонтальной сети гражданского общества и позиционировало себя как антипартия, где не было предусмотрено партийной иерархии и членства, внутри которой осуществлялось прямое общение харизматичного лидера и «народа», а деятельность антипартии регулировалась антиуставом и онлайн-формами общения с целью легитимации всех производимых изменений. Популярность движения была особенно высока на юге Италии, известном своим партикуляризмом, клиентелизмом и семейственностью. «Лига Севера» позиционировалась изначаль-

[12] Laclau E. On Populist Reason. 2005. London: Verso. 288 p.
[13] Ruzza C. Italy: the political right and concepts of civil society // Journal of political ideologies. 2010. Vol. 15, №3. P. 259-271; Maccaferri M. Italy as Europe's political laboratory? Thirty years of Italian political history, 1990–2018 // ISLG Bulletin. 2019. №18. P. 3-12.

но как партия, имеющая глубокие корни и социальную поддержку в предпринимательских кругах северных регионов страны, а затем ставшая национальной. Обе партии и сегодня осознают важность своих корней, стремясь поддерживать территориальные партийные ячейки и близкие им организации гражданского общества, которые некоторые исследователи именуют «негражданским обществом»[14] за следование антидемократическим ценностям.

Однако на протяжении уже многих лет исследования показывают, что уровень доверия к партиям чрезвычайно низок, а вот доверие к организациям гражданского общества (многочисленным некоммерческим и неправительственным организациям, ассоциациям волонтёров и пр.) в разы больше и неуклонно растёт[15]. Вместе с тем рейтинги популистов после их попадания в правительство неизменно и довольно скоро падают. Так, например, если в 2018 г. Д5З набрало 32% голосов – больше всех остальных партий, участвовавших в выборах, то уже в 2020–2022 гг. их поддержка колебалась вокруг 10-15%. Лидер «Лиги» М. Сальвини мог похвастаться рейтингом в 35-40% летом 2019 г., а на выборах 2022 г. его партия получила всего 9% голосов. Означает ли это, что, превратившись в общенациональные партии и войдя в правительство, популисты «оторвались от корней» и не сумели трансформировать горизонтальное сетевое доверие в вертикальное доверие к партии как ключевому институту представительной демократии? Или, быть может, стабильно низкий уровень доверия итальянцев к институтам сыграл злую шутку и с популистами?

Из этого прямо следует второй вопрос: в какой мере популизм является отражением тех тенденций, которые имеют место в развитии итальянского общества, и в какой мере он отвечает им сегодня, претерпев существенную идейную и организационную трансформацию? Казалось бы, рождение популист-

---

[14] Ruzza C. Civil society between populism and anti-populism // O. C. Norocel et al. (eds.). Nostalgia and hope: intersections between politics of culture, welfare, and migration in Europe. IMISCOE Research Series, 2020.

[15] 35 Rapporto Italia. Documento di sintesi. EURISPES, Roma, 2023. P. 46-47. URL: https://eurispes.eu/wp-content/uploads/2023/05/sintesi-rapporto-italia-2023.pdf (дата обращения 31.07.2023).

ских политических сил – это прямое следствие тех процессов трансформации политического участия, которые П. Розанваллон назвал «контрдемократией» – формирования политической активности, которая не ставит целью конкуренцию за власть, но стремится получить влияние ради решения конкретных практических задач[16]. И тем не менее с 2018 г. популисты в Италии прямо участвуют в управлении страной, входя в состав правящих коалиций. В первом кабинете Дж. Конте – Д5З и «Лига», во втором – Д5З, в кабинете М. Драги присутствовали и пятизвёздочники, и «Лига», и «Вперёд, Италия». Повлияло ли это каким бы то ни было образом на отношение итальянцев, «народа», к своей «элите», которая вот уже 5 лет формируется теми, кто называет себя выходцами из народа, продвигающими расширение участия гражданского общества в управлении государством? Повысило ли это уровень доверия граждан к политическим институтам? Улучшило ли это их восприятие демократии? Представляется, что едва ли, учитывая рекордно низкую явку на выборах 2022 г. – менее 64 %, что стало антирекордом за всю республиканскую историю Италии (в 2018 г. явка составила 72,9 %).

Тесно связан с этим вопрос влияния популизма на функционирование представительной демократии. С ростом протестных движений и антидемократических настроений в 2000 – начале 2010-х гг. многие исследователи связывали надежды на возрождение нового «демократического Феникса»: на то, что новые формы демократического действия и «критического гражданства» смогут скорректировать развитие представительной демократии, вернув ей утраченную легитимность[17]. «Критический гражданин», считали они, – лучший демократ: он всегда выбирает «голос», а не «выход» в терминологии А. Хиршма-

[16] Rosanvallon P. Counter-democracy. Politics in the age of distrust. Cambridge, 2008. P. 64.

[17] См., напр.: Rosanvallon P. Op. cit.; Della Porta D. Critical trust: social movements and democracy in times of crisis // Cambio. Anno II, №4. Dicembre 2012; Della Porta D. How social movements can save democracy // Polity, Cambridge, 2020; Della Porta D. Can democracy be saved? Participation, deliberation and social movements. Cambridge, Polity, 2013; Dryzek J. S. Deliberative democracy and beyond: liberals, critics, contestations. Oxford, New York, 2000; Norris P. Democratic Phoenix: reinventing political activism. Harvard University, 2002.

на[18]. Поэтому несмотря на нарратив о «кризисе демократии» следом появился и дискурс о её «возрождении»[19]. Более того, некоторые исследователи видели в популизме единственную возможность сформировать новую гегемонию – альтернативный дискурс и альтернативную модель развития, способ уйти от гегемонии «сакрализованного консенсуса»[20].

На сегодняшний день исследователи сходятся во мнении, что делать выводы о том, является ли популизм злом, опасностью для демократии или же, наоборот, возможностью для её совершенствования, – пока рано[21]. Некоторые исследователи[22] отмечают, что опасность популизма кроется в его «радикальном мажоритаризме», т.е. в стремлении с помощью электоральных инструментов выдать часть за целое – представить выборы как плебисцит о единении того самого «хорошего», настоящего народа со своим лидером. Важным является тот факт, что доверие «народа» к лидеру в данном случае становится эквивалентом веры. Суверенный народ не может ошибиться, и поэтому их лидер – действительный, настоящий политический лидер, а не тот, кто пришёл к власти в результате каких-то там формальных процедур. Подобный антиинституционализм несёт в себе угрозу для демократии. Некоторые говорят о том, что инклюзивные формы популизма (а это, как правило, партии левого популизма) даже полезны, потому что они борются за включение в политическую систему принятия решений более широкого круга участников, ранее туда не входивших[23]. При этом эксклюзивный популизм (т.е. правый популизм), безусловно, для демократии опасен[24]. Другие же исследователи говорят о том, что попу-

---

[18] Hirschmann A. Exit, voice and loyalty: response to decline in firms, organizations and states. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970. 162 p.
[19] Norris P. Democratic Phoenix …
[20] Laclau E, Mouffe C. Hegemony…
[21] Urbinati N. Political theory of populism …; Осколков П.В. Правый популизм в Европейском союзе. М.: ИЕ РАН, 2019. 164 с.
[22] Urbinati N. Political theory of populism…; Погорельская С. «Вечно вчерашние»: правый популизм и правый радикализм в Западной Европе // МЭиМО. 2004. №3. С. 51-63. DOI: 10.20542/0131-2227-2004-3-51-63
[23] Urbinati N. Populism and the principle of majority // In: The Oxford handbook of populism (ed. C.R. Kaltwasser, P. Taggart, P.O. Espejo, P. Ostiguy). Oxford, UK: Oxford Univ. Press, 2017. P. 571-89.
[24] Mouffe C. The populist moment // OpenDemocracy.net, 21.11.2016. URL:

лизм расширяет спектр форм политического участия, оставаясь при этом в рамках представительной демократии, поэтому он несёт в себе возможности для её усовершенствования. Итальянский популизм в этом смысле представляется довольно интересным. Так, Берлускони едва ли можно было считать реальной угрозой представительной демократии, хотя он и пренебрегал институтами и вступал в открытый конфликт с магистратурой, Конституционным судом и другими органами системы правосудия. И всё же его популистский феномен носил характер харизматического лидерства «выходца из народа» и не ставил целью трансформацию институтов. В отличие от популизма пятизвёздочников, который в начальной стадии своей эволюции имел гораздо более радикальный антиинституциональный характер. Такой же характер, по сути, носил и популизм «Лиги Севера», выступавшей за пересмотр институционального и административно-территориального устройства страны, институтов интеграции ЕС и законодательства в сфере иммиграции, руководствуясь нативистским пониманием нации. Что осталось от этого антиинституционализма сегодня? Может ли предлагаемая сегодня правоцентристским правительством институциональная реформа привести к большему авторитаризму политической системы? Является ли правый популизм столь же эксклюзивным сегодня в отношении прибывающих иммигрантов, как и в 2018 г.?

Некоторые исследователи рассматривали социальный протест, рождённый на фоне Великой рецессии, в сочетании с кризисом легитимности репрезентативной демократии (известный итальянский политолог А. Мастропаоло назвал её «Великой политической депрессией)[25], как питательную среду для демократических инноваций[26]: новые социальные движения, считали они, привнесут в политическую жизнь практики, способствующие поиску консенсуса и формированию инклюзивного общества. Можно ли в этом контексте рассматривать социальные структуры, сформированные популистами?

---

https://www.opendemocracy.net/ (дата обращения 31.07.2023).

[25] Mastropaolo A. La mucca pazza dell democrazia. La destra radical-populista e la politica italiana // Meridiana. 2000. №38-39. P. 63-64.

[26] Della Porta D. How social movements can save democracy …

Вместе с тем, говоря о тенденциях в эволюции итальянского общества в контексте представительный демократии, нельзя не заметить, что на фоне недоверия к политическим институтам растет вовлечённость итальянцев в работу т.н. «третьего сектора» – организаций гражданского общества. Италия сегодня является одной из самых субсидиарных стран Европы. За 20 лет (с 2001 по 2021 г.) число организаций «третьего сектора» возросло на 55%, а число занятых в них – на 78%[27]. Каждый пятый итальянец так или иначе участвует в работе НКО и НПО, коих на всю страну насчитывается более 380 тыс. Меры жёсткой экономии в начале 2010-х гг. не привели в Италии к столь массовым и продолжительным протестам, как в других странах Южной Европы, и не повлекли за собой трансформации политического ландшафта, сопоставимой, например, с ситуацией в Испании или Греции, где на волне протестов возникли новые политические партии – «Подемос» и СИРИЗА – в скором времени возглавившие правительства. Наиболее масштабные акции протеста имели место во время последнего правительства С. Берлускони[28]. Однако затем итальянское гражданское общество и социальные движения пошли другим путём, сосредоточившись на прямом социальном действии на местном уровне, чтобы добиться социальных изменений снизу. Не лежит ли в основе этого ассоцианизма представление о том, что гражданское общество выполняет функцию «защиты» индивида одновременно – и от государства, и от капитала? Не означает ли это, что новые политические партии – популистские – так и не смогли конвертировать накопленные в горизонтальных сетях доверие и социальный капитал – в свой политический ресурс и в обещанное обществу усовершенствование представительной демократии и её институтов, которые должны были бы оградить его и от невидимой руки рынка, и от чрезмерного вмешательства государства? Если так, то, возможно, сама идея представительной демократии претерпела существенные изменения или отношение

[27] Struttura e profili del settore non profit. Anno 2020. ISTAT. URL: https://www.istat.it/it/files//2022/10/REPORT-NON-PROFIT-2022.pdf (дата обращения 01.08.2023).
[28] Andretta M. Protest in Italy in times of crisis: a cross-government comparison // South European society and politics. 2018. Vol. 23, №1. P. 97-114.

к ней? Быть может, оставляя за представительной демократией функции *фасада* политической жизни, который едва ли возможно изменить и усовершенствовать, общество видит в ассоцианизме единственный путь поиска «общего блага» и более эффективный инструмент решения своих проблем? Восполняя те пробелы в функционировании государства всеобщего благосостояния, которые оставляет за собой сдающее позиции рынку государство, гражданское общество формирует как бы параллельные сети, институты и практики, гарантирующие гражданину доступ к «всеобщему благу». Похоже ли это на делиберативную демократию снизу при сохранении фасадной репрезентативной демократии на уровне политической системы? Если да, то стоит ли ожидать новых популистских проектов, которые вновь и вновь будет порождать неудовлетворённое общество с целью «достучаться» до самого верха и изменить систему (произойдёт ли «удвоение популизмов» в терминологии Б. Макаренко[29]), или же подобная модель «параллельного сосуществования» поля политического и поля социального станет базовой? Наблюдая, как нынешние популисты «теряют свою непримиримость»[30] – становятся всё более ориентированными на получение власти и при том более умеренными в своих требованиях, всё более мейнстримными и всё менее способными трансформировать политическую систему, – породит ли итальянское общество новые формы антидемократии и новых акторов социального протеста? Это вопрос не сегодняшнего дня, на который мы едва ли сможем ответить в рамках данной монографии, но он, безусловно, является ключевым. Ведь ещё в далёком 2000 г. один из ведущих исследователей итальянского популизма М. Тарки говорил о том, что к популизму, видимо, стоит привыкать, потому что множественность социальных вызовов, уровень тревоги и беспокойства в обществе, очевидно, будут лишь нарастать[31]. Однако другой видный итальянский политолог А. Мастропаоло возразил ему на это, предположив, что популизм существу-

[29] Макаренко Б. Фрагментация европейских партийных систем: причины, сценарии, следствия // МЭиМО. 2022. Т. 66. №12. С. 20.
[30] Погорельская С. Указ. соч. С. 56.
[31] Tarchi M. L'ascesa del neopopulismo in Europa // Trasgressioni. 2000. №29. P. 3-22.

ет лишь постольку, поскольку те волнующие общество темы, которые подняли «популисты-предприниматели», не получают соответствующего ответа со стороны демократической политической системы[32]. И достаточно это исправить, чтобы избавиться от популизма. Спустя более чем 20 лет эта дискуссия по-прежнему актуальна.

Основной гипотезой, выдвигаемой в рамках данного исследования, является предположение о том, что *феномен антиполитики, чьи корни уходят глубоко в историю прошлого столетия, и причиной которого является глубокий кризис легитимности репрезентативной демократии, – до сих пор не преодолён в итальянском общественном сознании*. Критическое отношение к современным формам демократии и её институтам породили формирование практик гражданской солидарности протестного типа, что нашло выражение в формировании социальных движений и организаций гражданского общества, внутри которых сформировался конфликт между «народом» и «элитой». Популисты затем артикулировали данный конфликт и предложили альтернативный взгляд на политику как отражение «воли народа». Однако, несмотря на попытки инкорпорировать в партийный дискурс идеи, связанные с необходимостью повышения политического участия гражданского общества и дополнения репрезентативной демократии разными формами низовой активности, популистским партиям так и не удалось выстроить эффективный диалог с организациями гражданского общества и стать для них выразителями их воли, т.е. поистине действующими репрезентативными институтами. Сегодняшние популистские партии и популюс – по-прежнему две параллельные реальности, несмотря на попытки популистов говорить от имени народа. Институционализация популистских партий и их последующее вхождение в состав правительства привели, с одной стороны, к необходимости играть по правилам представительной демократии и действовать в институциональной логике, а с другой стороны – к переносу традиционного для итальянского общества недоверия к институтам на вновь вошедшие в правительство популистские партии. И то, и другое неизбежно вело к потере

[32] Mastropaolo A. La mucca pazza …

ими рейтинга и доверия граждан. Более того, институционализация и вхождение в состав правительства популистских партий не придало всей политической системе в целом большего доверия со стороны граждан. Как следствие, ассоцианизм и организации гражданского общества видятся итальянским гражданам как альтернатива партиям в их неспособности защитить граждан от «невидимой руки рынка» и избыточного вмешательства государства. Не являясь при этом элементом представительной демократии (а будучи скорее элементами контрдемократии в терминологии П. Розанваллона), эти структуры позволяют гражданам решать проблему доступа к «всеобщему благу» на неполитическом уровне, либо же прибегая к инструменту лоббизма. Гражданское общество, таким образом, становится альтернативной формой антиполитики – прототипом делиберативной демократии, не несущим угрозы её репрезентативному фасаду.

Как отмечает британская исследовательница М. Маккафери[33], характерной чертой итальянской политики вот уже не одно десятилетие является постоянное отторжение политической элиты, которое производит впечатление, что вопрос о том, *кто* будет править страной для итальянского общества гораздо важнее того, *как* он будет править. Поэтому главный политический вопрос Италии – это вопрос *политического класса*, а не *политической культуры*. Это, по её мнению, отчасти может объяснить, почему итальянская политическая традиция всегда придавала очень мало значения институтам и была склонна подчинять их политике, и почему, например, страна находится в нескончаемом поиске новой и более функциональной избирательной системы. Именно поэтому, считает М. Маккафери, Италия так очаровательна: «она как лаборатория, где всё политично. А в политике возможно всё»[34].

Однако мы позволим себе частично не согласиться с данным тезисом и предположить, что итальянская политика так увлекательна, и граждане страны с таким энтузиазмом наблюдают за процессом стремительной смены политических лиц именно потому, что смена элит, как правило, крайне мало влияет на изме-

---

[33] Maccaferri M. Italy as Europe's Political Laboratory? …
[34] Ibid. P. 9.

нение политических институтов, причём не столько формальных, сколько (и это самое главное) – неформальных практик, по которым реально живёт итальянское общество и функционирует та социальная ткань в виде сотен тысяч ассоциаций и организаций гражданского общества, о которой красноречиво свидетельствуют пока немногочисленные исследования последних лет. Как отмечал выдающийся итальянский социолог Алессандро Пиццорно, «политическое участие как предложения по (ре)организации общества больше не проходит через партии, которые видят, что их ассоциативная и социализирующая активность в политической жизни сильно снижена»[35]. Опыт пребывания во власти популистских партий, как нам кажется, подтверждает этот тезис о неуклонно снижающейся роли политических партий в современном итальянском политическом процессе.

Итак, теоретическая дискуссия, которая на сегодняшний день имеет место в научных исследованиях популизма, социальных движений и гражданского общества, позволяет поставить несколько вопросов, ответы на которые могут дать лишь эмпирические исследования конкретных примеров трансформаций политических систем под воздействием популистских политических акторов, что мы и намерены сделать на примере Италии. Во-первых, что несёт в себе институционализация популистских движений и партий-движений? Этот вопрос важен в двух аспектах. Первый – как институционализация влияет на взаимодействие популистов с гражданским обществом и социальными движениями, из которых они выросли; можно ли сказать, что по мере институционализации они утрачивают часть доверия и социальной опоры? Второй аспект касается их идейной эволюции: становятся ли популисты более умеренными, более «социализированными» и «нормализованными»[36], институционализировавшись в репрезентативной демократической системе[37]? От-

[35] Pizzorno A. Mutamenti nelle istituzioni rappresentative e sviluppo dei partiti politici // In: P. Bairoch e E. Hobsbawm (a cura di). La storia dell'Europa contemporanea. Torino, Einaudi, 1996. P. 1028.

[36] Bordignon F., Ceccarini L. Where has the protest gone? Populist attitudes and electoral flows in Italian political turmoil // Quaderni dell'Osservatorio elettorale – Italian journal of electoral studies. 2021. №84(2). P. 41-64.

[37] Akkerman T., de Lange S., Rooduijn, M. Inclusion and mainstreaming? Radical right-wing populist parties in the new millennium // In: Radical right-wing populist

казываются ли они от той антиполитической, протестной идентичности, которую они воспитывали в обществе по мере продвижения к власти в тот период, когда они этой власти достигают? Во-вторых, можно ли утверждать, что под воздействием левых популистов репрезентативная демократия имеет шанс на выздоровление, а вот правый популизм несёт в себе реальную угрозу для демократии? Стоит ли надеяться, что институционализация правого популизма может «умерить» его деструктивный потенциал? И, в-третьих, можно ли ожидать, что общество, в котором по-прежнему высок уровень недоверия, разочаровавшись превращением популистской кареты обратно в мейнстримную тыкву, будет порождать новые формы протеста и новых акторов антиполитики? Или же, напротив, хиршмановская стратегия «выход» и «деполитизированное» гражданское общество станут формами параллельного сосуществования общества и государства, где горизонтальная социальная интеграция станет реальным инструментом доступа к «общему благу», не ставя под вопрос существование либерального демократического фасада?

Чтобы приблизиться к ответу на эти вопросы, мы попробуем в рамках нашей работы проследить основные этапы развития популистских партий, с помощью анализа их дискурса выявить формируемые ими идентичности по мере движения к завоеванию власти, а затем посмотреть, что происходит с этими идентичностями, когда эти партии оказываются во власти – отказываются ли они от своих идейных положений или нет, и как выстраивают свою политику с точки зрения соответствия либо несоответствия своей идеологии. Одновременно мы будем обращать внимание на то, как меняется уровень доверия к этим партиям, посредством анализа электоральной динамики и соцопросов о доверии к партиям и политическим институтам.

Дискурсивный подход к анализу популизма, взятый нами за основу, восходит к теоретико-методологическому подходу Э. Лаклау и Ш. Муффе, предполагавшим, что изменение действующего «сакрализованного консенсуса», гегемонии мейнстримных партий и выбранной ими модели социально-экономическо-

---

parties in Western Europe: into the mainstream? Eds. T. Akkerman, S. de Lange, M. Rooduijn. New York: Routledge, 2016. P. 1-28.

го и политического развития, возможно лишь посредством формирования новой гегемонии – всеобъемлющего дискурса, в котором была бы заложена альтернативная модель общества, и социальной мобилизации на основании этого дискурса. Сквозь призму данного теоретико-методологического подхода мы постараемся посмотреть на эволюцию итальянского популизма, чтобы попытаться понять, в какой мере итальянским популистам удалось либо не удалось сформировать новый вид гегемонии (в терминологии Э. Лаклау) – дискурса об *альтернативном пути развития* и в какой мере им удалось приступить к его реализации, будучи во власти.

В ходе нашего повествования мы будем часто опираться на работы ведущих итальянских исследователей – А. Мастропаоло, И. Диаманти, Л. Чеккарини, Дж. Паскуино, Ф. Бординьона, Д. Альбертацци, С. Лупо, К. Руццы, Д. Делла Порта и многих других, чтобы дать возможность русскоязычному читателю познакомиться с работами итальянских коллег и иметь возможность увидеть то общество, которое является предметом нашего интереса, глазами его интеллектуалов.

ГЛАВА 1. ИСТОКИ АНТИПОЛИТИКИ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЭВОЛЮЦИИ ИТАЛЬЯНСКОГО ПОПУЛИЗМА

Антиполитика как часть политической культуры Италии

Тридцать лет назад в Италии рухнула «республика партий»[38], сформированная в 1946 г. и опиравшаяся на массовые партии, устойчивые субкультуры и прочную систему коллективных идентичностей. С падением Берлинской стены и распадом СССР начала рушиться левая компонента сложившейся за 50 лет политической культуры, утратил значение основной антагонизм между христианскими демократами и коммунистами, равно как и лежащее в их основе противостояние «белой» и «красной» субкультур и социальных классов. Делегитимация прежней пар-

[38] Scoppola P. La Repubblica dei partiti. Profilo storico della democrazia in Italia. Bologna: il Mulino, 1991.

тийной структуры была очевидна, множащиеся социальные идентичности не находили в партиях выразителей своих интересов. Скандал, связанный с раскрытием феномена «Взяткограда», окончательно похоронил Первую республику.

Кризис политической идентичности и старой партийной системы, однако, усугублялся глубокими трансформациями на двух других уровнях: социальном и наднациональном. На социальном уровне под воздействием факторов глобализации и возрастающей международной конкуренции происходил де-факто распад системы государства всеобщего благосостояния (который, правда, начался задолго до 1990-х гг.). На наднациональном шёл процесс делегирования всё больших полномочий в адрес институтов Европейского союза, что ставило под вопрос полноту национального суверенитета. В этих условиях начался полный пересмотр отношений между государством и обществом, получивший название «антиполитика».

Как отмечал известный итальянский историк С. Лупо, в обществе созрело устойчивое мнение о том, что «предоставленная самой себе, заключённая во «дворцах», доверенная партийным чиновникам с их архаическими и лживыми идеологиями, *политика* представляет собой нечто неэффективное, дорогое, грязное, циничное, бесполезное для людей, но, безусловно, полезное для самоподдержания и самовоспроизводства до бесконечности; т.е. дело профессионалов избирательных аппаратов и машин, ведомств и администраций, включая и тех, кто всегда был во власти, и тех, кто представлял оппозицию. Политика должна быть не столько изменена, сколько перерождена, преображена в нечто качественно лучшее через омовение в гражданском обществе»[39]. Апелляция к гражданскому обществу в итальянском случае становится последствием раздражения общественного мнения по отношению к олигархическим аппаратам, она служит для того, чтобы призвать сломать их замкнутость, навязать перемены[40]. Гражданское общество начинает восприниматься как альтернатива традиционной политике.

---

[39] Lupo S. Il mito della società civile. Retoriche antipolitiche nella crisi della democrazia italiana // Meridiana. 2000. №38-39. P. 19.

[40] Mastropaolo A. Antipolitica. All'origine della crisi italiana. 2000. Napoli: l'Ancora. P. 29.

Однако феномен антиполитики, если рассматривать его как попытку предложить альтернативное видение политики, исходящее из принципа примата гражданского общества над репрезентативными институтами и государственными институтами как таковым, – для Италии отнюдь не нов.

Из антиполитики, по сути, выросла сицилийская мафия[41], представлявшая собой прежде всего альтернативный проект социальной организации и властных отношений на низовом уровне – с той лишь разницей, что её конечной целью был не слом существующей политической системы, а, скорее, «встраивание» в неё и трансформация её в своих целях посредством коррупции. Однако возникновение самого феномена мафии стало возможным именно в силу дефицита легитимности государства.

Другим примером антиполитики в политической истории Италии, по мнению ряда известных исследователей, например, С. Лупо, Дж. Кантанаро[42], можно считать зарождение движения Муссолини, ведь фашизм 1919 г. заявлял, что он антипартийный, направленный против либеральной знати, чиновников и зарождающихся массовых партий, он громил конституционный «фетишизм» и предлагал себя в качестве законной самозащиты гражданского общества перед лицом недееспособности институтов, он призывал к возрождению рынка против государственного вмешательства в экономику[43]. В этом смысле он противостоял политике эпохи Джолитти, казавшейся ему системой балансирования между правящими группами, совершенно оторванными от народа – политикой элит, а не масс. Фашистская же партия, по сути, стала первой поистине массовой партией, стремившейся охватить каждого, вовлечь периферию, дать возможность рядовому члену ощутить себя участником масштабной трансформации. По отношению к эпохе Джолитти фашизм был определённо формой антиполитики.

Ещё одним феноменом антиполитики можно считать заро-

---

[41] Алексеенкова Е.С. Государство и альтернативные формы социальной интеграции: структурное насилие против «omerta» // Полития. 2009. №1(52). С. 22-44.

[42] Cantanaro G. L'antipolitica. Il viaggio nell'Italia del disincanto. 2000. Roma: Donzelli; Lupo S. Il mito della società civile… P. 21.

[43] Lupo S. Il fascismo. La politica in un regime totalitario. 2000. Roma: Donzelli.

дившийся после Второй мировой войны «Фронт обывателя» *(«Un uomo qualunque»)*[44]. Это было движение, а впоследствии и итальянская политическая партия, возникшая вокруг одноимённой газеты, основанной в Риме в 1944 г. драматургом и журналистом Гульельмо Джаннини. Движение придерживалось либерально-консервативной, популистской, антикоммунистической риторики, одновременно полемизируя как с фашизмом, так и с антифашистскими партиями[45] Комитета национального освобождения. Существительное *qualunquismo* («обывательщина») и прилагательное *qualunquista* («обывательский», «рядовой») были придуманы для названия этого политического явления. «Фронт обывателя» в своих программных положениях утверждал, что у государства нет политической природы, это лишь административный аппарат, без всякой идеологической основы. Современное государство, считал Джаннини, – это техническое государство, выступающее организатором «толпы», а не «нации». По словам Джаннини, чтобы управлять, достаточно хорошего бухгалтера, который вступит в должность 1 января и уйдёт 31 декабря. И он не имеет права на переизбрание ни по какой причине». Из этого вѝдения следует концепция, что государство должно как можно меньше присутствовать в обществе: экономика должна быть полностью оставлена частным лицам, существующим в полностью либеральной системе, ведя борьбу с капитализмом крупных компаний, скомпрометированном властью. Если бы государство стало бы этическим, согласно Джаннини, из этой этики вытекало бы угнетение свободы мысли личности, вплоть до достижения империалистического вѝдения центральной власти.

Термин «*qualunquismo»*, сохранившийся впоследствии в политическом лексиконе Италии с явно негативным значением, используется для характеристики отношения недоверия к демократическим институтам, недоверия и враждебности к политике и партийной системе, равнодушия к общим интересам, упрощённых взглядов на проблемы государства и общества. Однако

---

[44] Tarchi M. Italia populista. Dal qualunquismo a Beppe Grillo. 2015. Bologna: Il Mulino.

[45] De Bernardi A.,Ganapini L. Storia dell'Italia Unita. 2010. Milano: Garzanti. P. 304, 318, 406.

появление термина, безусловно, связано с разочарованием партийной системой и отсутствием интереса политического класса к реальным проблемам обычных людей. В этом смысле оно может быть отнесено к феномену антиполитики. За исчезновением «обычных людей» последовал мимолётный успех таких структур, как «Национальная монархическая партия» неаполитанского судоходного магната Акилле Лауро, которая пыталась извлечь выгоду из наследия *qualunquismo*, проявляя враждебность по отношению к политическому классу и партиям, считавшимся паразитами и врагами коллективных интересов, заинтересованными лишь в защите своих привилегий. Эти настроения оставались сильными в итальянском обществе на протяжении десятилетий, порождая хроническое недовольство функционированием демократии. Как свидетельствуют регулярные опросы Евробарометра, с 1972 по 1994 г. доля этого недовольства среди населения почти вдвое превышала этот показатель в других странах Европейского сообщества, никогда не опускаясь ниже 70%, а в некоторых случаях приближаясь к 90%. Отголоски *qualunquismo* можно легко обнаружить и в риторике итальянских пост- и неофашистов, которые затем сформировали Итальянское социальное движение (ИСД), а затем и «Национальный альянс»: критику «воровских» властей Рима они успешно сочетали с монархическими идеями, а также местничеством и поддержкой «простого человека».

Уместно вспомнить также в контексте феномена антиполитики эпоху конца 1960-х – 1970-х гг. На фоне студенческих протестов в стране тогда развернулось движение, направленное пртив основных институтов общества – семьи, школы, церкви, а также против любых иерархий, включая политические[46]. Жёсткий ответ руководства страны и органов правопорядка по отношению у протестующим тогда лишь усилил критику системы. Так, например, издатель-милилионер левых взглядов Дж. Фельтринелли писал: «Мы живём в стране, где законы писаны не для всех, в обществе, где … кризис системы правосудия есть не только кризис её дееспособности, но также кризис ценностей, само-

[46] Лисовский Ю.П., Любин В.П. Политическая культура Италии. М.: ИНИОН РАН, 1997.

гó её содержания»[47]. Как отмечал Ю.П. Лисовский, «в партиях, профсоюзах и любых иных вторичных ассоциациях … в эти годы наблюдалась непомерно высокая степень сектантства и нетерпимости, способных превратить политическую конфронтацию на любом уровне в безудержную схватку между противостоящими друг другу непримиримыми “концепциями жизни”»[48]. Данная непримиримость, как мы прекрасно помним, вылилась в «свинцовые годы» и формирование целой плеяды подпольных социальных сетей, в т.ч. террористических «Красных бригад»[49], объявивших войну не только фактически бессменно правящей Христианско-демократической партии и мировому капитализму, но и Итальянской коммунистической и Итальянской социалистической партиям, предавшим, с их точки зрения, интересы рабочего класса и ведущим «соглашательскую» политику с ХДП.

Уместно вспомнить в контексте предшествующего опыта антиполитики и призывы правых итальянских псевдоголлистов переходить к прямой демократии вместо парламентской, звучавшие из уст Рандольфо Паччарди, пытавшегося посредством тайных переговоров с лидером масонской сети П2 Личио Джелли договориться о формировании «новой» или «второй» республики президентского типа, разрушив тем самым прежнюю партийную систему.

Критику «партитократии» конца XX в., по мнению С. Лупо, вполне уместно сравнить с критикой парламентаризма 1920-х гг.: между ними есть определённый параллелизм. «В целом, – отмечает С. Лупо, – … даже вне периодов кризисов и смены режимов она (критика – Е.А.) представляет собой древнюю (постоянную?) тенденцию в нашей политической культуре – риторику, направленную на делегитимацию партий, профессиональных политических классов, представительных институтов …

---

[47] Фельтринелли К. Senior Service: Жизнь Джанджакомо Фельтринелли. М.: ОГИ, 2003. С. 273.

[48] Лисовский Ю.П. Этапы развития и упадка парламентской демократии в Италии // Из истории европейского парламентаризма: Италия. М.: ИВИ, 1997. С. 121.

[49] Алексеенкова Е. С. Становление и эволюция иерархизированных террористических сетей (На примере итальянских «Красных бригад») // Полис. Политические исследования. 2005. №6. С. 53-65.

обесценивание практик соглашения и компромисса, возвышение “естественных” элит против масс или, наоборот, призыв к непосредственному контакту между массами и лидером. Неудивительно, что во время кризиса республики партий, в конце долгой и беспрецедентной фазы коллективного участия в национальной жизни, риторика такого рода вновь возымела силу»[50]. Обращаясь к феномену политической культуры Италии, С. Лупо также призывает не упускать из виду всегда имманентно присутствующие «скрытые» силы фашистского толка, которым ещё Луиджи Сальваторелли обосновывал феномен Г. Д’Аннунцио и приход к власти Б. Муссолини и которые никогда не исчезали из общества, хотя на время исчезли из политики; и «анархические тенденции», периодически повергающие итальянцев искать скрытые силы, стоящие за видимой политикой и виновные в определённом «отставании» страны.

По мнению известного итальянского политолога Альфио Мастропаоло, ситуация в Италии, где было сформировано, по сути, первое правительство правых популистов в Европе (правительство Берлускони 1994 г.), отличалась коренным образом от других стран Европы, где популистские силы на тот момент носили в основном маргинальный характер (вторым исключением автор называет Австрию). Главной особенностью Италии, сделавшей возможным такое развитие событий, автор, солидаризируясь с С. Лупо, считает политическую культуру Апеннин, в которой традиционно велика роль антиполитики. Обращение к суверенному народу, возвеличивание народной воли в осуществлении государственной власти, зарождение с 1970-х гг. консультативного механизма референдумов, в одной стороны, и бесконечные проклятия в адрес «партитократии», партий и их посредников, парламентаризма – с другой, были лейтмотивом национальной политической жизни на протяжении уже почти четверти века[51]. Причём пиетет к воле народа и критика действующих институтов по мере приближения к 1990-м гг. всё чаще звучали из уст самих представителей традиционных партий.

Политическая структура с конца 1970-х гг. была очень ста-

[50] Lupo S. Il mito della società civile… P. 23.
[51] Mastropaolo A. Antipolitica …

бильной, с довольно устойчивым электоральным балансом. При этом никто не выигрывал выборы нелегитимно. Но это слишком затянувшееся сохранение политического каркаса, по всей вероятности, и привело к жажде перемен, причём не только смены лиц у руля, но и изменения институтов.

Парадокс в том, что дискурс о тяжелобольной демократии и необходимости следования воле народа-суверена, преданного партийной системой, начал вызревать именно в недрах самóй партийной системы и распространяться с помощью активно развивающихся в то время средств массовой информации и прежде всего телевидения. К антиполитической риторике постоянно прибегал лидер ИСП Б. Краски, видный представитель демохристиан Марио Сеньи и даже члены ИКП, к тому времени влившейся в общий дискурс традиционных партий и приступившей к активной самокритике. Представители традиционных партий выступали против медлительности, коррупции, расточительности профессиональных политиков и неэффективности государственной бюрократии, и всё больше склонялись к необходимости сильного лидерства, непосредственно поддерживаемого народом, привлечению к управлению «технических» профессионалов, возвеличивали частное предпринимательство, спонтанность и нравственность «гражданского общества». Из уст Кракси тогда звучали идеи об усилении роли президента в качестве «лекарства» от недугов «партитократии». Были и попытки создания технического правительства Джулиано Амато (1992–1993 гг.). Резко увеличилось число министров, привлечённых из университетской среды и т.наз. «профессионалов» или «технических специалистов». При Карло Азелио Чампи (1993–1994) и при Ламберто Дини (1995–1996) сильно возрос авторитет Банка Италии. В конце концов сам Чампи был призван на пост президента республики. «Профессионализм» надеялись противопоставить политике и вывести страну из всё большего погружения в антиполитический протест. Были предприняты также попытки сделать политику ближе к народу, выдвинув на первый план региональных политиков и обновив элиту. Речь шла, прежде всего, о таких мэрах крупных городов, как Рутелли, Каччари, Бассолино, Орландо, Бьянко и др., которые получили непо-

средственную легитимность от народа, заняв свои посты по итогам прямых выборов.

Таким образом, всё то, что потом было подхвачено и профессионально взято на вооружение правыми популистами, уже звучало из уст представителей итальянских традиционных политических партий, не осознававших, что они в один прекрасный момент не смогут остановить джинна, выпущенного из бутылки.

Безусловно, эта риторика о деградации партий, морализация политики, постановка вопроса о пересмотре роли народа и гражданина в политике оказывала прямое воздействие на избирателей и стала одним из политико-культурных факторов внезапного краха, охватившего всю партийную систему в период с 1992 по 1994 г. Результатом этого дискурса, развивавшегося на протяжении четверти века, стал разрушительный кризис легитимности и стремительный подъём правых популистов. Ясно, что эти два явления не следует приписывать исключительно атмосфере антиполитики, сформированной под влиянием самих традиционных партий, которая тем не менее в значительной степени подготовила почву. Большое значение для дальнейшего распространения вируса антиполитики имели и другие три фактора: во-первых, разоблачения коррумпированного политического класса во время операции «Чистые руки»; во-вторых, зарождение практики прямой демократии в виде референдумов; и в-третьих, появление сил, которые воспринимались обществом как инструмент борьбы гражданского общества с порочным политическим классом, а именно итальянской магистратуры.

Практика проведения референдумов в Италии получила развитие в 1974 г., когда правокатолические и неофашистские силы выступили с инициативой проведения плебисцита по вопросу о разводах. Левые тогда и не рассчитывали на победу, осознавая значимость католической веры в Италии, однако к всеобщему удивлению граждане проголосовали против отмены разводов. За этим успешным опытом вскоре последовал ещё один – по вопросу абортов, а во второй половине 1980-х гг. – серия референдумов по разным вопросам, включая роль гражданского общества, финансирование партий и пр., инициированных

Радикальной партией Марко Панеллы. Этот опыт позволил его участникам прийти к выводу, что рядовые граждане вполне могут принимать решения по вопросам, которые до этого считались техническими и требующими специальных знаний, как, например, сроки превентивного заключения, структура заработной платы, использование пестицидов в сельском хозяйстве, функции конкретных министерств и др. Причём, несмотря на то, что Конституция Италии предусматривала на тот момент лишь отменяющий референдум, на практике они всё чаще «предлагали», а не отменяли. А референдумы 1991 и 1993 гг. и вовсе стали факторами трансформации политической системы страны, сменив пропорциональную избирательную систему на мажоритарную. Член ХДП Марио Сеньи, сын бывшего президента Республики и один из активных сторонников референдумов, тогда высоко оценивал их потенциал для реформирования политической системы: «Если перед лицом неподвижной и парализующей партийной системы путь лежит к гражданам, то мы пойдём по нему. [...] Если партии не могут этого сделать, то мы готовы в данный момент выступать от имени граждан, которые хотят реформ любой ценой»[52].

На волне антиполитики и в стане левых возникали попытки демократических инноваций. Так, например, в 1991 г. появилась сеть *La Rete*, основанная Леолукой Орландо, выходцем из аристократической сицилийской семьи, бывшим успешным политиком ХДП, вставшим на путь борьбы с мафией, а затем вступившим в контакт с левыми католиками Милана и Трентино. Основной целью *La Rete* было вернуть гражданское общество в центр политического процесса и избавиться от остатков партийной системы. Однако этим планам не суждено было сбыться. Примерно в это же время возникло левое протестное движение *Girotondi* и *Italia dei Valori* – партия, основанная экс-магистратом Антонио ди Пьетро, который стал лицом борьбы с политической коррупцией в Первой республике.

Операция «Чистые руки» дала возможность гражданам почувствовать собственную значимость в тектонических политических изменениях, происходивших в стране. Окончание госу-

[52] Fedele M. Democrazia referendaria. Roma: Donzelli, 1994. P. 70.

дарственной монополии в сфере телевидения привело к тому, что обычные граждане могли часами наблюдать за тем, как их сограждане участвуют в разоблачительных ток-шоу, а следствие и магистратура ведут судебные дела. Последняя стала воплощением гражданской справедливости в отношении нечистых на руку политиков. Появился даже термин «партия судей», отражающий ироничное отношение к тем, кто, обличая политиков, сам фактически объединился в партию.

В тот период перед итальянским обществом встали проблемы, связанные с экономическим отставанием от ведущих европейских держав, сокращением занятости, ростом прекариата, сокращением социальных гарантий, ростом бедности, неравенства, чувством незащищённости. Маастрихтские соглашения 1992 г. наложили на Италию ряд внешних обязательств, исполнение которых грозило ещё больше усугубить экономическую ситуацию в стране. В итоге и на эти вызовы социально-экономического характера традиционные партии ответить не смогли.

К 1990-м гг. итальянская партийная система уже не представляла собой ту «поляризованную» и «высокофрагментированную» партийную систему, о которой писал Джованни Сартори в 1976 г.[53] Исследовательница из Лейденского университета Лиза Дзанотти проанализировала программное сходство партий периода «пятипартийности» (ХДП, ИСП, ИСДП, Итальянская либеральная партия, Итальянская республиканская партия) с 1981 по 1991 г. и пришла к выводу, что они не составляли реальной альтернативы друг другу. Автор называет этот феномен «программной конвергенцией», что, в свою очередь, и стало причиной неспособности традиционных партий сформулировать ответ на новые запросы общества. По сути, это именно та ситуация, которую в своих работах Э. Лаклау и Ш. Муффе назвали «сакрализованным консенсусом» и в отношении которой отечественные исследователи часто используют термин «мейнстрим»[54], характеризуя тем самым всё большее сближение по-

[53] Sartori G. Parties and party systems: a framework for analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 368 p.

[54] Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е. Политика «мейнстрима» и её альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового экономическо-

весток левоцентристских и правоцентристских партий, которые перестают представлять альтернативу друг другу. Единственной партией, которая в итальянском случае формально выпадала из этого мейнстримного консенсуса, была Итальянская коммунистическая партия, но и она, по сути, данный консенсус поддержала, встав с 1970-х гг. на позиции «еврокоммунизма» и проявив готовность к сотрудничеству с христианскими демократами. Согласившись на «исторический компромисс», партия лишила себя шанса быть воспринятой в качестве реальной альтернативы в кризисный период. Постфашистское Итальянское социальное движение также не могло составить сколько-нибудь реальной альтернативы в силу существовавшего в обществе устойчивого отторжения фашистской идеологии. Однако простое сближение партийных повесток и их нерелевантность новым вызовам едва ли могли бы стать фактором коллапса всей партийной системы, если бы оно не совпало с одномоментным эффектом «Взяткограда», дискредитировавшим сразу все традиционные партии.

Политическая революция, произошедшая в Италии в 1994 г., потрясла всю партийную систему. Две из трёх традиционных итальянских партий потеряли свой электорат: доля голосов социалистов (ИСП) сократилась с 13,6% в 1992 г. до 2,2% в 1994 г., христианские демократы (ХДП) упали с 29,7 до 11,1%. Третья традиционная партия, коммунисты (ИКП), примерно в те же годы пережила значительный спад, хотя и не такой глубины, как две другие. На всеобщих выборах 1987 г. коммунисты получили 25,6% голосов, но затем бренд партии изменился в связи с падением Берлинской стены. Главные наследники ИКП – Демократическая партия левых сил (ДПЛС) и Партия коммунистического возрождения – в 1992 г. набрали в сумме чуть больше 20% голосов[55].

Таким образом, понятно, что недовольство политической системой внутри итальянского гражданского общества нарастало. Как отмечали итальянские исследователи Л. Морлино и

го кризиса к «невозможной политике»? // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 8-29.

[55] Bardi L. Anti-partysentiment and party system change in Italy // European journal of political research. 1996. №29(3). P. 345-363.

М. Тарки, «какие бы критерии мы ни использовали для измерения этого [неудовлетворения], итальянская демократия с са́мого начала своего существования в конце 1940-х годов имела низкий уровень легитимности». Однако те изменения, с которыми итальянская партийная система столкнулась в начале 1990-х гг. были сравнимы с «объявленным землетрясением»[56].

Итак, к началу 1990-х гг. в Италии возникли как структурные, так и ситуативные факторы возникновения популизма[57].

К первому типу можно отнести 1) основательно закрепившийся к тому времени в политической культуре и в политической атмосфере Италии феномен антиполитики как глубокого недоверия к сфере политического, результатом чего стала сформированная потребность в пересмотре фундамента отношений между гражданином и государством, между народом и элитой, между сувереном и его представителями. Большу́ю роль в углублении антиполитических настроений сыграла вскрытая операцией «Чистые руки» система коррупции, пронизавшая все уровни политики. Также к структурным факторам можно отнести 2) распад традиционных идентичностей (как политико-культурных, так и социально-экономических) и 3) вызовы социально-экономического типа, приведшие к формированию слоя т.н. «проигравших от глобализации». 4) Критически важным фактором стала трансформация структуры политических возможностей: коллапс традиционной партийной системы, невиданного в Европе масштаба, уход практически всех мейнстримных партий с политической арены открыли «окно возможностей» для популистских акторов, высвободив большие массы электората, оставшегося без традиционного представительства. 5) Зарождение и всё более частое использование практик «прямой демократии» в виде референдумов, а также практик участия в политике представителей гражданского общества, чему способствовало развитие медиа и волна громких судебных процессов.

Ко второму типу факторов можно отнести роль политических акторов: с одной стороны, традиционных партий, запус-

---

[56] Morlino L., Tarchi M. The dissatisfied society: the roots of political change in Italy // European journal of political research. 1996. №30(1). P. 41-44.

[57] Tarchi M. Italy: a country of many populisms // Albertazzi D. et al. (eds.) Twenty-first century populism. Palgrave Macmillan, 2008. P. 84-99.

тивших вирусный антиполитический дискурс, но оказавшихся неспособными предложить новую жизнеспособную модель отношений между государством и обществом и варианты ответов на формирующиеся вызовы; а с другой – новых акторов, которые пытались мобилизовать общество на протест и призывали к трансформации политической системы. Новые политические акторы оказались не связаны старыми партийными узами, а их вновь возникшие структуры напоминали, скорее, партии-движения – более гибкие (как в организационном, так и в идейном смысле) группы единомышленников, подчёркивающих своё происхождение «снизу», из недр гражданского общества, что кардинально отличало их от старой политической «касты» и тем самым оправдывало их на участие в политическом процессе.

Таким образом, делегитимация и коллапс всей политической системы, включая её партийный каркас, создали «окно возможностей» для правого популизма, положившего в свою основу долгожданный пересмотр отношений между гражданами и элитами и обещавшего сделать гражданское общество главным источником демократических инноваций.

Основные этапы эволюции итальянского популизма

Осмыслить эволюцию итальянского популизма мы попытаемся, оттолкнувшись от концептуального подхода известного итальянского исследователя Джанфранко Паскуино, который в одной из своих работ[58] выдвинул тезис о том, что в Италии эпохи Второй республики *нет политической культуры* и это главный фактор, определяющий состояние современной итальянской политики. Не структурные факторы (как, например, электоральная система, макроэкономические вызовы глобализации, распад биполярной системы и падение Берлинской стены) привели к коллапсу итальянской партийной системы в 1990-е гг. и не позволили до сих пор сформироваться новой партийной системе, а именно неспособность политических акторов, оказавшихся на сцене в последние 30 лет, предложить обществу ус-

[58] Pasquino G. The disappearance of political cultures in Italy // South European society and politics. 2018. Vol. 23, №1. P. 133-146. DOI: 10.1080/13608746.2018.1432299

тойчивую систему политических субкультур, является ключевой причиной сегодняшней фрагментации и политической нестабильности.

После распада политических субкультур Первой республики (прежде всего католической и коммунистической), утверждает Дж. Паскуино, партии, оказавшиеся на итальянском политическом ландшафте, смогли предложить обществу лишь вре́менные и довольно волатильные нарративы, даже не пытаясь создать какое-то подобие политической культуры, которая предлагала бы устойчивые фреймы для интерпретации реальности.

Отталкиваясь от этих размышлений итальянского исследователя, мы попытаемся выделить несколько этапов эволюции итальянского популизма на основании ряда критериев. Первым из них станет идейная эволюция – формируемые нарративы и создаваемая на их основе идентичность, трансформация этой идентичности в динамике. Мы посмотрим, какие фреймы в анализе политической действительности появлялись в дискурсе популистов, насколько они были устойчивы во времени, как изменялись с течением времени и какие размежевания формировали в общественном сознании. Вторым критерием станет анализ политических практик популизма и их соотношение в формируемыми нарративами – мы постараемся проследить, насколько политические шаги популистов соответствуют сформированным ими же самими идеологическим фреймам. Третьим критерием для нас будет институциональная эволюция популизма – характер политического лидерства, организационной структуры партий, их участие в политических институтах, опыт взаимодействия с партиями мейнстрима, т.е. процесс институционализации и «социализации» популизма. Главным вопросом здесь будет, влияют ли популисты на трансформацию политической системы либо же сами демонстрируют больший трансформизм и готовность встраиваться в существующую политическую реальность?

Итак, если посмотреть с этой перспективы на период с 1994 по 2023 г., то можно отчётливо выделить три этапа: 1994–2011 гг., 2011–2018 гг. и 2018–2023 гг.

Период 1994–2011 гг. академические исследования обычно

характеризуют как время нестабильности и фрагментации[59], однако, именно в этот период началá закладываться двухполюсная коалиционная модель, при этом одну из двух коалиций, относительно более успешную правоцентристскую, можно считать целиком популистской. По мнению некоторых исследователей, уже в это время было заложено две оси в новой партийной системе Италии: 1) левая/правая и 2) популизм/антипопулизм, хотя «антипопулистский» полюс как таковой ещё не оформился[60]. Популизм первой волны был представлен в основном правыми партиями – «Вперёд, Италия», «Лига Севера», «Национальный альянс». В этот период у коалиции правых популистов наблюдается явное лидерство С. Берлускони, партии проходят полный цикл институционализации, формируется их идейная база. В её основе – противопоставление гражданского общества и политического класса, восходящее к феномену антиполитики 1990-х гг. Что наиболее важно – в ходе этого этапа закладывается не один популистский дискурс, а несколько (М. Тарки называет этот феномен «Италией множественных популизмов»), что ведёт к формированию разных идентичностей: в чём-то пересекающихся, но во многом различных, что становится причиной последующей фрагментации политического поля. В этот период закладывается модель персоналистской партии, которая станет базовой моделью партии на последующие 30 лет. В этот же период закладываются различные практики популизма: прямое общение между лидером и гражданами, чёткий персонализм («Вперёд, Италия»); возрождение территориальной общности и идентичности («Лига Севера»); практики противопоставления «своих» и «чужих» в рамках нативизма «Национального альянса». Институционализация популизма в виде трёх правительств Берлускони (с участием правой коалиции)[61] даёт первый опыт «популизма во власти», обнажая противоречивость идеологии.

---

[59] D'Alimonte R., Bartolini S. Electoral transition and party system change in Italy // West European politics. 1997. №20(1). P. 110-134; Morlino L. Crisis of parties and change of party system in Italy // Party politics. 1996. №2(1). P. 5-30.
[60] Zanotti L. Op. cit.
[61] В период с 1994 по 2011 г. популистские партии участвовали в выборах в качестве коалиции четыре раза (1994, 2001, 2006, 2008), победив трижды (в 1994, 2001 и 2008 гг.), но они смогли проработать весь законодательный срок целиком только один раз, в 2001–2006 гг.

Окончание цикла чётко связано с уходом С. Берлускони с поста главы правительства, У. Босси – с поста лидера «Лиги Севера», её последующим переходом от модели регионалистской к модели общенациональной партии, трансформацией «Национального альянса», приведшей к возникновению партии «Братья Италии». В целом окончание периода ознаменовано процессом делегитимации правого популизма в лице тех лидеров и политических структур, которые пришли к власти на волне антиполитики 1990-х гг., переформатированием его идейной базы и в итоге уходом Берлускони с политической сцены на волне борьбы с последствиями экономического кризиса 2008–2011 гг., которую осуществляли уже технические правительства, поддерживаемые левоцентристской Демократической партией.

Второй период (2011–2018 гг.) ознаменовался трансформацией правого популизма: обновлением идейных положений, лидерства, появлением новых акторов – зарождением «Братьев Италии»; а также формированием левого(?) популизма в лице «Движения 5 звёзд». Последний процесс начался ещё в 2007 г., в эпоху берлусконизма, однако по-настоящему «Движение» вышло на политическую арену лишь к общенациональным выборам 2013 г. Большое значение для данного периода имели последствия глобального экономического кризиса 2008–2011 гг. для экономики и политики Италии. В этот период и правый, и левый популизм в дополнение к антиполитической риторике приобретают отчётливые очертания евроскептицизма и суверенизма, замешанного на национализме. Множится количество идеологических противоречий, на основе которых формируются новые размежевания (кливиджи, *cleavages*) в общественном сознании. Характерной чертой этого этапа стала дальнейшая идейная фрагментация популистского дискурса: помимо характерных для первого этапа размежеваний народ – элита, центр/регионы, усиливаются разломы по линии свои/чужие (коренной народ / иммигранты), нация / наднациональные институты, локализм/глобализм, суверенитет/десуверенизация. Фрагментация политического поля приводит к формированию трёхполюсной партийной системы, где правый полюс представлен популистскими правоцентристами («Вперёд, Италия») и праворади-

кальными партиями («Лига», «Братья Италии»); левый – мейнстримной Демпартией и её союзниками (партия М. Монти «Гражданский выбор» и др.); третий полюс – антиполитическим, популистским, ни левым / ни правым «Движением 5 звёзд». На этот этап приходится пик антиполитики в общественных настроениях, приведший «Лигу» и Д5З к рекордным результатам на парламентских выборах 2018 г.

Третий период (2018–2023 гг.) – период «антиполитики во власти». Приход популистов в правительство даёт возможность проследить, в какой мере сформированные ими идеи получили воплощение в конкретных политических практиках. Сначала происхсодило противостояние, а потом взаимодействие популизма и антипопулизма. Он начинается с парламентских выборов 2018 г. и опыта совместного управления страной правыми популистами в лице «Лиги» и левыми популистами в лице «Движения 5 звёзд» в рамках т.н. «правительства перемен». А затем начинается период активной трансформации популизма как с точки зрения идейных позиций, так и с точки зрения политических практик. Популисты вступают во взаимодействие с Демпартией (второе правительство Дж. Конте, затем правительство широкой коалиции М. Драги, в котором участвовала и правая «Лига», и «Вперёд, Италия», и левопопулистское «Движение 5 звёзд»). Этот период можно назвать периодом идейного трансформизма, максимальной «институционализации» (или «социализации») итальянского популизма, поскольку к концу 2022 г. новое правопопулистское правительство, сформированное по итогам парламентских выборов 25 сентября 2022 г., фактически полностью отказалось от многих своих идейных постулатов: евроскептицизма и суверенизма, критики представительной демократии, антиинституционализма, радикальных форм национализма и консерватизма, а в своих политических шагах во многом следует линии, начатой техническим правительством М. Драги. В целом это время постепенного разрушения тех идентичностей, которые были сформированы популистами на первом и втором этапах, но не преодоления антиполитического духа общества как такового, что подтверждается рекордно низкой электоральной явкой на выборах 2022 г., голосованием за

ту партию, которая до сих пор всегда была в оппозиции («Братья Италии») и довольно скромными рейтингами поддержки нового правительства, во многом отказавшегося от своей идентичности и вставшего на путь мейнстрима.

ГЛАВА 2. ПЕРВАЯ ВОЛНА ПОПУЛИЗМА (1994–2011 гг.): ЭПОХА МНОЖЕСТВЕННЫХ ПОПУЛИЗМОВ

Особенностью Италии в отличие от многих других государств Европы стало то, что на волне антиполитики 1990-х гг. в стране зародилось сразу несколько популизмов. Один из ведущих итальянских исследователей этого феномена М. Тарки писал об Италии как о стране «многих популизмов»[62], существенным образом отличных друг от друга. И хотя все три основные партии, входившие в период 1994–2011 гг. в правительственные коалиции во главе с С. Берлускони («Вперёд, Италия», «Лига Севера» и «Национальный альянс»), так или иначе можно отнести к правой части политического спектра и назвать «популистами», тем не менее это, пожалуй, единственное, что их объединяет. Идейная база, характер лидерства, степень институционализации этих партий существенно различались, что и приводило к бесконечным конфликтам внутри коалиции и затем к окончательному распаду в 2011 г., о чём уже написано немало научных работ. Но, пожалуй, самое главное, что нас интересует в рамках данной работы и на что хотелось бы обратить пристальное внимание, – это на формируемый всеми тремя правыми партиями дискурс о противопоставлении гражданского общества и политического класса, являющийся определяющим для феномена популизма. Кливидж между обществом и политическими институтами лёг в основу базового идеологического нарратива всех трёх партий. Однако на этом сходство этих «популизмов» заканчивалось, поскольку анализ идейных позиций гражданского общества показывает, что у трёх партий было совершенно разное понимание гражданского общества и народа, т.е. собственно своей референтной аудитории.

[62] Tarchi M. Italy: A country of many populisms …

Гражданское общество в концепциях политики правых популистов

Действительно, правые партии в начале 1990-х гг., воспользовавшись кризисом идентичности левых партий и движений, умело подхватили дискурс о роли гражданского общества и водоразделе между «старой» и новой» политикой. Концепт гражданского общества в его противопоставлении политическому классу стал центральным для всех трёх правых партий, формировавших коалицию с 1994 по 2011 г. – «Вперёд, Италии», «Лиги Севера» и «Национального альянса»[63]. В целом гражданское общество как выражение прямого представительства «народа» с его особыми семейными ценностями и высшим чувством морали стало основной идеей правых, направленной против политического класса и государства, а также внешних опасностей, которые подрывают интеграцию сообщества. Гражданское общество в рамках данного фрейма – это форма самозащиты сообщества. Безусловно, эта базовая концептуализация, характерная для всех трёх правых популистских партий, имеет в своей основе стремление, во-первых, сформировать сообщество, некую идентичность, которая оказалась под угрозой в связи с распадом предшествующих, характерных для XX в. широких идентичностей – католической, демохристианской, классовой и др. Во-вторых, определение границ этого сообщества служило цели создания собственного электората. И то, и другое должно было помочь преодолеть тот глубокий кризис доверия, который произошёл в результате распада прежних идентичностей и разрыва со старыми партиями. Более того, от определения гражданского общества и его границ зависел и выбор формы коллективного действия, которая для правых, очевидно, вовсе не сводилась к формам представительной демократии: манифестации, протесты, формы культурного самовыражения, референдумы, участие в локальных выборах и замещение муниципальных должностей – всё это зависело от того, каким образом будет концептуализировано понимание гражданского общества и очерчены новые форматы путей преодоления конфликта между государством и обществом.

---

[63] Ruzza C. Italy: the political right and concepts of civil society …

Общим для всех трёх партий в их отношении к гражданскому обществу стала морализация данного феномена: «народ» или «гражданское общество» является носителем истины, достоверного знания, высших ценностей, справедливости, мудрости и честности – всего того, что недостает правящему классу. «Народ» – единственный носитель суверенитета, но он лишён этого суверенитета коррумпированными элитами. Поэтому народ должен иметь возможность высказываться напрямую и решать самостоятельно (а не посредством неких представителей или «лучше знающих» и образованных элит). Однако, анализируя концепт гражданского общества в дискурсе правых партий, нельзя не заметить различия в контурах данного феномена и, как следствие, разницу идентичностей, которые выстраиваются на основании данного концепта.

«Лига Севера»: идентитарный популизм

Сформированная из объединения шести региональных «лиг», возникших ещё в 1970–1980-х гг., «Лига Севера» добилась значительных успехов уже на административных выборах 1990 г. и общенациональных 1992 г., набрав 8,6 и 8,2% в палату представителей и сенат соответственно и заняв 55 и 25 мест. Сам выбор названия – «лига», а не «партия» – уже свидетельствовал о стремлении противопоставить новую силу старому политическому классу[64]. Движение Умберто Босси позиционировало себя как представителя гражданского общества и противопоставляло аппаратным партиям новые, местами даже стилистически грубые нарративы, стремясь к выражению «простых народных истин» в противовес речам политиков – заносчивым, демагогичным, лишённым идей и не умеющим говорить на языке народа. Опора на давно забытый национализм паданцев позволил «Лиге Севера» всколыхнуть ту глубинную часть идентичности жителей данных регионов, которая не давала о себе знать со времён Первой республики и казалась давно забытой и незначимой для поля политических идей. Эта часть идентичности вдруг неожиданно всплыла в северной Италии – в т.наз.

[64] Ignazi P. Legitimation and evolution on the Italian right wing: social and ideological repositioning of Alleanza Nazionale and the Lega Nord // South European society and politics. 2005. №10(2). P. 344.

«белых» регионах, которые считались ранее оплотом Христианско-демократической партии Италии – в тот момент, когда стал максимально очевиден разрыв между «трудолюбивым» севером и вечно отстающим югом страны и когда Италия становилась всё более притягательной для иммигрантов извне Евросоюза.

Примечательно, что популизм получил наибольший отклик именно в северных регионах Италии, которые Р. Патнем характеризовал наличием наиболее развитого социального капитала[65], т.е. речь идёт не об отсталых, неактивных, малообразованных гражданах, которые откликнулись на примитивную риторику о «хорошем народе» и «плохой элите», а напротив, о богатом и довольно успешном регионе, который пронизывала плотная структура социальных сетей, ассоциаций различного типа и форм идентичности. Это позволяет предположить, что главным фактором роста популизма в этом регионе стало разрушение основ прежних идентичностей. Во-первых, той демохристианской идентичности, которая противостояла коммунистической и исчезла вместе с крахом этой биполярности и крахом всей системы традиционных партий в целом. Электорат, голосовавший ранее за ХДП, вдруг оказался свободен. Во-вторых, рост секуляризма привёл к снижению роли католической субкультуры и католического ассоцианизма в Ломбардии и Венето, и этот ценностный вакуум должен был быть чем-то заполнен. В-третьих, экономический кризис, последовавший за «золотым веком» 1980-х гг., вызвал смещение эпицентра экономики от крупной промышленной производственной системы (подверженной болезненной реструктуризации и безработице) к малым и средним предприятиям, которые выступали против введения налогов для финансирования государства всеобщего благосостояния и были нетерпимы к препятствиям, создаваемым бюрократией и профсоюзами. Ощущение утраты международной конкурентоспособности сочеталось с гневом по поводу «несправедливого» распределения налогов и бюджетных расходов между Севером и Югом страны. Метафора «Рима-воровки», ставшая вирусной в дискурсе «Лиги Севера» и тут же нашедшая отклик у жителей

[65] Putnam R., Leonardi R., Nanetti R. Making democracy work: civic traditions in modern Italy. N.J.: Princeton University Press, 1993. 280 p.

Падании, содержала в себе критику центральных властей и требование федерализации страны, которая рассматривалась как панацея от региональных перекосов. В-четвёртых, в последние два десятилетия Италия из страны эмиграции постепенно превратилась в страну иммиграции. Доля приезжих достигла 4,2% от общего населения и доходила до 10% в отдельных отраслях промышленности. Особенно привлекательным для иммиграции снова оказался промышленно развитый Север страны, вызывая тем самым опасения местных сообществ за общественный порядок и свою культурную самобытность.

В результате образ «честного трудяги», владельца маленького или среднего бизнеса, достигшего всего своим кропотливым трудом, живущего в своём маленьком городке и веками сформированном культурном сообществе, в чью жизнь вторгается, с одной стороны, чиновник из Рима с требованием дополнительный налогов, а с другой – иностранец, претендующий на его рабочее место и его заработную плату, политизируется «Лигой Севера» и становится основой идентичности её избирателей.

Поэтому для «Лиги Севера» гражданское общество состоит прежде всего из «морально здоровой» части населения северной Италии – ремесленников и лавочников, вдохновлённых ценностями трудолюбия и традиционной морали, а также любовью и уважением к местному сообществу – «здоровым и трудолюбивым людям Севера»[66]. Малый и средний бизнес, т.н. мелкая буржуазия становится основой электората У. Босси, использующего новый «низкий» стиль риторики, максимально приближенный к языку обывателя и предлагающий «своих» кандидатов местного уровня, знающих «реальную жизнь», в муниципальные и региональные советы. В итоге уже на выборах 1992 г. «Лига Севера» получает 8,7% в среднем по стране и 17% на Севере. На выборах 1994 г., опасаясь не набрать нужного числа голосов по новой избирательной системе, У. Босси решает вступить в коалицию с новой партией «Вперёд, Италия»», однако вскоре после уверенной победы коалиция распадается, не продержавшись и года, и вновь воссоединится лишь к 2000 г.

---

[66] Lega-Nord, Programma per le elezioni politiche del 1996. Milano: Lega-Nord, 1996.

Руководство «Лиги Севера» очень осознанно подходило к выстраиванию доверия и формированию идентичности среди своего электората. Для этого была создана целая сеть ассоциаций: «Профсоюз Падании», «Школа Падании», «Женщины Падании», «Помощь Падании», Паданская католическая ассоциация и ещё дюжина подобных структур, целью которых была интеграция местных сообществ, которая носила исключительно регионалистский характер: локальные сообщества должны иметь возможность самоуправления и самозащиты от внешнего влияния. Сама идея и форматы активности ассоциаций восходили к глубоким историческим традициям ассоцианизма в рамках католической и коммунистической субкультур. Кроме того, «Лига Севера» всегда придавала большое значение тем форматам, которые позволяли продемонстрировать единство партии и народа. Одним из таких ритуалов стал ежегодный фестиваль в Понтиде – мероприятие, ставшее «сакральным» для партии, где проводились торжества и принимались решения об изменении стратегии, при этом «священность» места в риторике лигистов придавала дополнительную легитимность самой партии. Встречи в Понтиде – это не только демонстрация того, что «Лига» «с народом», но того, что партия и её вождь – само воплощение народа. Как заявил на митинге в Понтиде член Европарламента Марио Боргецио, «Лига – это народ, Босси – это народ»[67]). Также с 1997 г. на регулярной основе начала выходить газета «Лиги Севера» – *La Padania*, ставшая трибуной для диалога с жителями Севера страны. Роль лидера партии тоже была сакрализована. На страницах газеты У. Босси представал как *capo* (лидер) и даже *guerriero* (воин), «наш проводник», «наша надежда на свободу», «наш герой», «наш вождь»[68].

Сама партия при этом имела чёткую вертикальную организацию с наличием территориальных советов, распространённых подобно капиллярам в основном в северных регионах страны[69].

---

[67] Цит. по: McDonnell D. A weekend in Padania: Regionalist populism and the Lega Nord // Politics. 2006. №26(2). P. 128.
[68] Ibid.
[69] McDonnell D. A weekend in Padania…; McDonnell D. Silvio Berlusconi's personal parties: from Forza Italia to the Popolo Della Liberta // Political studies. 2003. №61(1_suppl). P. 217-233.

И тем не менее для «Лиги Севера» и её лидера У. Босси всегда был актуальным страх перед поглощением более сильными партнёрами по коалиции – С. Берлускони и Дж. Фини, которые выступали от имени «всего народа» и «каждого итальянца», однако «Лиге Севера» в итоге всё же удалось отстоять своё место в коалиции и добиться признания партнёром повестки федерализации (с начала 2000-х гг. – «деволюции»).

Сто́ит отметить, что протестный дух и оппозиционность «Лиги Севера» проявлялись даже тогда, когда она была членом правящей коалиции. Так, сразу после победы в 1994 г. конфликт между У. Босси и С. Берлускони разгорелся по вопросу федерализации страны и сецессии Падании. Затем «Лига Севера» пыталась опротестовать реформы, предложенные С. Берлускони и партнёрами по коалиции, в частности, пенсионную реформу и реформу системы правосудия. Поскольку У. Босси часто прибегал к антикоррупционной риторике, то в разгар конфликта он даже обвинял Берлускони в связях с мафией, принадлежности коррумпированному Югу и к «традиционному» политическому классу. Однако начиная с 2001 г. радикально-протестный настрой У. Босси сменил вектор: главной его мишенью вместо С. Берлускони стал «Национальный альянс», который рассматривался им как защитник интересов Юга[70], а Берлускони получил поддержку в вопросах реформы правосудия и медиасферы, а также Босси и Берлускони подписали соглашение, которое якобы гарантировало быстрое одобрение передачи части полномочий от центра к регионам в обмен на твёрдую и постоянную поддержку Берлускони и его политики со стороны «Лиги Севера» в вопросах, важных для Берлускони лично, прежде всего в реформировании сферы юстиции[71]. В дискурсе лигистов, даже в то время, когда партия входила в правительство, по-прежнему сохранялась критика правящего класса и Рима как места его сосредоточения. Так, например, на вопрос, как ему нравится жизнь в Риме, министр от «Лиги Севера» Роберто Марони отвечал, что это всегда его раздражало, «потому что Рим – это дом полити-

[70] Diamanti I., Lello E. The Casa delle Libertà: a house of cards? // Modern Italy. 2005. №10(1). P. 9-35.
[71] Albertazzi D., McDonnell D. The Lega Nord in the second Berlusconi government: in a League of its own // West European politics. 2005. №5. P. 952-972.

ки, проводимой в коридорах, в гостиных элиты: это замалчиваемая политика скрытых заговоров. Понтида – полная противоположность: это место простых людей»[72].

Рим для «Лиги Севера» 1990-х гг. был не только «воровкой», но и препятствием для успешной интеграции Падании в европейские структуры, к которым лигисты на тот момент были весьма благосклонны, видя возможность развития концепции «Европы регионов». На протяжении большей части 1990-х гг. «Лига» утверждала, что коррупция и отсталость «Рима» и юга Италии ставят под угрозу участие Севера в европейской интеграции и Экономическом и валютном союзе (ЭВС) и что, если Италия не будет соответствовать критериям ЭВС, север (Падания) должен был объявить независимость[73]. ЕС и процесс интеграции были охарактеризованы как спасательный круг для северной Италии от государственного централизма и неэффективности.

Однако после успешных переговоров правительства Р. Проди о принятии Италии в ЭВС в 1998 г. «Лига Севера» быстро перешла к позиции, которую можно назвать «жёстким евроскептицизмом»[74]. Теперь «Лига» не только отвергала ЭВС, дальнейшую интеграцию и расширение, но и выступала за отмену тех полномочий, которые были переданы «недемократическому» и «коррумпированному» Брюсселю. Эта антиевропейская позиция также была сформулирована через популистское противопоставление «народа» и «элиты», представленной Европой, которая отняла у людей самобытность, валюту и суверенитет.

Таким образом, популизм «Лиги Севера» первого этапа (1994–2011 гг.) можно считать идентитарным: в его понимании «народ» и «гражданское общество» это множество локальных сообществ в рамках одного региона – т.н. Падании, интегрированных традиционной локальной культурой. Врагами этих сообществ объявляются центральная бюрократия Рима, Брюссель и международные финансовые элиты: «Поэтому государство

---

[72] Цит. по: McDonnell D. A weekend in Padania… P. 128.
[73] Барабанов О.Н., Шибкова М.О. Евроскептицизм в Италии: эволюция политической программы «Лиги Севера» // Вестник МГИМО. 2015. №5(44). С. 99-107.
[74] Szczerbiak A., Taggart P. Theorising party-based euroscepticism: problems of definition, measurement and causality // SEI Working Paper №69. 2003.

должно быть переосмыслено, в том числе и потому, что оно уступает власть бюрократии и финансовым группам, спрятавшимся за Европой. Необходимо предоставить больше места людям, их избранным представителям, ассоцианизму гражданского общества и семьям, как того требует демократия»[75]. Предоставление региональной автономии должно было стать, с точки зрения «Лиги Севера», путём к более широкому гражданскому участию, т.е. к прямой демократии. Идея преодоления избыточной, коррумпированной бюрократии доходила в своём пике (после распада первой коалиции с Берлускони в 1994 г.) до полного отказа от национальной институциональной структуры – «Лига Севера» призывала к сецессии северных регионов и созданию «Паданского государства». Несмотря на то, что партия впоследствии отказалась от этой идеи, сформированная на её основе идентичность северных регионов, дискуссия вокруг фискального федерализма и раскол между унитарной и федеративной концепциями государства не прошли бесследно для итальянского политического сознания, что мы увидим при анализе последующих этапов эволюции итальянского популизма и дискуссий вокруг феномена гражданского общества.

Однако роль «других» в популистской риторике лигистов не ограничивалась римской и брюссельской бюрократией. В первые годы пребывания партии в парламенте роль «других» в идеологии «Лиги Севера» выполняли прежде всего южане, и вопрос отношения центра и регионов был центральным (поэтому в этот период эту партию можно смело назвать партией «регионалистского популизма», как считал Д. МакДонелл[76]). Однако начиная с 2000-х и особенно в конце 2000-х гг. среди «других» оказались и иммигранты, особенно мусульмане, а партия стала позиционировать себя спасителем западных ценностей. Отношение лигистов к иммиграции можно назвать «избирательным исключением», согласно которому «некоторые группы не могут быть интегрированы в общество и, следовательно, представляют собой фундаментальную угрозу ценностям, об-

[75] Lega-Nord, Programma per le elezioni politiche del 2001. Milano: Lega-Nord, 2001.
[76] McDonnell D. A weekend in Padania…

разу жизни и культурной целостности «коренного» населения[77]. «Лига Севера» не выступала против иммиграции как таковой, но считала, что необходимо, прежде всего, содействовать возвращению потомков уехавших итальянцев, а затем уже других этнических групп, схожих в религиозном и культурном отношении. В иммиграции лигисты видели угрозу безопасности и порядку, рынку труда и государству всеобщего благосостояния (благами которого должны пользоваться только «коренные» граждане и в особенности жители севера, которые платят больше налогов), а в «коренном народе» – жертву системы ценностей политкорректной элиты.

Ксенофобия «Лиги Севера» приобрела другое, гораздо более жёсткое значение в своей новой фазе[78] и позволила исследователям отнести партию к «радикальным правым популистам»[79]. Окончательная идейная трансформация партии от регионалистской к общенациональной произошла на последующем этапе, после распада коалиции С. Берлускони в 2011 г., когда во главе партии сначала встал Р. Марони, а затем М. Сальвини. А в первые два десятилетия существования «Лиги Севера», как отмечал Д. МакДоннелл, «на первом плане оставались два основных элемента: её региональный и популистский характер»[80]. Эти идейные позиции, во-первых, надолго закрепили в итальянском общественном сознании ключевые разломы по линии центр – регионы, север – юг, унификация – централизация; а во-вторых, заложили основы противостояния суверенного «народа» (первозданного «гражданского общества») и «коррумпированной элиты» – римской, брюссельской и международной капиталистической.

---

[77] Betz H., Johnson C. Against the current – stemming the tide: the nostalgic ideology of the contemporary radical populist right // Journal of politicaliIdeologies. 2004. Vol. 9. P. 311-327.
[78] Ignazi Op. cit. P. 346.
[79] Bobba G., McDonnell D. Different types of right-wing populist discourse in government and opposition: the case of Italy // South European society and politics. 2016. Vol. 21, №3. P. 281-299. DOI: 10.1080/13608746.2016.1211239; Zaslove A. Alpine populism, Padania and beyond: a response to Duncan McDonnell // Politics. 2007. №27(1). P. 64-68; Zaslove A. The populist radical right: ideology, party families and core principles // Political studies review. 2009. №(3). P. 309-318.
[80] McDonnell D. A weekend in Padania… P. 131.

«Вперёд, Италия»: праволиберальный популизм

В идеологическом плане «Вперёд, Италия» (с 2009 – «Народ свободы», а с 2013 г. – снова «Вперёд, Италия») почти единодушно определяется исследователями как популистская партия, которая, находясь в правоцентристском спектре, так и не стала по-настоящему радикальной. По мнению К. Мюдде, в ней отсутствует нативизм и авторитаризм, хотя с последним утверждением, на наш взгляд, можно поспорить, учитывая личное пренебрежительное отношение С. Берлускони к формальным институтам и системе сдержек и противовесов, о чём будет сказано ниже, хотя, безусловно, такой чётко выстроенной партийной системой, как «Лига Севера», партия С. Берлускони никогда не обладала и скорее напоминала партию всеохватного типа (*catch-all*)[81].

Популизм Берлускони отражал его предпринимательское прошлое и был сильно окрашен неолиберальной идеологией невмешательства государства. В своих выступлениях он обращался тем определённым слоям итальянского общества, которые были ему понятны: самозанятым, малому и крупному бизнесу, среднему классу и в целом сообществу потребителей. Исследователи часто называют берлусконизм «праволиберальным популизмом»[82]. Идеи, которые сыграли роль в создании привлекательной для избирателей повестки, включали снижение налогов, инвестиции в общественные работы и реформу государственного управления, пронизанную чётким антикоммунизмом. В его риторике «элиты» – это прежде всего «левые» и «коммунисты»[83].

Стиль политического лидерства Берлускони напоминает, скорее, стиль латиноамериканских популистов: он чаще всего обращается к «народу» в целом, простым, понятным ему языком, противопоставляя его профессиональным политикам и партиям[84]. Причём он имеет возможность «сказать правду» италь-

---

[81] Bobba G., McDonnell D. Different types of right-wing populist discourse…
[82] Verbeek B., Zaslove, A. Italy: a case of mutating populism? // Democratization. 2016. Vol. 23. №2. P. 309.
[83] Bobba G., McDonnell D. Different types of right-wing populist discourse…
[84] Fella S., Ruzza C. Populism and the fall of the centre-right in Italy: the end of the Berlusconi model or a new beginning? // Journal of contemporary European

янцам напрямую, с экрана телевизора, обходя традиционных институциональных политических посредников. Неудивительно поэтому, что сначала он попытался отказаться от «партийности» «Вперёд, Италии» и называл её «Политическим движением Вперёд, Италия». По словам самогó основателя, оно представляло собой движение, электоральный картель граждан, который родился для участия в политике, но не планирует заниматься ею вечно; партию ценностей и партию программ, противоположную идеологическим партиям, рождённым из консолидированной идеологии и организованной группы активистов и не придающим большое значение программе, считающим её макулатурой. В данной фразе более чем явно прослеживается стремление подчеркнуть инаковость новой партии, характер «движения», т.е. проявления низовой активности и тем самым совершенно противоположный традиционным партиям политический дух. Однако вместе с тем, несмотря на стремление публично отказаться от идеологии, «Вперёд, Италии» всё же требовалось нечто, что можно было бы противопоставить левым, также претендующим на выступление от имени гражданского общества. Такой новой идеологией для Берлускони стала праволиберальная идея рынка. В качестве «других», противостоящих его праволиберальной системе взглядов, Берлускони представлял коммунистов и прочих левых. Италию «производящую» и «сберегающую» он противопоставлял Италии «тратящей» и коррумпированной. Собственная партия в его риторике – это футбольная команда и семья[85]. В этом смысле, безусловно, истоки «Вперёд, Италии» уходят в атмосферу атиполитики.

Гражданское общество в нарративах Берлускони включает в себя как деловые ассоциации, объединения производителей, так и массового потребителя, с которым Кавальере общается всегда напрямую посредством собственной медиаимперии с экрана телевизора, удовлетворяя потребность общества в том, чтобы увидеть не политика, а живого человека, говорящего простым понятным языком и утверждающего, что он в политике лишь временно – для того, чтобы «спасти Италию», а затем

---

studies. 2013. Vol. 21, №1. P. 38-52.

[85] Цит. по: Lupo S. Il mito della società civile … P. 32.

снова вернуться к любимому ремеслу – предпринимательству.

То, что делает Берлускони, – это бизнес, семья, гражданское общество, но никак не политика в её традиционном понимании. Радикальный разрыв с предшествующей политической традицией – вот то, что всеми силами стремился продемонстрировать этот «политик-антиполитик», как назвал его С. Лупо[86].

Однако антиполитическая риторика и стремление прийти к «новой политике» выражали в тот период не только протест, исходящий от простых людей, делового мира или какой-то другой составляющей гражданского общества, но и от тех сил, которые при прошлом режиме оказались на обочине политического процесса. Новое рождалось в своеобразной и подозрительной смеси со старым. По мнению Альфио Мастропаоло[87], в тот момент среди ветеранов старых партий можно было найти множество «антиполитиков», готовых похоронить всю систему, чтобы спасти себя. Результат оказался парадоксальным: дискурс самоделегитимации распространился даже на тех, кто вплоть до последних лет был наиболее типичным представителем старой системы. Именно поэтому, мимикрировав под «антиполитиков», многие представители старых партий вступили в ряды «Вперёд, Италии».

Гражданское общество по Берлускони свободно от коррупции, оно – источник «хороших граждан», объединяющихся в добровольные ассоциации, которые являются способом защиты гражданина от злоупотреблений со стороны государства, партий, профсоюзов. «Время перемен также требует новых форм легитимности в отношениях между личностью, обществом и правительством. «Вперёд, Италия» никогда не должна становиться инструментом самореференциальной номенклатуры. Она всегда должна быть открыта, в различных политических обстоятельствах, для самых динамичных течений в обществе, гарантируя постоянное представительство гражданского общества»[88]. Традиционная семья также часто звучит как форма гражданского общества в выступлениях С. Берлускони. Однако особое место всегда уделяется профессиональным ассоциациям и даже

[86] Ibid.
[87] Mastropaolo A. Antipolitica …
[88] Forza Italia. «Idee chiave del nostro progetto. Carta dei Valori». Rome, 2004.

торговым палатам – тем структурам, которые воплощают собой «живую» ткань предпринимательства, противопоставляемую политике. Несколько таких ассоциаций поддерживали члены «Вперёд, Италии», в т.ч. финансово[89]. Но таким капиллярным территориальным охватом, как «Лига Севера», партия Берлусконы похвастаться никогда не могла, оставаясь структурой явно лидерского типа и стремясь привлечь максимально широкий круг избирателей.

«Национальный альянс»: нативистский популизм

В основе понимания «народа» и «гражданского общества» Дж. Фини – классический национализм, или нативизм. Но несмотря на то что «Национальный альянс» (НА) – прямой потомок Итальянского социального движения (ИСД), т.е. неофашистов, Дж. Фини удалось трансформировать их идейное наследие с учётом новых реалий. В идеологии НА поклонение традиционной семье сочетается с признанием свободы как политической ценности, но в то же время с требованием более сильного государства, призванного защитить общество от вызовов безопасности и иммиграции. По словам В.П. Любина и С.В. Карпова[90], в Итальянском социальном движении «Дж. Фини раньше всех понял, что партия в её прежнем обличье не имеет шансов на будущее и требуются коренные перемены».

26 ноября 1993 г. Фини заявил о намерении создать новое объединение вместо ИСД – «Национальный альянс», умеренно-консервативную партию голлистского типа. В 1995 г. новая партия была создана формально. Как отмечали В.П. Любин и С.В. Карпов, «бывшие неофашисты предстали перед нацией в новом облике, когда НА отверг политические ориентиры ИСД и признал «западные демократические ценности … Лидеры партии заявляли, что «Национальный альянс» отвергает все формы диктатуры и тоталитаризма и верит в демократию и свободу как неотъемлемые ценности»[91]. Партия выступила с осуждением всех форм расизма, антисемитизма и любой дискриминации

---

[89] Diamanti I. Bianco, rosso, verde... e azzurro. Mappe e colori dell'Italia politica. Bologna: Il Mulino, 2003.
[90] Карпов С.В., Любин В.П. Эволюция неофашистов: национальный альянс (обзор) // Современная Италия. М.: ИНИОН РАН, 2004. С. 122-134.
[91] Там же.

на этнической почве, совершив тем самым полный разворот в своих идейных основаниях по сравнению с Итальянским социальным движением. НА занял место одной из главных сил правоцентристской коалиции «Дом свобод» под руководством Берлускони, партия стала ключевым игроком итальянской партийной системы, присоединившись к правоцентристской коалиции на выборах в 1994, 2001 и 2006 гг. Его представители получили ряд министерских позиций, а сам Фини занял пост вице-премьера в правительстве Берлускони в 2001 г. В попытках окончательно избавиться от репутации неофашистов на общеевропейском уровне, Дж. Фини даже представлял Италию на Конвенте по подготовке Конституции ЕС 2004 г. Сам Фини возглавлял партию вплоть до 2008 г., когда он стал председателем Палаты депутатов.

Идеологически в партийных документах и риторике звучит акцент на семье как опоре общества, на традиционных сексуальных нравах, на католицизме и на враждебности по отношению к «либертарианской псевдокультуре 1968 года», на запрете любых видов наркотиков, на гарантиях порядка, контроле иммиграции, что свидетельствует о приверженности партии правоконсервативной традиции. Хотя в некоторых исследованиях[92] звучит мысль о том, что НА нельзя назвать популистской партией, поскольку в его дискурсе «нация» появляется чаще, чем «народ», и, скорее, НА относится к традиционным правоконсервативным партиям, готовым играть по традиционным правилам представительной демократии, мы не склонны разделять этот тезис. Прежде всего потому, что подобно другим партнёрам по коалиции, в документах НА и выступлениях Дж. Фини звучат лозунги антиполитики: критика партийной системы, коррумпированных политиков и идеализация «народа». Частью их идейной позиции становится также негативное влияние глобализации и требование защитить «народ» от её разрушительного воздействия, не допустить триумфа рынка, повысить роль гражданского общества: «Давление глобализации ведёт к тому, что механизмы “рынка” преобладают над жизненными мирами “граж-

[92] См., например: Zanotti L. Ibid. P. 126; Zaslove A. Alpine Populism, Padania and Beyond …

данского общества” и функциями государства … Принцип субсидиарности, если его правильно применять, состоит не только в “вертикальном” измерении передачи государственной власти местным администрациям; он также включает “горизонтальное” измерение ответственности и участия отдельных лиц, семей и организованного гражданского общества», а роль правых не должна состоять только в лозунге – «мы должны говорить с гражданами»[93]. Гражданское общество – это «двигатель социальной солидарности», это «клей» общества. Государство должно обеспечивать защиту и безопасность, но не вмешиваться в автономную жизнь гражданского общества. НА верит в признание не только функциональности и общественной полезности организаций «третьего сектора», но и всех промежуточных общественных образований, а также каналов, через которые граждане могут участвовать в общественной жизни страны. Однако несмотря на постоянное присутствие «гражданского общества» в дискурсе НА, партия не была замечена в масштабной поддержке ассоциаций гражданского общества в отличие от, например, «Лиги Севера». Поэтому можно сказать, что НА одинаково благосклонен ко всем типам гражданского общества – от культурных ассоциаций до торговых палат и профессиональных объединений, подчёркивая тем самым своё стремление иметь разнообразную низовую поддержку в отличие от старых партий и от регионалистикой «Лиги Севера», поддерживающей лишь гражданское общество Падании.

Популизм НА, равно как «Лиги Севера», носил эксклюзивный характер, отражая стремление обеих партий «оградить» народ Италии от нарастающих волн иммиграции. В частности, с этой целью обеим партиям удалось провести через парламент т.н. «закон Босси – Фини», носивший охранительный характер и включавший в себя ряд жёстких мер в отношении иммигрантов.

---

[93] Alleanza-Nazionale, Seconda Conferenza Programmatica di Alleanza Nazionale, Napoli 23-25.02.2001. URL: https://www.radioradicale.it/scheda/129316/liberoforte-giusto-il-governo-che-vogliamo-seconda-conferenza-programmatica-di$ (дата обращения 31.07.2023); Fini: «Il ruolo delle destra non Ã¨ di sola rappresentanza // La Repubblica, 25.02.2001. URL: https://www.repubblica.it/online/politica/napoli/conclusioni/conclusioni.html (дата обращения 31.07.2023).

С организационной точки зрения партия имела капиллярное присутствие территориальных органов в каждой области и сеть различных молодёжных объединений, т.к. она унаследовала предшествующие структуры ИСД. Вместе с тем, несмотря на растущую централизацию партии, частичное сохранение старой структуры ИСД уравновешивало власть руководства, поддерживая различные фракции внутри партии. По мнению М. Тарки, партия сохранила черты старой партии массовой интеграции[94].

В лице «Вперёд, Италии», «Лиги Севера» и «Национального альянса» мы видим три разных типа популизма: праволиберальный, регионалистско-идентитарный и национально-идентитарный. В их основе – разное понимание «народа» и «гражданского общества», но все три понимания объединяет их антиполитичность в плане противопоставления «новой» и «старой» политики, старых партий и новых структур, ищущих легитимности в низовых социальных объединениях и типах горизонтальной интеграции. В этом, а также в стремлении пересмотреть ряд основ институционального устройства страны (законодательство о выборах, принцип унитарности, парламентаризм против президенциализма), можно отметить довольно высокую степень антиинституционализма. Хотя и здесь эта степень не была одинаковой у всех трёх партий: антиинституционализм Берлускони заключался в основном в противостоянии с магистратурой и Конституционным судом, которые, с его точки зрения, возбуждая судебные процессы против законно избранного премьер-министра, тем самым подрывали суверенитет народа; а также в стремлении противопоставить волю мудрого харизматичного политика (т.е. его самого), опирающегося на чаяния народа, связывающим его устоявшимся нормам и практикам. Антиинституционализм «Лиги Севера» доходил до предложений о пересмотре территориального устройства страны вплоть до отделения северной части, а «Национальный альянс» предлагал, напротив, усилить исполнительную вертикаль переходом к президентской модели, сохранив, естественно, единство нации. В определённой степени все три популизма первого этапа в рамках своих идеологий продвигали антиинституциональные

[94] Tarchi M. Italy: A Country of Many Populisms …

практики и политические решения. Однако разница между ними была довольно существенной. Как отмечал итальянский политолог Илво Диаманти, только присутствие «Вперёд, Италии» могло сплотить воедино такую разнородную коалицию политических акторов[95].

По мнению М. Маккафери[96], Берлускони полностью изменил дискурс, он создал новую «гегемонию» (в терминологии А. Грамши). Именно Берлускони изобрёл новый итальянский популизм и популистский дискурс, противопоставляя «нормального гражданина» когорте старых политических партий. Ещё одним «достижением» берлусконизма было преодоление длительной идеологической и культурной маргинализации правых в годы Первой республики. Именно союз Берлускони с Дж. Фини и «Лигой Севера» привёл к тому, что «открытие правых» в 1990-х гг. было столь же революционным, как и «открытие левых» в 1960-х гг. Именно в берлусконизме и его «политике как антиполитике» мы можем обнаружить истоки последующего успеха суверенизма М. Сальвини и популизма «Движения 5 звёзд».

Однако позволим себе отметить, что созданная С. Берлускони «новая гегемония» выстраивалась прежде всего на популизме в его узком смысле – как противопоставлении «народа» и «элит», «гражданского общества» и «бюрократии», но в то же время эта «новая гегемония» не была монолитной и изначально содержала в себе несколько разных идентичностей, что заложило основу последующей фрагментации популистского поля и стало фактором, ограничивающим возможности реализации тех идей и программных положений, на основе которых популисты выстраивали свою поддержку.

Первая волна популизма не преодолела феномен антиполитики, но лишь закрепила его в общественном сознании: с тех пор лишь «обычный человек» и его интересы находятся в центре любого политического конфликта, а поскольку «обычный человек» в Италии крайне разнообразен и фрагментирован, то и

---

[95] Diamanti I. The Italian centre-right and centre-left: between parties and «the party» // West European politics. 2007. Vol. 30, №4. P. 733-762.
[96] Maccaferri M. Italy as Europe's political laboratory? …

партийно-политическая жизнь страны неизбежно отражает эту «текучесть» и «многоголосие», не имея возможности зацепиться за «большой нарратив» или новую широкую идентичность.

ГЛАВА 3. ВТОРАЯ ВОЛНА (2011–2018 гг.): ПОПУЛИЗМ НА ПУТИ К ИНСТИТУТАМ

Великая рецессия оказала большое влияние на развитие итальянской политической системы. По словам Ж.М. Фара, «с этого момента Италия напоминает открытую стройку, которая никак не может закончиться, потому что ни у кого нет чётких идей о том, что же именно там надо построить. Стройку, заполненную множеством сварливых аспирантов-архитекторов, которые никак не могут договориться, потому что на самом деле они вовсе не заинтересованы в том, чтобы работа начиналась и заканчивалась. Они, по сути, отцы и дети бесконечного перехода, заинтересованные в поддержании статус-кво больше, чем в какой-либо перспективе»[97].

Во-первых, Великая рецессия стала одной из главных причин отставки С. Берлускони и распада его правопопулистской коалиции. Несмотря на то, что Кавальере позиционировал себя сторонником неолиберальных реформ, по единогласному мнению большинства итальянских исследователей, он оставил многие из заявленных реформ нереализованными. Парадоксальным образом, для итальянского общества он оказался слишком праволиберальным, начав наступление на сферу социальных расходов, пенсионную систему и налогообложение, а вот для представителей т.н. «Тройки» (Европейская комиссия, Европейский центробанк, Международный валютный фонд) С. Берлускони, напротив, оказался недостаточно праволиберальным, потому как ситуация в экономике страны требовала ещё более жёсткого затягивания поясов. Кроме того, свою роль в дискредитации берлусконизма снова сыграли коррупционные скандалы, подобно тому, как это было в начале 1990-х гг. За уходом Берлускони с поста премьер-министра последовало незамедлительное

[97] Fara G.M. Considerazioni generali. 22 Rapporto Italia, 2010. EURISPES, Roma. P. 4.

падение популярности его «Народа свободы», распад правопопулистской коалиции и трансформация «Лиги Севера» и «Национального альянса», перед которым встала задача поиска новой идентичности и новой стратегии в изменившихся реалиях Великой рецессии. Сформировавшаяся в 2007 г. двухполюсная партийная модель, в рамках которой правый полюс объединился вокруг «Народа свободы», а левый – вокруг Демократической партии, не пережила следующих выборов 2013 г., когда стало понятно, что правая коалиция находится в состоянии полного распада[98], а между тем на арену выходит новая политическая сила, позиционирующая себя вне политической оси левые/правые – «Движение 5 звёзд». Однако, как метко заметил Ж.М. Фара, противники Берлускони не замечали, как сами использовали «его метод: заниматься политикой, не имея никакого проекта будущего»[99]. Уход Кавальере с политической сцены снова вывел на неё тех, кто выстраивал свою идентичность на порицании ошибок уходящего «правящего класса», но не предлагал альтернативной модели развития.

Во-вторых, долгосрочным последствием экономического кризиса стал феномен «технических правительств», первым из которых стал сформированный в 2011 г. Кабинет М. Монти. По сути, технические правительства стали формой демократического «элитизма». Дискуссия о том, какова степень легитимности таких правительств продолжается в итальянском обществе и по сей день. Также широко обсуждается вопрос о том, что технократические правительства, как и популизм, являются проявлением одного и того же «отрицания» политики и ещё больше закрепляют в общественном сознании феномен антиполитики: ведь технократы, так же как и популисты, по сути, отвергают способность «политиков» решить насущные потребности общества[100]. Кроме того, оба типа политических акторов

---

[98] См., напр.: Tarchi M. Voters without a party: the «Long Decade» of the Italian centre-right and its uncertain future // South European society and politics. 2018. Vol. 23. №1. P. 147-162.
[99] Fara G.M. Op. cit. P. 6.
[100] Bickerton C., Ivernizzi A. Populism and technocracy: opposites or complements? // Critical review of international social and political philosophy. 2017. Vol. 20. № 2. P. 186-206.

весьма скептически относятся к формальным процедурам представительной демократии и отличаются выраженным недоверием к партии как институту-посреднику.

Тем не менее одно уже совершенно очевидно (и это третье последствие Великой рецессии для политической системы страны), что делегитимация первой волны правого популизма и возникновение феномена «технических правительств» в совокупности снова дали огромный стимул для новой волны антиполитики, прямым выражением чего стал выход на политическую сцену «Движения 5 звёзд». Эта политическая сила противопоставила себя и правым популистам первой волны, которые теперь уже, после десятилетия в правительстве, не могли похвастаться своей «антиполитичностью» и оказались запятнаны коррупционными скандалами и непотизмом; и левой Демократической партии, которая, «поставляла кадры» для технических правительств и напрямую их поддерживала, тем самым ассоциируясь в глазах избирателей с праволиберальным экономическим курсом, мерами жёсткой экономии и политикой Брюсселя и международных финансовых институтов в отношении Италии. Образовался новый кливидж в итальянской политической системе: к уже существующему размежеванию по оси правые/левые добавилась ось популизм/антипопулизм. При этом последний полюс (антипопулизм) оказался сформирован двумя политическими силами – т.н. «техническими правительствами» (которые априори носят элитистский характер) и мейнстримными левоцентристскими силами, прежде всего Демократической партией.

Трансформация в стане правых популистов

Несмотря на идеологическую совместимость «Вперёд, Италии» (а затем «Народа свободы») и «Лиги Севера», их «сработанность» за последние 10 лет (2000–2011 гг.) и уже упомянутое разделение ролей между их лидерами, их сотрудничество резко оборвалось в ноябре 2011 г. Как известно, потеряв 8 ноября поддержку нижней палаты парламента, лидер «Народа свободы» С. Берлускони подал в отставку с поста премьер-министра, открыв путь к власти новому правительству во главе с М. Монти.

Однако Кабинет М. Монти получил поддержку от «Народа

свободы», но не от «Лиги Севера»: лигисты объявили правоцентристский союз мёртвым, и перешли на скамейки оппозиции, несмотря на попытки С. Берлускони смягчить их разногласия. В дополнение к этому, после разрушительного коррупционного скандала, связанного с незаконным присвоением государственных денег, в котором были замешаны основатель и лидер «Лиги Севера» У. Босси и члены его семьи, с июля 2012 г. лигистов возглавил бывший министр внутренних дел Р. Марони.

Однако коалиция начала трещать по швам ещё задолго до формального распада в 2011 г.[101] Среди причин можно назвать и многочисленные скандалы коррупционного и сексуального характера вокруг С. Берлускони, на которые лигисты вынуждены были закрывать глаза, но которые тем не менее бросали тень и на репутацию «Лиги Севера», которая с самого своего основания придерживалась антикоррупционного дискурса. Кроме того, четвёртое правительство Берлускони оказалось неспособным снизить налогообложение или провести какие-либо серьёзные реформы, которые могли бы смягчить кризисные явления в экономике страны, что крайне не удовлетворяло электорат «Лиги Севера». Напротив, под давлением международных партнёров по ЕС и финансовых институтов в 2010–2011 гг. были приняты три чрезвычайных указа, предписывавших увеличение налогового бремени. Также союз с Берлускони вызывал недовольство многих членов и сторонников «Лиги Севера», которые видели партию как альтернативу «партиям системы», к которым причисляли в т.ч. партию Берлускони. Усиливались и разногласия по другим программным пунктам. Лигисты открыто враждебно относились к иммиграции и мультикультурализму, выступая за усиление политики безопасности, осуждая решение «Вперёд, Италии» о помиловании лиц, осуждённых за различные преступления, и отвергая предоставление права голоса иммигрантам на местных выборах.

Задолго до 2011 г. стало также понятно, что позиции «Лиги Севера» укрепляются, зачастую за счёт сжимающейся поддерж-

---

[101] Albertazzi D. Amici fragili: the alliance between the Lega Nord and the Popolo della Libertà as seen by their representatives and members // Modern Italy. 2013. Vol. 18. №1. P. 1-18.

ки Берлускони. Итоги выборов 2008 г. показали, что последнему придётся зависеть от своего младшего союзника для выживания своего правительства: лигисты получили 8,3% голосов, т.е. более чем в два раза больше, чем на всеобщих выборах 2001 г., впервые серьёзно усилив свои позиции в тех регионах, где до этого предпочтение отдавали «Вперёд, Италии» и «Национальному альянсу», в частности в экономически мощных Ломбардии и Венето[102]. Затем тенденция подтвердилась выборами в Европейский парламент 2009 г. и региональными выборами, а также ростом числа членов «Лиги Севера» (со 112 тыс. членов в 1996 г. до 155 тыс. – в 2008 г.[103]). «Лига Севера» очень прочно укоренилась локально и территориально, чем никогда не могла похвастаться партия Берлускони. Помимо этого, лигисты полагались также на хорошо поставленную неоплачиваемую волонтёрскую работу и постоянную агитацию. Благодаря внутренней дисциплине, активисты всегда оставались «в обойме», что партия смогла сделать благодаря очень эффективной стратегии внутренней коммуникации. И, конечно же, у лигистов, в отличие от последователей С. Берлускони, была выраженная идентичность, что подтверждало наличие чётких ответов на ключевые вопросы политической повестки.

Повышение веса «Лиги Севера» внутри коалиции отразилось и на её позициях в четвёртом кабинете С. Берлускони, где её представителям удалось занять ключевые позиции в Министерстве федеральных реформ и МВД, а также провести через парламент в 2009–2011 гг. пакет инициатив в сфере безопасности и иммиграции.

Именно эти сферы стали основой идейной трансформации «Лиги Севера» после распада коалиции с С. Берлускони и смены политического лидерства лигистов. Хотя, безусловно, фундамент этой идейной эволюции был заложен ещё У. Босси, и начался этот процесс ещё в 2000-х гг. – под влиянием событий 11.09.2001 г. Критика политики правительства в области иммиграции постепенно стала новой основой «протестного» поведения лигистов, а иммиграция всё чаще присутствовала в ри-

[102] Ibid.
[103] Ibid.

торике партии как экзистенциальная угроза самому́ выживанию самобытности и культур северных итальянцев, используя таким образом растущий страх и негодование местного населения по отношению к иностранцам. Кроме того, формирование технического правительства М. Монти и его меры борьбы с последствиями экономического кризиса дали «Лиге Севера» прекрасный шанс для возобновления своей популистской риторики в духе «антиполитики». Новый кабинет обвинили в «приостановке парламентской демократии, государственном перевороте, совершённом банкирами и международными финансами»[104]. Кроме того, благодаря своей роли непримиримой оппозиционной партии, лигистам удалось занять наиболее выгодное положение «над схваткой» между левыми и правыми, обвинив обоих (и «Народ свободы», и Демпартию) в излишнем стремлении идти на компромисс друг с другом и приравняв их к образу давно презираемой «консоциативной системы»[105].

После скандального ухода У. Босси в 2012 г., в отношении которого вскрылись факты коррупции, и промежуточного периода, когда партией руководил бывший министр Р. Марони, стремившийся покончить с «антиполитическим духом» и перейти на позиции традиционной институционализированной партии, в конце 2013 г. на закрытых первичных выборах победил М. Сальвини, что позволило ему занять пост лидера партии. Сальвини сочетал многолетний опыт работы в городском совете Милана с ролями на национальном и европейском уровнях. Это позволило ему сформировать повестку общенационального уровня, сохраняя при этом – по крайней мере вначале – прочные связи с местными подразделениями «Лиги Севера» и её территориальной опорой в Ломбардии. Однако выборы 2013 г. из-за череды скандалов партия всё же провалила, набрав всего 4,1% голосов.

Приход Сальвини радикально изменил идентичность партии. Уже в конце 2013 – начале 2014 г. из уст Сальвини звучат извинения в адрес южан за то отношение, которое они встречали ранее от «Лиги Севера», и тезис о том, что «либо Италия спасёт се-

---

[104] Passarelli G.,Tuorto D. Lega & Padania. Storie e luoghi delle camicie verdi. 2012. Bologna: il Mulino. P. 213.
[105] Tarchi M. Voters without a Party… P. 152.

бя как нация, либо все её регионы без исключения столкнутся с гибелью»[106]. Безработица и иммиграция – две главные угрозы чрезвычайного характера как для Севера, так и для Юга страны. Кроме того, утверждал Сальвини позже, даже если бы Север мог действовать в одиночку, он всё равно стал бы жертвой правил, навязанных «тоталитарным» ЕС[107], и ему по-прежнему пришлось бы использовать валюту, якобы созданную для выгод немецкой экономики – евро. Таким образом, ЕС (а не Рим) стал изображаться источником реальной власти и, как следствие, главным врагом – причём теперь уже не северян, а всего итальянского народа. Это позволило Сальвини на партийной конференции 2014 г. аннонсировать создание «одного или нескольких движений» по всей Италии, которые объединились бы с «Лигой Севера» в борьбе против премьер-министра Маттео Ренци, который считался главным проводником политики ЕС в Италии. Вскоре после этого была создана структура «Мы с Сальвини», целью которой было участие в электоральных кампаниях в центре и на юге страны, где «Лига Севера» не была конкурентоспособна.

Стратегия Сальвини была вознаграждена избирателями уже на региональных выборах 2014–2015 гг., в результате которых партия получила около 20% голосов в Эмилии-Романье и Тоскане, а лигист Лука Дзайя вновь занял свой пост президента региона Венето, набрав более 50% голосов.

По мере приближения к парламентским выборам 2018 г. «Лига Севера» и «Мы с Сальвини» объединились в новую «Лигу». Перед выборами 2018 г. партия выставила кандидатов по всей стране, из названия партии было решено окончательно убрать упоминание Севера, а к логотипу партии добавить персонализацию «Лига – Сальвини премьер». В уставе новой партии любая явная ссылка на «Север» была ликвидирована и замене-

---

[106] Salvini: Sul Sud abbiamo sbagliato, Italia si salva intera. Con Renzi il patto del Nazareno lo farei sul lavoro // Il Sole 24 Ore, 01.12.2014. URL: https://st.ilsole24ore.com/art/notizie/2014-12-01/salvini-sul-sud-abbiamo-sbagliato-italia-si-salva-intera-renzi-patto-nazareno-farei-lavoro-163538.shtml?uuid=ABK41NKC&refresh_ce=1 (дата обращения 31.07.2023).

[107] Salvini M. Secondo Matteo: Follia e Coraggio per Cambiare il Paese. 2016. Milano: Rizzoli. P. 138.

на более общей целью «преобразования итальянского государства в современное федеративное государство», включая, таким образом, все итальянские регионы[108]. Как отмечают исследователи, это довольно уникальный случай трансформации регионалистской партии, выступавшей некогда за отделение регионов, в националистическую[109], оставившую в прошлом те размежевания в сфере культурной идентичности и неравномерного социально-экономического развития, на которых изначально была основана её идеология. Данная трансформация позволила партии получить наилучший результат в своей истории на выборах 2018 г. (17%) и стать первой партией среди правых по степени поддержки электората, закрепившись и в регионах т.наз. «красного пояса» (Эмилия-Романья, Тоскана, Умбрия, Марке) и даже на островах, и сохранив при этом уверенное территориальное присутствие на Севере. Партия приобрела ещё более выраженные персоналистские черты, в т.ч. благодаря активному использованию её лидером социальных медиа, что позволило нарастить уровень мобилизации и расширить её географический охват. Продвижение партии на Юг, по меткому выражению Д. Альбертацци, А. Джованнини и А. Седдоне, «позволило Сальвини рисовать на чистом холсте и дало ему возможность определить идентичность, ценности и повестку дня “заново изобретённой” “национальной” “Лиги” по своему усмотрению»[110]. А активное использование социальных медиа позволило создать эффект перманентной избирательной кампании. В итоге к моменту формирования «правительства перемен» в июне 2018 г., в состав которого вошла обновлённая «Лига», число «лайков» под некоторыми постами в сети *Facebook*[111] превышало 2 млн, а число подписчиков в *Twitter*[112] – 800 тыс.

Безусловно, столь масштабное расширение аудитории тре-

---

[108] Gazzetta Ufficiale. Statuto del movimento politico «Lega per Salvini Premier». 14.12.2017. URL: https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2017/12/14/17A08410/sg (дата обращения 01.08.2023).
[109] Albertazzi D., Giovannini A., Seddone A. «No regionalism please, we are Leghisti !» The transformation of the Italian Lega Nord under the leadership of Matteo Salvini // Regional & Federal Studies. 2018. Vol. 28, №5. P. 645-671.
[110] Ibid. P. 651.
[111] Запрещён в РФ.
[112] Запрещён в РФ.

бовало и серьёзного «расширения» идентичности: партия и её лидер сосредоточились на тех темах, которые действительно имеют общенациональную значимость – иммиграция, безопасность, терроризм, национальный суверенитет в его противостоянии брюссельской бюрократии (суверенизм и евроскептицизм), протекционизм (поддержка национальных производителей и экспорта товаров "*made in Italy"*)[113], отодвинув на второй план интересы северных регионов. А поскольку такие проблемы, как безопасность, терроризм и иммиграция, на которых выстраивалась новая идентичность партии, затрагивали интересы прежде всего южных регионов страны, то и дискурс Сальвини постепенно стал смещать акценты с Севера на Юг. Интересно, однако, что хотя Сальвини воплощал стратегию «национализации» «Лиги», партийные элиты, структурированные и укоренившиеся на Севере, по-прежнему признавали, что вопросы федерализации «зашиты в ДНК» «Лиги» и продолжали отождествлять себя именно с региональным измерением партии, считая переход лидера и партии на позиции национализма лишь вре́менным тактическим ходом. По мнению Д. Альбертацци и его коллег[114], они могли поддерживать новый подход лидера в первую очередь по инструментальным причинам, т.е. потому, что ожидали, что стратегия Сальвини окупится в электоральном плане, что и подтвердилось в ходе парламентских выборов 2018 г.: «Лига» получила на 4 млн голосов больше (+13,2%), чем на предыдущих выборах 2013 г., и, как упоминалось ранее, впервые обогнала «Вперёд, Италию» в рамках правоцентристской коалиции[115]. Смена стратегии показала свой результат и на Юге страны, где лигисты в среднем получили 8% голосов. Электоральный успех в северных регионах подтвердил тезис о том, что региональная партийная элита и избиратели после смены стратегии не отвернулись от «Лиги»: 32,8% голосов партия получила в Венето и

[113] Albertazzi D., Giovannini A., Seddone A. Op. cit.; Bobba G., Seddone A. Issues without owners, candidates without ownership. An analysis of 2013 Italian general election campaign // Quaderni di scienza politica. 2015. Vol. 22, №1. P. 37-60.
[114] Ibid.
[115] Chiaramonte A., Emanuele V., Maggini N., Paparo A. Populist success in a Hung parliament: the 2018 general election in Italy // South European society and politics. 2018.

28,3% в Ломбардии. На общенациональной арене «Лига» стала третьей партией после Демократической партии и «Движения 5 звёзд» и единственной, пережившей переход от Первой республики ко Второй.

Однако расширение идентичности, с одной стороны, и возросшая персонализация лидерства и прямое общение лидера с его сторонниками посредством социальных медиа – с другой, имеют и обратную сторону: партия как структура, как сеть территориальных ячеек, ведущих работу на местах в некоторым смысле становятся не столь необходимыми, как это было на начальном этапе развития партии. Более того, поколение новых членов партии, в отличие от руководителей региональных подразделений, зачастую не знают «регионалистского» или «автономистского» периода партийной истории – идеологических корней «Лиги Севера». Также региональные партийные элиты во многом не прекратили «указывать пальцем на Рим»[116] (а вовсе не на Брюссель), и, как мы увидели на примере референдумов об автономии в Венето и Ломбардии 22 октября 2017 г., продолжили политическую борьбу за увеличение собственных полномочий. Главам этих регионов (Л. Дзайя в Венето и Р. Марони в Ломбардии) удалось значительно нарастить собственный политический вес и продолжить развивать размежевание по линии центр/регионы, чего центральное руководство партии уже хотело бы избежать.

Таким образом, в течение 2011–2018 гг. «Лига» прошла путь от регионалистской правопопулистской партии к радикально правопопулистской, сменив свою референтную аудиторию с «северян» на всех «коренных итальянцев», т.е. заменив регионализм национализмом (или нативизмом). Лозунг «прежде всего итальянцы» *(“prima gli italiani”)* стал главным символом нативистского шовинизма лигистов. Главной целью было объявлено возвращение национального суверенитета, а главным врагом итальянского народа был назван не Рим, а Брюссель. Радикальный популизм, нативизм, суверенизм и евроскептицизм ста-

[116] A Pontida la Lega tricolore. Salvini archivia il Carroccio. Agi.it. 01.07.2018. URL: https://ilmanifesto.it/a-pontida-la-lega-tricolore-salvini-archivia-il-carroccio (дата обращения 07.02.2023).

ли ключевыми компонентами идеологии легистов.

Ещё бóльшая турбулентность характеризовала эволюцию третьего партнёра в составе правой коалиции – «Национального альянса».

После долгого противостояния (2007–2009 гг.) Дж. Фини с С. Берлускони по поводу создания единой партии, её лидерства, идейной базы и организационной структуры «Национальный альянс» и партия С. Берлускони всё же объединились в «Народ свободы» в марте 2009 г. Старая партия «Национальный альянс» была распущена, затем в 2011 г. был сформирован «Фонд Национальный альянс» с целью хранения наследия партии. Дж. Фини вместе с частью бывших парламентариев «Национального альянса» вышел из «Народа свободы» и сформировал собственную парламентскую группу «Будущее и свобода для Италии», которая перешла в оппозицию правительству. После отставки Берлускони в 2011 г. обе фракции – и «Народ свободы», и «Будущее и свобода для Италии» поддержали Кабинет М. Монти. Однако затем и внутри «Народа свободы» начало зреть недовольство новым правительством. Явный раскол последовал после того, как в 2012 г. Берлускони отказался от проведения конкурентных внутрипартийных выборов и снова объявил себя лидером «Народа свободы». Вслед за этим в декабре 2012 г. внутри «Народа свободы» оформилась группа бывших членов «Национального альянса» во главе с Джорджией Мелони и было принято решение о создании новой политической партии – «Братья Италии – Национальный альянс», к которой и перешла символика «Национального альянса», а первыми лицами новой партии стали бывший лидер «Национального альянса» (с 2008 г.) – И. Ла Русса и бывшая министр по делам молодёжи в четвёртом правительстве С. Берлускони, также член «Национального альянса» – Дж. Мелони, занявшая позицию лидера партии. Фактически, «Братья Италии» родились по инициативе тех депутатов «Народа свободы», которые никогда не разделяли линию Берлускони на поддержку правительства Монти, т.е. из наиболее протестного актива бывшего «Национального альянса».

Сам Дж. Фини после неудачных попыток в 2010–2011 гг. сформировать центристский «Полюс нации», который стал бы

третьим полюсом (помимо правого и левого), фактически утратил свою политическую акторность. Символический акт передачи наследия «Национального альянса» «Братьям Италии» обеспечил значительную легитимность Дж. Мелони и её последователям, которые использовали его для запуска учредительного этапа своей партии, кульминацией которого стало празднование первого национального конгресса 7-8 марта 2014 г., на котором делегаты были выбраны путём первичных выборов. «Во имя суверенного народа» – таков был лозунг, выбранный для мероприятия, ясно указывающий, на каких основаниях «Братья Италии» намеревались выстраивать свою политическую идентичность – их целевой аудиторией стал электорат радикальных правых популистов.

По итогам выборов 2013 г., где «Братья Италии» всё же выступили в составе правой коалиции, возглавляемой С. Берлускони (избирательное законодательство, предполагавшее премию большинства для победившей партии или коалиции, делало невыгодным для партий самостоятельное участие в выборах, вне коалиций), партия получила всего лишь 1,9% голосов. Риторика партии выстраивается вокруг тем, к которым апеллировал ранее «Национальный альянс»: защита традиционной семьи, католических корней нации, повышение роли государства в экономике, внимание к проблемам Юга и критика иммиграции, понимаемой как угроза национальной идентичности.

2014 г. во многом стал показательным для дальнейшей эволюции правых сил в Италии. Так называемый «пакт Назарено»[117], подписанный между «Вперёд, Италией» и Демпартией, которую на тот момент возглавил молодой и перспективный М. Ренци, продемонстрировал готовность Берлускони двигаться к центру и «договариваться» с левыми по конкретным вопросам повестки дня. Это стоило ему падения поддержки избирателей на выборах в Европарламент 25 мая 2014 г., где его партия набрала всего 16,2%, а Демпартия капитализировала свой успех, получив 40,8% голосов. Напротив, «оппозиционность» «Лиги»

[117] Пакт предполагал сотрудничество парламентариев обеих партий для одобрения некоторых важных реформ, таких как: пересмотр раздела V второй части Конституции; преобразование сената в палату «автономий»; новый закон о выборах с премией большинства.

и «Братьев Италии», наконец-таки обретших обновлённую идентичность, повлияла на рост их поддержки по сравнению с предыдущими национальными выборами 2013 г. – 6,2 и 3,7% соответственно. Расходящиеся векторы стратегий правых партий привели к их различному позиционированию в Европейском парламенте: в то время как «Вперёд, Италия» продолжила быть частью фракции Европейской народной партии, «Лига» объявила о поддержке новой группы – «Европы наций и свобод», в которой объединилась с «Национальным фронтом» М. Ле Пен, австрийской «Партией свободы», датской «Партией свободы» и бельгийским «Фламандским интересом», чьей общей идеологией стали суверенизм в противостоянии европейскому «сверхгосударству», противодействие иммиграции и критика ультраатлантических позиций (с вытекающим из этого отказом от антироссийских предрассудков). Такая идейная платформа стала основой евроскептического дискурса «Лиги Севера», тем самым усилив расхождения с «Вперёд, Италией», закрепившейся на проевропейских позициях. И, напротив, антииммиграционная и суверенистсткая повестка стала основой для сближения «Лиги» и «Братьев Италии» – уже в 2014 г. обе партии вместе принимали участие в митингах против иммиграции, организованных во многих крупных городах страны. Отсутствие территориальной структуры и «сделка» с представителями «правящего класса» фактически обрекли «Вперёд, Италию» на маргинальное положение внутри правой коалиции и на итальянской политической сцене в целом. С электоральной точки зрения, исследования подтверждают определённую текучесть внутри правой коалиции с оттоком голосов из «Вперёд, Италии». Более того, именно избиратели, покинувшие Берлускони, частично обеспечили успех «Лиге» в 2018 г.

Таким образом, кризис правых сил в начале 2010-х гг., выражением которого стали описанные выше конкуренция за лидерство внутри коалиции, высокая фрагментация, радикальные идейные трансформации, неспособность воплотить нарративы в конкретные практики и политические решения, незавершённый процесс институционализации партий, привели к существенной делигитимации правого популизма в глазах электората.

В совокупности с недовольством гражданами политикой жёсткой экономии, которую реализовывали технические правительства и представители Демократической партии, кризис правых сил дал толчок новой волне антиполитики, на фоне которой популярность получила новая политическая сила – «Движение 5 звёзд», оглушительный успех которой стал главным итогом выборов 2013 г. и позволил говорить о появлении «третьего полюса» в итальянской партийной системе, что окончательно подтвердилось к моменту выборов 2018 г., когда Д5З набрала рекордные 32% голосов, оставив далеко позади остальные политические партии.

«Движение 5 звёзд»: новый актор антиполитики и протагонист гражданского общества

Очередной кризис легитимности и доверия, поразивший итальянскую политическую систему в начале 2010-х гг., был не менее глубоким, чем кризис начала 1990-х. Причём его восприятие обществом усугублялось ещё и разочарованием от первого, проваленного, десятилетия трансформации: если в начале 1990-х гг. была надежда на то, что берлусконизм и новые люди изменят систему, то в начале 2010-х гг. оказалось, что ничего нового они, не привнесли, а кроме них на политическом горизонте нет никого, кто мог бы внушать надежду[118]. По меткому выражению Ж.М. Фара, «принудительная двухпартийность» обеднила демократию, изгнав из парламента все политические и культурные проявления, которые могли предоставить слово силам, происходившим из общества… Мы лишили возможности значительную часть электората иметь своё представительство в институтах… В то же время консолидировались два политических блока, которые на самом деле поддерживают друг друга по текущим вопросам повестки, не предлагая никакой иной перспективы, кроме как удержание власти … Огромная часть итальянцев не ощущает себя представленной и реагирует на это неявкой на выборы и дистанцированием от политики и институтов … Многие в нашей стране думают, что Берлускони убил по-

[118] Ceccarini L., Diamanti I., Lazar M. Fine di un ciclo: la destrutturazione del sistema partitico italiano // In: Politica in Italia. I fatti dell'anno e le interpretazioni eds. A. Bosco, D. McDonnell). Il Mulino, Bologna, 2012. P. 63-82.

литику, не отдавая себе отчёта в том, что он и был результатом смерти политики»[119].

В этой атмосфере на административных выборах 2012 г., а затем и на общенациональных выборах 2013 г. невероятную поддержку получает политическая сила, снова сделавшая ставку на антиполитику, – «Движение 5 звёзд». На первоначальном этапе формирования оно было совершенно новым явлением в итальянской политической жизни.

Прежде всего, новым был тип лидерства. Беппе Грилло, ставший знаменитостью ещё в 1970-х и 1980-х гг. как актер, комик и телеведущий, работавший над рядом успешных программ, транслируемых *RAI* (итальянской сетью общественного телевидения), был фактически изгнан с телевидения в 1986 г. за едкую шутку о социалистах в правительстве. «Политическая предприимчивость» Б. Грилло была иной, нежели у С. Берлускони. Если Кавальере позиционировал себя как бизнесмен, «сделавший себя сам», и в этом смысле мог служить примером для многих итальянцев и мог, как ожидалось, с помощью своих компетенций менеджера вывести экономику из кризиса, то Б. Грилло едва ли мог похвастаться чем-то, кроме способности искусно транслировать своё саркастичное отношение к окружающей реальности[120], «заражая» своей антиполитичностью; переплыть Мессинский пролив или взобраться босиком на Этну. Но, несмотря на это, или даже именно поэтому роль Б. Грилло в истории Д5З настолько велика, что исследователи единогласно называют «Движение» партией с персоналистским типом лидерства, а самого Грилло сравнивают с У. Босси на начальном этапе развития «Лиги Севера»: обоих, по словам И. Диаманти, объединяет (с разницей в 20 лет) «политическое предпринимательство протеста»[121], т.е. способность превратить кризис легитимности институтов в политический ресурс.

В начале 2000-х гг. Д5З привнесло в итальянскую политику новые демократические практики, организовав в 2005 г. блог

---

[119] Fara G.M. Op. cit. P. 10.
[120] Dematteo L. L'idiota in politica. Milano: Feltrinelli, 2011.
[121] Diamanti I. The 5 Star Movement: a political laboratory // Contemporary Italian politics. 2014. Vol. 6, №1. P. 4-15.

beppegrillo.it – «виртуальную агору»[122], а затем начав формирование реального сообщества с помощью платформы *beppegrillo.meetup.com*. Данные формы были затем дополнены и более широким форматом «площадной дипломатии» – т.н. *Vaffancullo Day* – целой серии протестных митингов («цунами»), первый из которых состоялся в Болонье 8 сентября 2007 г.[123] Протест носил открыто антиинституциональный характер: Д5З призывало запретить баллотироваться в парламент признанным виновным на любом из трёх уровней правосудия, запретить избираться более чем на два срока и заменить голосование по закрытым спискам системой предпочтительного голосования. На тот момент все три явления были крайне распространены в Италии: парламентская неприкосновенность была препятствием для реализации судебных приговоров, одни и те же депутаты годами занимали свои кресла, а списки голосования были закрытыми: конкретный состав депутатов определялся главой партии, зачастую на основании личных патрон-клиентских отношений, выстроенных, опять же, годами.

С учётом обозначенных выше недостатков имеющейся избирательной системы Б. Грилло на первых этапах ставил задачу максимально содействовать приходу в институты представителей гражданского общества, выступив своего рода «гарантом» гражданских списков. «Новый Ренессанс», утверждал он, начнётся с местных выборов, на которых были выставлены кандидаты, представшие как «друзья Беппе Грилло». В 2008 и 2009 гг. при поддержке Д5З были избраны первые члены местных советов. Грилло также поддержал избрание в Европейский парламент двух независимых кандидатов, Луиджи Де Магистриса и Сони Альфано, по спискам партии «Италии ценностей» – популистской партии левого толка, возглавляемой Антонио Ди Пьетро, бывшим магистратом, который сыграл ведущую роль в операции «Чистые руки» в начале 1990-х.

---

[122] Bassini M. Rise of populism and the Five Star Movement model: an Italian case study // In: Italian populism and constitutional law (eds. Delledonne G., Martinico G., Monti M., Pacini F.). Palgrave Macmillan, 2020. P. 199-222.

[123] Маслова Е.А. Евроскептицизм и популизм в Италии: пример «Движения пяти звёзд» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. №10(1). С. 141-157.

«Интернетизация политики» имела взрывной эффект для итальянского общества. По сути, с помощью Интернета Б. Грилло удалось воплотить в жизнь то, чего не удалось добиться популистам в первые десять лет перехода от Первой республики ко Второй, а именно создать иллюзию реального участия гражданского общества в политике – «суверенного народа», напрямую влияющего на суть происходящего, в обход представительных институтов и «политического класса». Именно в сети последователи Б. Грилло (гриллини) конструируют собственное представление о демократии, основанное на прямых отношениях между отдельными гражданами и общими интересами: «Страна, – по словам Грилло, – может быть перестроена только снизу вверх. Гражданами, превращающими себя в государство». «Каждый человек за одного» – рефрен в рассуждениях Грилло: в сети политическое делегирование само по себе не имеет никакого значения. Граждане, поскольку они являются настоящими «собственниками» государства, должны осуществлять постоянное руководство и контроль. Политики – это в лучшем случае «служащие» с вре́менным мандатом, работники с фиксированным сроком, которые постоянно контролируются и подчиняются. Сразу вспоминается фраза лидера «Фронта обывателя» Г. Джаннини, который утверждал, что, чтобы управлять, достаточно хорошего бухгалтера, который вступит в должность 1 января и уйдёт 31 декабря, не правда ли?

Б. Грилло утверждает, что политика должна стать образом жизни, ею нужно заниматься каждый день «когда мы делаем покупки, когда едем на автобусе, когда стои́м на остановке перед светофором, когда идём в школу»[124]. Благодаря Интернету стала возможной «рутинизация» политики, смешение политического и социального, стирание грани между политикой и гражданским обществом. И если сначала Б. Грилло верил в возможности коррективы демократии с помощью референдумов, то затем он перешёл на иные позиции, утверждая, что время референдумов и законопроектов, вносимых широкой общественностью, закончилось – чтобы изменить [Италию], политиков нуж-

[124] Piazza Maggiore, Bologna, otto settembre 2007. URL: https://beppegrillo.it/piazza-maggiore-bologna-otto-settembre-2007/ (дата обращения 31.07.2023).

но заменить гражданами. В соответствии с этим и кандидаты от «Движения 5 звёзд» должны были соблюдать определённые правила в соответствии с политическими взглядами: депутатский мандат они должны воспринимать как форму государственной службы, а не как карьеру: занимать должности ограниченное количество сроков; добровольно снижать заработную плату; отказаться от возмещения расходов на проведение выборов и любого государственного финансирования; обязательно периодически представлять себя на суд избирателей посредством голосования в сети; следовать принципу максимальной прозрачности в отношениях с гражданами (представители Д5З часто снимали заседания совета и размещали их в Интернете). Недостаток профессионализма и специальных знаний не рассматривались как препятствие для занятия должностей, напротив, это, скорее, преимущество, поскольку любой народный избранник обязан принимать решения с позиций и в интересах рядового избирателя. «Политика умерла», политические партии тоже. Поэтому политические списки должны формироваться из представителей гражданского общества. Д5З учредило очень подробный механизм, позволяющий гражданам, желающим участвовать в местных выборах, создавать свои собственные списки кандидатов. После того, как каждый список был создан, он проходил «сертификацию» – процесс, контролируемым самим Движением, в ходе которого проверялось соответствие кандидатов ряду строгих требований[125]. Затем «Движение» запустило предварительные онлайн-выборы для отбора кандидатов для участия во всеобщих выборах 2013 г.

В октябре 2009 г. «Движение 5 звёзд» было окончательно оформлено, хотя, чтобы подчеркнуть дистанцированность от политических партий, Д5З назвало себя «непартией», а свой устав – «неуставом», и категорически отказывалось использовать лексикон политических партий. Пять основных компонентов миссии символизировала звезда логотипа: гарантия обществен-

[125] De Petris A. Programs, strategies and electoral campaigns of the Five Stars Movement in Italy. A brand new party model or an «anti-party» state of mind? // In: A. De Petris & T. Poguntke (eds.) Anti-party parties in Germany and Italy. Rome: Luiss University Press, 2015. P. 125-142.

ного водоснабжения, защита окружающей среды, развитие общественного транспорта и связи, а также развитие в целом. На региональных выборах 2010 г. Д5З участвовало в 5 регионах, набрав более 0,5 млн голосов с максимумом в Эмилии-Романье (7%) и в Пьемонте (4%). На местных выборах в 2011 г. Д5З выдвинуло кандидатов в 75 муниципалитетов и добилось ещё больших успехов, достигнув 9,5% в Болонье. Поворотным стал 2012 г., когда партии удалось занять 1-е место на выборах на Сицилии, набрав 15% голосов, а затем удвоить результаты на других местных выборах, например, в Венето и Эмилии-Романье (20%), и в целом провести в местные советы более 150 своих членов. Впервые четыре представителя Д5З стали мэрами городов. К середине 2012 г. Д5З стала, по сути, 3-й партией в Италии, оттянув значительное число голосов у традиционных партий, в т.ч. у «Лиги Севера» в северных регионах страны.

Интересно заметить, что программные положения Д5З исходили именно из тех вопросов и проблем, которые были в центре внимания гражданского общества на тот момент: например, острой темой была приватизация систем водоснабжения. По этому вопросу даже было сформировано целое протестное движение, а партия «Италия ценностей» организовала референдум в июне 2011 г., равно как и по другим волнующим общество вопросам – ядерной энергетике и судебному преследованию членов парламента, у которых не закончился срок полномочий. Критика потребительной культуры, хищнического глобального капитала, финансовых спекуляций, итальянской системы медиа, сросшихся с властью, – все эти темы находили отклик у граждан Италии, остро переживающих последствия глобального кризиса 2008–2011 гг. и перманентного политического кризиса. Не менее интересно и то, что в своём дискурсе лидеры Д5З заходили и на поле правых, выступая против предоставления гражданства по месту рождения детям иммигрантов, критикуя вхождение Румынии в состав ЕС и допуская ксенофобию в адрес цыган.

Вопрос иммиграции ставится пятизвёздочниками в контекст общего «политического кризиса»: европейские институты они критикуют за неспособность принимать решения; звучит при-

зыв к перераспределению лиц, ищущих убежища, по государствам-членам ЕС. Эти государства резко осуждаются за эгоизм и за то, что они оставили Италию один на один с вызовом миграции. И хотя ни миграция, ни вопросы, связанные с определением «своих» и «чужих» с точки зрения этничности и культурной идентичности, не лежат в основе дискурса «Движения», Грилло постепенно занимает всё более нативистскую и «исключающую» позицию, когда определяет «народ» в своих выступлениях. Как и в случае с «Лигой Севера», острота вопроса возрастает с развитием миграционного кризиса и ростом Исламского государства[126]. По мнению Грилло, Италия стала «залом ожидания для отчаявшихся»[127], а все нелегалы должны быть репатриированы.

В известной мере включение миграционной темы в дискурс пятизвёздочников способствовало перетоку части электората от «Лиги Севера» к Д5З: 38% голосовавших за гриллистов в 2013 г. на предыдущих выборах (в 2008 г.) выбирали ЛС или «Вперёд, Италию».

С точки зрения состава электората Д5З, в целом интересно отметить, что в 2012 г. 40% поддержавших его избирателей голосовали ранее за радикальных левых популистов («Италию ценностей» А. ди Пьетро) либо радикальных правых популистов («Лигу Севера»), 48% составлял контингент левоцентристов. Таким образом, состав сторонников партии на тот момент чётко отражал «неидеологичность» Д5З, стремление быть «над» размежеванием по линии левые / правые и выстроить идентичность на совершенно иных основаниях[128]. Но основание для новой идентичности, по сути, было только одно – борьба с «правящим классом»[129], к которому были отнесены фактически все существующие политические силы: и техническое правительство М. Монти, и два противостоящих блока – берлусконизм

[126] Запрещено на территории РФ.
[127] Grillo B. Immigrazione, Il M5S Al Lavoro in UE. 2014. URL: http://www.beppegrillo.it/immigrazioneil-m5s-al-lavoro-in-ue/ (дата обращения 31.07.2023).
[128] Bordignon F., Ceccarini L. Five Stars and a Cricket. Beppe Grillo shakes Italian politics // South European society and politics. 2013.
[129] Diamanti I. L'autobus di Grillo nel paese della politica-che-non-c'è // La Repubblica, 13.07.2012. URL: https://www.repubblica.it/rubriche/bussole/2012/07/13/news/bussole_13_luglio-38970436/ (дата обращения 01.08.2023).

(правая коалиция) и «антиберлусконизм» (левая коалиция, объединившаяся вокруг Демпартии). Как отмечал И. Диаманти, «только в отношении ограниченной части электората можно с полной уверенностью сказать, что поддержка «Движения» отражает «выбор идентичности». И напротив, для многих других голосование за «Движение» было результатом решения «в последнюю минуту»[130], т.е., по сути, было протестным голосованием, а не выбором какого-то альтернативного пути. *Голосование за Д5З было альтернативой неголосованию вообще*.

Помимо содействия продвижению кандидатов от гражданского общества и выстраивания своей идеологии вокруг тех проблем, которые волновали гражданское общество, ещё одной стратегией Д5З стало создание и активизация горизонтальных социальных сетей гражданского общества с целью решения локальных проблем, вовлечения граждан в их решение и налаживание взаимодействия с местными административными институтами. С са́мого начала политический символ «Движения» служил своего рода «общим брендом» для локальных групп активистов и движений, уже действующих на местах, занимающихся решением экологических проблем и защитой общественных благ. По мнению И. Диаманти, Д5З «превратилось из гражданской сети в политического актора протеста, тем самым захватив роль, которую когда-то занимала “Лига Севера”, а также, в определённой степени, Берлускони»[131]. То есть Д5З возникло на волне уже существующего социального движения, из недр гражданского общества. Далее расширению этой горизонтальной сети были призваны способствовать созданные группы (*“meetup groups”*)[132], коих к 2013 г. было уже более 700 с общим количеством членов около 100 тыс. Самые большие группы, насчитывающие более 4 тыс. членов, находились в Неаполе, за ними следовали Катания и Болонья, насчитывающие около 2 тыс. человек; группы в Риме, Милане и Флоренции были чуть меньше; группы в Турине, Генуе, Палермо, Брешии, Бергамо, Вене-

[130] Diamanti I. The 5 Star Movement: a political laboratory …
[131] Ibid. P. 7.
[132] Biorcio R. (ed.) Gli attivisti del Movimento 5 Stelle. Dal web al territorio. Milano: Franco Angeli, 2015.

ции и Модене насчитывали более тысячи человек[133]. Подобное стремление мобилизовать низовой активизм и воспитать «критического гражданина» рассматривались как организационный костяк партии, которая при этом становилась как бы метаструктурой, интегрирующей широкую горизонтальную сеть низовых локальных ячеек. На тот момент горизонтальный, неиерархичный принцип функционирования организации преобладал. Сам Б. Грилло всегда отрицал, что он является «лидером», предпочитая статус «гаранта» и «рупора» движения[134]. Однако по факту уже в первые годы партия была не лишена иерархической структуры: лидер партии был единоличным правообладателем её логотипа и имел право самовольно исключать из партии любого члена за несоответствие; владельцем технологической платформы был Джанроберто Казаледжио, партнёр – основатель группы «Казаледжио Ассочиати», второй человек в партии после Б. Грилло, сделавший возможным сначала возникновение блога Грилло, а затем и платформы для онлайн голосования и обсуждения – «Руссо»[135]. В то же время Д5З имело высокопрофессиональное организационное ядро и центр коммуникаций, сосредоточенный в его центральном комитете. По мнению исследователей и некоторых членов партии, в ней уже тогда не хватало атмосферы живой дискуссии и внутренней демократии[136].

И тем не менее Д5З было попыткой создать новый тип политического актора – «непартию» – иной тип взаимодействия между обществом, политикой и институтами. По сути, речь шла о смешанной модели партиципаторной и прямой демократии[137] (либо прямой и делиберативной[138]), реализуемой с помощью новых Интернет-технологий, которые становятся инструментом

---

[133] Bordignon F., Ceccarini L. Op. cit.
[134] Ceccarini L., Bordignon F. The five stars continue to shine: the consolidation of Grillo's «movement party» in Italy // Contemporary Italian politics. 2016. Vol. 8, №2. P. 131-159.
[135] Иликова Л. «Движение пяти звёзд»: из блога в правительство Италии // Современная Европа. 2019. №4. С. 129-139.
[136] Bordignon F., Ceccarini L. Ibid.
[137] Falletti E. Direct democracy and the prohibition of the binding mandate: the Italian debate // Paper presented at the World Congress of Constitutional Law, Oslo, 2014, June. P. 1-14.
[138] Diamanti I. The 5 Star Movement …

т.н. «жидкой» или «текучей» демократии[139]. Среди «демократических инноваций», предложенных Д5З: возможность определённого количества избирателей потребовать внесения законопроекта в парламент; широкое использование онлайн-консультаций как для отбора кандидатов, так и для обсуждения одобрения или отмены законопроектов (или, опять же, для принятия решения об исключении депутата из «Движения»); и прямое вовлечение участников в целый ряд мероприятий.

Таким образом, и идеологически, и организационно «Движение 5 звёзд» ставило своей задачей вовлечение граждан в политику, размывание грани между гражданским обществом и политическими институтами, «рутинизацию» политики в виде повседневных практик участия (или «политизацию обыденности»?), и горизонтальную интеграцию общества посредством сетевой структуры.

По мнению некоторых исследователей[140], однако, общее вѝдение и конкретные политические процедуры, предложенные Д5З, противоречили не только основам представительной демократии (например, критика партии как посредника), но и конституционным основам Итальянской Республики, в частности, принципу «несвязанного мандата», гласящего, что избранный депутат не должен быть связан групповыми интересами своей партии или выдвинувшего его электората, но должен действовать в интересах страны в целом, а также зафиксированной в Конституции норме, запрещающей отзыв депутата на том основании, что он не представляет интересы выдвинувшей его группы (ст. 67 Конституции). Тот же запрет на отзыв депутата содержится и в Уставе депутатов Европарламента. Не соответствует духу и букве закона и система штрафов в пользу Д5З, введённая «Движением» в отношении депутатов в случае их досрочного увольнения с занимаемой должности. В этом смысле Д5З может рассматриваться как радикально антиинституцио-

---

[139] Bordignon F., Ceccarini L. Op. cit.

[140] Bassini M. Op. cit. P. 204; Grasso G. Mandato imperativo e mandato di partito: il caso del MoVimento 5 Stelle // Osservatorio costituzionale. 2017. №2. P. 1-7. URL: https://www.osservatorioaic.it/it/osservatorio/ultimi-contributi-pubblicati/giorgio-grasso/mandato-imperativo-e-mandato-di-partito-il-caso-del-movimento-5-stelle (дата обращения 31.07.2023).

нальная политическая сила.

Кроме того, механизмы «прямой демократии» посредством Интернета, по мнению исследователей, на самом деле не обеспечивали значительного участия избирателей в процессе принятия политических решений. Когда Д5З начало открытые консультации, чтобы дать слово своим избирателям (например, по выбору кандидатов или по решению исключить или не исключить определённых членов из «Движения»), на самом деле лишь очень ограниченное число избирателей принимало участие в процедуре голосования. Поэтому если речь идёт о том, что с помощью этого механизма взгляды, в формирование которых внесли свой вклад лишь несколько избирателей, должны быть донесены до парламента, то такой способ никак не может рассматриваться в качестве демократического[141]. Решения, принимаемые на основании мнения узкой группы людей, едва ли могут претендовать на ту легитимность, на которую изначально рассчитывали партийные лидеры.

С 2013 г. – с того момента, когда Д5З набрали 25% голосов на национальных выборах, благодаря чему сформировали довольно многочисленную группу в парламенте (всего 163 представителя в обеих палатах), начался период институционализации партии. Несмотря на то, что, даже будучи в парламенте, партия продолжала сохранять свой антиполитический дух, сама необходимость играть по правилам репрезентативной демократии, повлекла за собой определённую «нормализацию» Д5З. Однако в целом можно с уверенностью сказать, что именно с этого момента для партии начался сложный путь лавирования между необходимостью придерживаться «антиполитичности» как главной компоненты собственной идентичности и нахождением внутри той «системы», на борьбу с которой Д5З стремилось мобилизовать общество. По мнению Л. Чеккарини и Ф. Бординьона, «Движение 5 звёзд» на тот момент представляло собой странный гибрид: с одной стороны, это была явная лидерская партия, сформированная вокруг харизматичного лидера, что характерно для популистских партий; с другой стороны, это партия, сформированная с помощью Интернет-технологий и низо-

[141] Ibid. P. 211.

вых групп, мобилизующихся вокруг решения новых проблем – экологии, развития, потребительской культуры и пр., поэтому она напоминает «партию-движение» в терминологии Китчелта[142]; а с третьей стороны, она может быть отнесена к всеохватным партиям, поскольку посредством своей антисистемной риторики она смогла преодолеть традиционные кливиджи и привлечь электорат самых разных идеологий и идентичностей[143].

Период «болезней роста» последовал за неожиданным успехом 2013 г. Участие в выборах в Европарламент в 2014 г., в ходе которых лозунги обновления и перемен перехватил молодой и энергичный новый лидер демократов М. Ренци (ДП тогда получила более 40% голосов), обернулось провалом Д5З – всего 21%. В парламенте «Движение» придерживалось тактики «самоизоляции», и региональные выборы 2015 г. не принесли партии успеха – лишь 16,6%.

Партия институционализировалась и внутри. Отобранные посредством онлайн-выборов кандидаты были обязаны соблюдать «Кодекс поведения в парламенте для депутатов “Движения 5 звёзд”», который обязывал представителей Д5З добиваться реализации политической программы, представленной избирателям, и устанавливал обязательство вносить предложения по новому законодательству, поступающие с веб-сайта «Движения». Более того, в отношении некоторых стратегических решений депутаты должны были как бы передавать свой мандат (с последующим возвратом) в руки членов через онлайн-консультации. Внутренние правила обязывали членов парламента уважать принципы, лежащие в основе программы «Движения», возвращать партии доходы сверх 5 тыс. евро, отчитываться о каждом рабочем дне, проводить встречи с депутатами других партий лишь в режиме видеотрансляции, отчитываться о своих тратах и уволиться в случае совершения преступления. Пребывание депутатов в парламенте ограничивалось максимум двумя сроками. В данном случае уже невозможно было отрицать присутствие внутренней иерархии и институционализации в партии.

---

[142] Kitschelt H. Movement Parties // In: R. Katz and W. Crotty (eds.). Handbook of party politics. London: Sage, 2006.
[143] Ceccarini L., Bordignon F. The five stars continue to shine …

Жёсткая регламентация работы парламентариев и внутренняя недемократичность стали причиной того, что к августу 2015 г. количество депутатов Д5З сократилось со 163 до 127: многие покинули фракцию. Расколы внутри «Движения» возникали и по вопросу вступления в коалиции с другими партиями (в частности, в 2013 г. лидер Демпартии Пьер Луиджи Берсани предлагал Д5З сформировать коалиционное правительство). По мнению исследователей, уже тогда в «Движении» возникли две противостоящие группы: «Талибан»[144] (верные последователи Грилло, наиболее непримиримые в основных принципах Д5З) и «Диссиденты» (критики монократического управления, более открытые идее диалога с другими политическими силами)[145].

Одновременно Д5З стремилось продемонстрировать обществу результат своего прихода в парламент – последний должен был измениться под влиянием новых, антисистемных политических сил. С этой целью совершались различные антиинституциональные политические акции, нехарактерные для традиционной внутренней атмосферы работы парламента: от демонстрации плакатов и символов разного рода в залах заседания до физического захвата крыши палаццо Монтечиторио. Это были демонстрации в высшей степени символического типа, явно ориентированные на средства массовой коммуникации, призванные продемонстрировать, что, несмотря на участие в работе институтов, цель «Движения» – их изменить, изменить сам дух итальянской политики, привнести новые практики.

После неудачных для Д5З выборов в Европарламент 2014 г. партия претерпела ряд внутренних трансформаций, главной из которых стал уход Б. Грилло на второй план и создание т.н. «директората» из 5 человек, что отражало дальнейшую институционализацию «Движения». Постепенно среди 5 членов «директората» на первый план выдвинулся 29-летний заместитель председателя фракции Д5З в парламенте – Луиджи Ди Майо.

Партии, изначально ориентированной на вовлечение гражданского общества и выстраивание горизонтальных сетей на локальном уровне, в период с 2010 по 2015 г. удалось добиться в

---

[144] Запрещён в РФ.
[145] Ibid. P. 137.

этом существенного успеха: за это время из 26 выборов мэров городов, в которых участвовали представители Д5З, они победили в 14. За это же время членами советов стали 1333 представителя «Движения» в 673 муниципалитетах[146] по всей стране, что говорит о вполне успешной стратегии «локализации» политической силы, возникшей в Интернете. К 2015 г. партия приобрела действительно национальный масштаб, заручившись ещё большей поддержкой южан. При этом состав электората несколько поменялся: количество бывших левоцентристов стало сопоставимым со сторонниками правых и центра. Вместе с этим росла и уверенность избирателей в том, что представители «Движения» смогут управлять страной (как на национальном уровне, так и на местном), что давало надежду на постепенное преодоление «синдрома антиполитики» и возвращение утраченного доверия к партиям и институтам. 74% тех, кто голосовал за Д5З, действительно верили в то, что партия сможет победить клиентелизм в политике. Среди голосовавших за ДП в такие возможности своей партии верили лишь 38%, столько же – среди сторонников «Лиги Севера», 32% –«Вперёд, Италии»[147]. Столь же большой разрыв был в вопросе о том, сможет ли поддерживаемая партия победить коррупцию. Таким образом, уровень доверия сторонников Д5З к своей партии был значительно выше, чем уровень доверия в стане её основных конкурентов.

Помимо антиполитического дискурса, который нашёл поддержку и среди бывших левоцентристов, и среди части бывших правых, повестка Д5З включала тезисы и тех, и других, подтверждая позицию «Движения» «над схваткой» левых и правых. Резкие выпады Б. Грилло против иммигрантов, характерные для правых, сглаживались затем антикапиталистической риторикой других представителей Д5З о том, что Европа и международные ТНК сами виноваты в том, что их хищнический подход к Африке способствует росту миграции. Евроскептицизм и тезис о необходимости выхода из зоны евро привлекал электорат правых, в частности, «Лиги Севера» и «Братьев Италии». Идея введения безусловного «дохода гражданина» импонировала левым, равно

[146] Ibid. P. 144.
[147] Ibid. P. 147.

как и дискурс о гражданских правах, социальном государстве, поддержке однополых браков и пр. Последнее вступало в противоречие с идейными предпочтениями правых. Таким образом, до прихода в правительство в 2018 г. Д5З удавалось успешно лавировать между идейными положениями правых и левых, отталкиваясь, скорее, от конкретной актуальной повестки дня, чем от каких-то твёрдых постулатов. Это давало партии существенные преимущества в деле привлечения максимально широких слоёв электората, но имело двойственный эффект с точки зрения потенциального взаимодействия с другими политическими силами. С одной стороны, существовали позиции, по которым Д5З могло договориться и с правыми, и с левыми, с другой – вступление в коалицию с теми либо с другими означало бы выбор в пользу одной из сторон, что заведомо сократило бы поддержку электората от противоположной стороны.

Ссылаясь на опросы, проведённые в 2015 г. *Osservatorio Elettorale LaPolis* (Университет г. Урбино), Л. Чеккарини и Ф. Бординьон заметили, что $^{2}/_{3}$ сторонников Д5З считали вступление партии в альянс возможным и допустимым, при этом 20% склонялись к альянсу с «Лигой Севера»; 15% – с партией «Левые, экология, свобода» и лишь 12% – с ДП[148]. В то же время 33% сторонников «Лиги» симпатизировали движению Б. Грилло. Таким образом, можно сделать вывод о том, что главным аспектом Д5З, привлекающим избирателей, была антиполитичность и антисистемность движения, а вовсе не какие бы то ни было идейные положения, поскольку «Лига Севера» на тот момент была единственной политической силой, помимо Д5З, придерживавшейся антисистемных взглядов. Сторонников Д5З и «Лиги Севера» объединяло сходное отношение к государству и его институтам, к «политическому классу», неэффективности распределения государственных средств, к европейской бюрократии и роли евро, к вопросам иммиграции и безопасности, социально-экономического неравенства, роли международных ТНК и мирового капитала, деградации территорий, а также крайне отрицательное отношение к институциональным реформам, предложенным М. Ренци. Как и для «Лиги», вопрос граж-

[148] Ibid. P. 153.

данского общества, его прямого участия в принятии решений, вопрос определения «общего блага» и формирования политики, направленной на обеспечение доступа граждан к этому «общему благу» для «Движения 5 звёзд» оказался во главе его концепции «новой» политики, нового типа демократии, на ожидании которого и выстраивалась новая идентичность сторонников Д5З.

К парламентским выборам 2018 г. «Движение 5 звёзд» подошло значительно обновлённым. Партия продолжала довольно успешно участвовать в местных выборах. В 2016 г. мэром Рима стала представитель Д5З Вирджиния Раджи; Кьяра Аппендино стала мэром Турина. К концу 2017 г. в региональных советах было более 2000 представителей партии, 51 мэр от «Движения» возглавил итальянские города[149]. В том же году произошли серьёзные изменения в лидерстве и организационной структуре партии. На фоне постепенного (с 2014 г.) отхода Б. Грилло от непосредственного управления партией и кончины Дж. Казаледжио в 2016 г., на позиции лидера постепенно выдвинулся Л. Ди Майо. В сентябре 2017 г. были запущены внутрипартийные выборы на платформе «Руссо» по вопросу выдвижения лидера партии, который представит её 2018 г. Благодаря поддержке более 37 тыс. голосов из 140 тыс. зарегистрированных избирателей в них победил Л. Ди Майо. Чуть ранее, в 2016 г., был обновлён устав партии, в январе 2017 г. – принят новый кодекс поведения для депутатов от «Движения 5 звёзд», а к концу 2017 г. процесс внутренней институционализации был фактически завершён формированием довольно чёткой системы разделения полномочий между «гарантом» (которым стал Грилло) и «лидером» «Движения» (Ди Майо). Также были сформированы т.н. «гарантийный комитет» (или «комитет гарантов»), «коллегия арбитров», созданы пост «казначея» (снова Ди Майо) и ассамблея членов. По-прежнему вопросы исключения из членов партии, в т.ч. разбор случаев судебного преследования представителей Д5З, неэтичного поведения и прочие решались исключительно высшим партийным руководством – «гарантом» и «лидером» и

[149] Ceccarini L., Bordignon F. Towards the 5 star party // Contemporary Italian politics. 2018. Vol. 10, №4. P. 346-362.

участием арбитров. Таким образом, была выстроена довольно жёсткая иерархическая структура.

С идеологической точки зрения «Движение» по-прежнему представляло собой один из наиболее успешных примеров «постидеологических» партий на европейском небосклоне, сохраняя свой подход «над» традиционными размежеваниями по линии левых и правых, что подтверждается как анализом дискурса партийных лидеров, так и соцопросами электората «Движения»[150]. С одной стороны, Д5З, подобно гораздо более левым популистским партиям Испании («Подемос») и Греции («СИРИЗА»), успешно эксплуатировало дискурс в защиту «проигравших от глобализации» – социальных слоёв, в наибольшей мере пострадавших от мер жёсткой экономии. В Италии это было в основном поколение 30-40-летних. Главным «левым» предложением Д5З стала инициатива введения так называемого «дохода гражданина». Кроме того, Д5З, как и «Подемос» и «СИРИЗА», активно критиковали «касту», включая в неё как национальные элиты, ответственные за проведение в жизнь жёсткой экономической политики, так и институты «Тройки»: Еврокомиссию, Европейский центробанк и МВФ. С другой стороны, в Европарламенте после выборов 2014 г. Д5З вступило в коалицию вовсе не с этими партиями южноевропейских стран (что выглядело бы вполне логично), а с Партией независимости Соединённого Королевства Найджела Фараджа, в основе которой лежала идеология выхода Британии из ЕС и защиты национального суверенитета. При этом сами лидеры «Движения 5 звёзд» по мере приближения к выборам 2018 г. фактически перестали делать упор на необходимости вынесения вопроса о сохранении Италии в зоне евро на референдум, а переключились на идею трансформации ЕС изнутри, т.е. фактически отказались от жёстких антиинституциональных позиций. Вместе с тем наращивание суверенистской риторики в дискурсе Д5З постепенно сближало его с итальянскими и европейскими правыми популистами, такими как «Лига» и «Братья Италии», «Национальный фронт» М. Ле Пен в Франции, «Альтернатива для Германии» в ФРГ. Д5З всё чаще выступало и с критикой идеи *ius soli* в от-

[150] Ibid.

ношении родившихся на территории Италии детей иммигрантов – принципа, который в самом начале своего пути «Движение» поддерживало. Критика иммиграции, глобализации и высокий уровень недоверия к государству – те черты, которые объединяли электорат правых и «Движения 5 звёзд». Д5З и «Лига Севера» выступили главными оппозиционными силами, противостоявшими институциональной реформе М. Ренци. Сохранение антиполитической риторики (жёсткая критика элиты, институтов государства и институтов-посредников, таких как партии и даже профсоюзы) было по-прежнему характерно для Д5З, несмотря на продолжающийся процесс её внутренней институционализации и встраивания в государственные институты управления. *Парадокс истории итальянского «Движения 5 звёзд» заключается в том, что уход от представительной модели демократии виделся его лидерам через интеграцию в саму её систему и её институты.*

На своём пути в правительство Д5З преодолело целую серию внутренних табу[151], на которых изначально выстраивалась идеология «Движения». Первое из них (участие в представительных институтах) было нарушено в 2007 г. решением о выдвижении кандидатов на местных выборах. Затем последовали общенациональные выборы 2013 г. и выборы в Европарламент 2014 г. В период 17-й легислатуры (2013–2018 гг.) представители «Движения» уже занимали видные посты внутри представительных институтов: Л. Ди Майо был вице-председателем палаты депутатов, Роберто Фико – членом комиссии, управлявшей государственным телевидением *RAI*. За пределами Италии Ф.М. Кастальдо занимал пост вице-спикера Европарламента. Ограничение на взаимодействие с традиционными медиа также было нарушено в 2014 г., когда Б. Грилло согласился принять участие в популярной передаче Б. Веспы *Porta a porta* на канале *RAI*. Затем многие представители партии стали появляться в телевизионных ток-шоу. Хотя социальные сети как канал прямой коммуникации по-прежнему считались приоритетом, по-

[151] Bordighnon F., Ceccarini L. Five stars, five years, five (broken) taboos // In: L. Ceccarini, J.L. Newell (eds.). The Italian general election of 2018. 2018. P. 139-163.

степенно менялось и отношение к журналистам, которые изначально приравнивались к остальной «касте» и считались не меньшим злом для итальянской демократии, чем «политический класс». Однако главное табу, которое сохранялось в Д5З вплоть до выборов 4 марта 2018 г. – это был запрет на вступление в коалиции с другими политическими партиями. Нарушение всех этих внутренних правил, хотя и способствовало институционализации и «нормализации» «Движения 5 звёзд», тем не менее неизбежно становилось фактором разрушения тех идентичностей, которые были сформированы в первые годы эволюции «Движения». Как мы увидим в следующих разделах, институционализация в определённый момент способна стать фактором утраты доверия.

На пути к выборам 2018 г.

В предыдущих разделах показано, как происходила эволюция нарративов, практик и институционализация популистских политических сил в Италии после ухода с политической сцены С. Берлускони, т.е. их внутренняя трансформация, отношения с гражданским обществом и процесс эволюции выстраиваемых ими идентичностей. Однако, как отмечал П. Таггард, «популизм всегда частично формируется аспектами той реальности, в которой он оказывается»[152]. По мере того, как она изменяется, появляются или исчезают новые ниши, популисты изменяют свой фокус и переформулируют идеи. Затем эти идеи трансформируют реальность, и популисты оказываются вынуждены брать на себя роль главных защитников общества от этой новой угрожающей реальности, попадая тем самым в «инфляционную спираль», подобно той, в которую угодила «Лига Севера», когда дошла до идеи сецессии северных регионов страны в середине 1990-х гг.

Анализируя с этой точки зрения события 2011–2018 гг., можно согласиться с П. Таггартом в его оценках: действительно, к 2018 г. итальянский популизм достиг пика. События этого периода в политической и социально-экономической жизни Европы и Италии как её неотъемлемой части развивались таким образом, что оправдывали самые смелые «страшилки», которые

[152] Taggart P. Populism. 2000. Buckingham: Open University Press. P. 4.

рисовали обществу популисты в предыдущие годы. Внешний контекст развивался ровно по тому сценарию, который описывали популисты всё предыдущее десятилетие. Речь идёт прежде всего о трёх факторах. Первый – это состояние экономики страны: меры, принятые на уровне ЕС и руководства страны для преодоления последствий глобального экономического кризиса и кризиса еврозоны, и их восприятие в общественном сознании. Второй фактор – резко обострившееся после 2011, а особенно после 2015 гг. восприятие иммиграции и связанных с ней угроз безопасности. И третий фактор, сыгравший большую роль для роста популистских настроений в общественном сознании – реакция Брюсселя и итальянских правительств (М. Монти, Э. Летты, М. Ренци, П. Джентилони) на предыдущие два вызова. Если бы эта реакция была несколько иной, возможно, внешний контекст для популистских политических сил не был бы столь благоприятным. Но сложившаяся именно таким образом матрица внешних факторов привела к тому, что самая радикальная модель ответа на эти вызовы, которую предложили популисты, оказалась крайне востребована итальянским обществом, жаждущим перемен. Посмотрим на эти факторы более пристально.

Экономическая ситуация

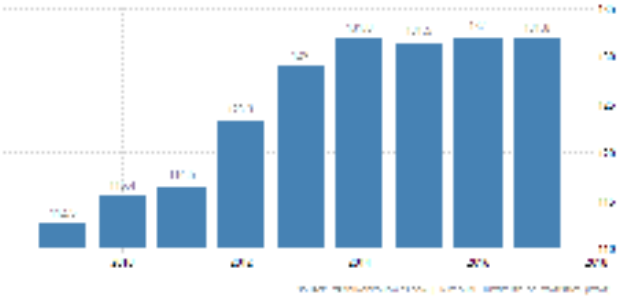
По расхожему среди итальянских исследователей мнению, меры, предпринятые итальянскими властями в ответ на глобальный экономический кризис и кризис еврозоны, оказали гораздо большее влияние на восприятие итальянским обществом ситуации в экономике, чем собственно экономический кризис. С приходом М. Монти на пост главы правительства в 2011 г. экономическая политика приняла откровенно рестриктивный характер. Ключевых проблем в итальянской экономике было две. Первая была связана с размером внешнего долга. Вторая – со снижением конкурентоспособности, что выражалось в более медленном росте по сравнению с ведущими экономиками ЕС – Германией и Францией.

Проблема государственного долга начала обостряться с началом глобального экономического кризиса. Если до 2009 г. его размер колебался вокруг отметки в 100% ВВП, то первый значительный скачок произошёл как раз в 2009 г. (с 102,4 до 112,6%),

к 2012 г. долг достиг 123,4% ВВП, а с 2014 по 2017 г. он стабилизировался в районе 132% ВВП.

Рисунок 1

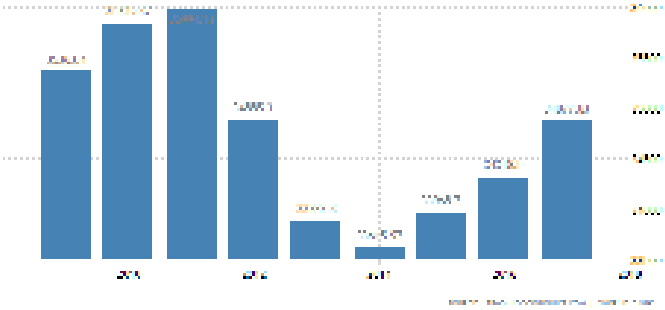
Динамика итальянского государственного долга (в % к ВВП)



Экономический рост Италии был крайне медленным на протяжении последних двух десятилетий, составляя примерно 0,6% в год, что было вдвое меньше показателей Германии и Франции. Данная динамика привела ко всем типичным негативным последствиям рецессии: росту безработицы; снижению налоговых поступлений; увеличению расходов на социальное обеспечение и, следовательно, увеличение дефицита и долга. При этом ВВП на душу населения начал своё падение в 2011 г. и к 2018 г. так и не восстановился до уровня 2009 г.

Рисунок 2

Динамика ВВП на душу населения (в долл.)



В 2017 г. экономика Италии показала наихудшие темпы роста среди европейских стран. Даже Греции, которая ещё в 2016

г. демонстрировала отрицательные показатели, в 2017 г. удалось обойти Италию по темпам роста ВВП.

Разрыв в уровне развития между северными и южными областями за годы жёсткой экономии лишь усугубился. Так, если в 2007 г. разница в ВВП на душу населения на юге и на севере страны составляла 14255 евро, то в 2015 г. она возросла до 14 905 евро[153]. Разница в уровне безработицы между севером и югом также увеличилась. На границе бедности в 2015 г. находились 42,7% жителей юга. Разница в ВВП на душу населения в северных регионах и в Меццоджорно составила 45%[154]. В целом на Севере в период с 2011 по 2017 г. ВВП на душу населения рос, а на Юге, напротив, сокращался, занятость на Севере также возрастала, в то время как на Юге страны сокращалась.

За годы жёсткой экономии страна продемонстрировала огромное недофинансирование сферы образования и НИОКР. Так, например, затраты на НИОКР во Франции и Германии, соответственно, вдвое и втрое превосходили итальянские с 2007 по 2017 гг.

В 2014 г. правительством М. Ренци была предпринята реформа рынка труда, который в конечном итоге лишь способствовал росту нестабильной занятости и снижению степени защищённости наёмных рабочих. Ещё раньше была реализована пенсионная реформа, повысившая пенсионный возраст с 60 до 62 лет и предполагавшая его последующее повышение до 67 лет к 2018 г. (т.н. «реформа Форнеро»), чем были крайне недовольны профсоюзы и гражданское общество.

Данные меры, реализуемые техническими правительствами и кабинетами во главе с представителями Демпартии, усиливали социально-экономическую депривацию, способствуя тем самым росту восприимчивости общества по отношению к идеям популистских политических сил. Ещё большее раздражение итальянского общества вызывал тот факт, что Италия не само-

---

[153] Cresce il divario tra Nord e Sud, dove una persona su due è a rischio povertà // Il secolo XIX. 24.06.2017. URL: http://www.ilsecoloxix.it/p/economia/2017/06/24/ASPYiq3H-rischio_persona_divario.shtml (дата обращения 31.07.2023).

[154] Istat Statistiche report. Anno 2017. Conti economici territoriali. URL: https://www.istat.it/it/files//2018/12/Report_Conti-regionali_2017.pdf (дата обращения 31.07.2023).

стоятельна в выборе своей экономической политики. В Италии до сих пор вспоминают как национальное унижение последовавшее в адрес итальянского правительства в 2011 г. письмо председателя ЕЦБ Жана-Клода Трише с требованием проведения структурных реформ. Эти реформы были болезненными и навязывались сверху вниз. 2 марта 2012 г. Италия, подписав т.н. Фискальный договор (*Fiscal Compact)*, по сути, перешла в режим «постоянной жёсткой экономии» из страха перед реакцией рынка. До этого в основном позитивное отношение граждан Италии к ЕС стало неуклонно меняться в худшую сторону. Эти настроения поддержали популистские силы, в то время как Демпартия разделяла экономический подход Брюсселя. Д5З выступало с открытой критикой документов, согласуемых с ЕС, в т.ч. ежегодных бюджетных планов. «Лига Севера» начала проводить т.н. кампании против ЕС, как, например, «День без евро» 23 ноября 2013 г., где Сальвини называл евро «преступлением против человечности»[155]. Перед выборами в Европейский парламент 2014 г. «Вперёд, Италия» Берлускони осудила влияние членства в евро на итальянскую экономику и призвала к пересмотру *Fiscal Compact*, «Лига Севера» и «Братья Италии» настаивали на выходе Италии из еврозоны. И, хотя программа «Движения 5 звёзд» открыто не ставила под сомнение европейскую интеграцию, она также содержала критику мер жесткой экономии.

После того как ДП добилась большого успеха на выборах в Европарламент, М. Ренци предпринял несколько попыток добиться для Италии большей бюджетной гибкости и смягчения мер жёсткой экономики. Однако эти попытки не увенчались успехом, чем не преминули воспользоваться популисты, представив голосование по конституционной реформе Ренци в 2016 г. фактически как плебисцит по вопросу отношения итальянцев к Брюсселю. Выбор итальянцев был очевиден: при явке более 70% против реформы проголосовало 60% граждан. Пришедший на смену Ренци Паоло Джентилони заявил, что Италия «будет уважать правила ЕС, не принимая мер, которые могут подорвать её

[155] Salvini: "Euro crimine contro l'umanità" // RaiNews.it. 15.12.2013. URL: http://www.rainews.it/archivio-rainews/articoli/congresso-lega-elegge-salvini-ad269582-6386-4824-98f2-bad2ba914c2e.html (дата обращения 28.12.2023).

экономику»[156]. Однако вслед за этим, уже 11 апреля 2017 г., итальянскому правительству пришлось утвердить экстренное сокращение бюджета, чтобы избежать возбуждения дела в рамках процедуры чрезмерного дефицита со стороны Еврокомиссии. Затем, в июне 2017 г. попытка правительства спасти некоторые банки за счёт вливания государственных средств подверглась резкой критике со стороны ЕС и оппозиционных сил, заявивших, что помощь была пустой тратой денег налогоплательщиков. В итоге представителям Демпартии, стоявшим у руля государства, не удалось ни избежать конфликтов с Брюсселем, ни снискать понимания среди собственных граждан, воспринимавших отныне левоцентристов исключительно как проводников линии ЕС и международных финансовых институтов.

По данным социологических исследований, накануне выборов 4 марта 2018 г. более 50% граждан считали безработицу главной проблемой страны[157]. Кроме того, 25% опрошенных включили общее социально-экономическое положение страны в число своих приоритетов; 17% считали налогообложение первостепенным и, наконец, 14% определили для себя проблему пенсионного обеспечения в качестве приоритетной. Как видно, именно экономика диктовала повестку дня избирательной кампании и вокруг неё разрабатывались различные партийные программы. Второй наиболее важной проблемой, актуальность которой возрастала уже не один год, стала проблема иммиграции.

Вызовы иммиграции

Иммиграционное давление на южные рубежи ЕС стало активно нарастать с приходом «арабской весны» и началом военной операции в Ливии. 20 февраля 2011 г. европейское агентство *Frontex* начало операцию «Гермес» в центральном Средиземноморье. Тем не менее продолжающееся массовое прибытие иммигрантов высветило асимметрию миграционной политики ЕС и ограничения проводимой политики в отношении беженцев.

---

[156] Italy will respect EU budget rules but not risk depressing economy: PM Gentiloni. January 27, 2017. URL: https://www.reuters.com/article/us-eurozone-italy/italy-will-respect-eu-budget-rules-but-not-risk-depressingeconomy-pm-gentiloni-idUSKBN15B1ZK (дата обращения 31.07.20.23).

[157] Valbruzzi M. Issues and Themes // In: L. Ceccarini and J. L. Newell (eds.). The Italian general election of 2018. P. 168-169.

Наибольшему давлению подверглись государства, чьи границы служили внешним периметром ЕС. Стремление Брюсселя преуменьшить значение миграционного давления создало благодатную почву для реализации тактики правоцентристского правительства С. Берлускони по обвинению Брюсселя в неспособности оказать значимую поддержку южноевропейским государствам-членам.

Итальянское правительство чувствовало себя всё более изолированным в своих попытках привлечь внимание к проблеме миграции, шенгенские принципы были поставлены под сомнение. В апреле 2011 г. Рим решил выдать 6-месячные виды на жительство тунисским беженцам по гуманитарным причинам, что фактически позволило им добраться до других государств – членов ЕС, Франция тут же закрыла свои границы. В ответ на действия французов активисты «Лиги Севера» заявили, что массовое прибытие было прямым следствием решения Парижа атаковать Ливию. Лигисты выступали категорически против участия Италии в этой операции. Однако 24 апреля Италия принимает решение присоединиться к коалиции НАТО в Ливии.

Кабинет М. Монти пытался противостоять нелегальной иммиграции путём заключения двусторонних соглашений с Ливией (январь – апрель 2012 г.) и Тунисом (март – декабрь 2012 г.)[158]. Однако уже к выборам 2013 г. более половины итальянских граждан воспринимали иммиграцию как угрозу[159]. В то время как правые партии накануне выборов осуждали ЕС и правительство за бездействие, Демпартия выступала против секьюритизации иммиграции[160]. Трагическое крушение судна с мигрантами у берегов о. Лампедуза 3 октября 2013 г. радикально повлия-

---

[158] Paoletti E. Migration agreements between Italy and North Africa: domestic imperatives versus international norms. Middle East Institute. 19.12.2012. URL: http://ffm-online.org/wp-content/uploads/2013/03/Migration-Agreements-between-Italy-and-North-Africa.pdf (дата обращения 01.08.2023).

[159] Dehousse R. Europe at the polls: lessons from the 2013 Italian elections // Notre Europe Jacques Delors Institute policy paper, 2013. URL: https://hal-sciencespo.archives-ouvertes.fr/hal-01024858/document (дата обращения 01.08.2023).

[160] Caneva E. The integration of migrants in Italy: an overview of policy instruments and actors // Interact, Research Report 2014/05. URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/32019/INTERACT-RR-2014_05.pdf (дата обращения 01.08.2023).

ло на итальянский подход. Уже 18 октября Италия начала собственную спасательную операцию *Mare nostrum* у ливийских берегов. Одновременно премьер-министр, член ДП Энрико Летта призывал к европейской солидарности и усилению общей активности в вопросах иммиграции, на что ЕС продолжал настаивать на усилении охраны границ с помощью *Frontex*[161] и не спешил менять подход в области убежища и распределения прибывших[162]. Отсутствие адекватного ответа со стороны ЕС позволило «Лиге Севера» выстроить свою избирательную кампанию в преддверии выборов в Европарламент в 2014 г. вокруг темы «ограничения вмешательства ЕС» во внутренние дела Италии, необходимости пересмотра системы убежища и распределения иммигрантов, самостоятельной защиты Италией своих границ[163]. «Вперёд, Италия» и «Братья Италии» также призывали к пересмотру Дублинских регламентов[164]. Д5З на тот момент не сформулировали какой бы то ни было чёткой программы по миграционному вопросу[165].

М. Ренци неоднократно призывал ЕС к формированию общей миграционной политики. К октябрю 2014 г. стало понятно, что операция *Mare nostrum* обходится слишком дорого итальянскому бюджету, и Ренци обратился к ЕС с просьбой оказать содействие, на что получил обвинения со стороны Германии, Нидерландов и Великобритании в создании «притягивающих» факторов иммиграции[166], выдавливанию мигрантов в другие

---

[161] Campesi G. Frontex, the Euro-Mediterranean border and the paradoxes of humanitarian rhetoric // South-East European journal of political science. 2016. Vol. 2, №3. P. 126-134.

[162] Trauner F. Asylum Policy: The EU's «crises» and the looming policy regime failure // Journal of European integration. 2016. Vol. 38, №3. P. 311-325.

[163] Lega Nord. 2014. Elezioni Europee 25 Maggio 2014. Programma Elettorale. URL: https://www.leganord.org/phocadownload/elezioni/europee/Programma%20elettorale%20europee%202014.pdf (дата обращения 01.08.2023).

[164] Forza Italia. 2014. Le nostre idee per un programma per l'Europa. Leader, candidati e programma vincenti. URL: http://www.ilmattinale.it/wp-content/uploads/2014/05/1811.pdf (дата обращения 31.07.2023); Fratelli d'Italia. 2014. Il Programma di Fdi-An per le Elezioni Europee 2014. URL: http://www.fratelli-italia.it/programma-europa/ (дата обращения 31.07.2023).

[165] Movimento Cinque Stelle. 2014. Europa in sette punti. URL: http://www. menfi5stelle.it/documenti/Locadina%20Sette%20Punti%20A4.pdf (дата обращения 31.07.2023).

[166] Mortera-Martinez C., Korteweg R. Dead in the water: fixing the EU's failed

страны ЕС[167], а также в том, что судна операции используются для контрабанды. В итоге на смену *Mare Nostrum* всё же пришла операция «Тритон», в которой участвовали многие государства ЕС, однако её ресурсы были заметно скромнее.

В 2015 г., после очередного крупного крушения судна, унёсшего жизни 800 мигрантов, ЕС расширил бюджет операции «Тритон» и дополнил её *EUNAVFOR Med Sophia*[168]. Во многих городах юга Италии прокатились антииммигрантские митинги, поддерживаемые «Лигой Севера», мэры ряда городов отказывались принимать иммигрантов. В ноябре разразился скандал с Австрией и Францией, решившими восстановить пограничный контроль. К началу 2016 г. только 190 просителей убежища из 39,6 тыс. были переселены из Италии в другие государства – члены ЕС в соответствии с решением Европейского совета от 25-26 июня 2015 г.[169] Под давлением Италии ЕС всё же принял рамочный документ по партнёрству и сфере миграции[170] и начал переговоры с Турцией. Однако упорная неспособность ЕС внедрить систему переселения беженцев давало основание для критики оппозиционными партиями реакции правительства на миграционный кризис[171].

В отсутствие общеевропейского решения иммиграционной проблемы руководство Италии продолжило действовать на дву-

---

approach to Mediterranean migrants. Centre for European reform. 23.04.2015. URL: https://www.cer.eu/insights/dead-water-fixing-eu%E2%80%99s-failed-approach-mediterranean-migrants (дата обращения 31.07.2023).

[167] Михайленко В.И. Кризис управления миграционными процессами в Европейском союзе и позиция Италии // Современная Италия: старые проблемы, новые вызовы. М.: ИЕ РАН. 2018. С. 12-18.

[168] Cusumano E. Migrant rescue as organized hypocrisy: EU maritime missions offshore Libya between humanitarianism and border control // Cooperation and conflict. 2018. Vol. 54. Issue 1. P. 1-22.

[169] European Commission. Managing the refugee crisis: state of play and future actions. Brussels, Januaryб 2016. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/background-information/docs/eam_state_of_play_and_future_actions_20160113_en.pdf (дата обращения 31.07.2023).

[170] *Migration Partnership Framework and the Migration Compacts*.

[171] Bratti M., Deiana C., Havari E., Mazzarella G., Meroni E. What are You voting for? Refugee reception centres and voting at the 2016 Italian constitutional referendum // IZA–Institute of labor economics, September, 2017. URL: http://ftp.iza.org/dp11060.pdf (дата обращения 31.07.2023).

сторонней основе. 2 февраля 2017 г. премьер-министр П. Джентилони подписал соглашение с правительством Ливии, поддерживаемым ООН, о предоставлении ему средств, технической поддержки и обучения для усиления контроля за её границами. В апреле 2017 г. Рим выступал посредником в переговорах между властями племён Сахары, в мае Италия подписала соглашения с Чадом, Ливией и Нигером о борьбе с торговлей мигрантами. К июню 2017 г. вопрос распределения иммигрантов внутри ЕС приобрёл такую остроту, что даже представители Демпартии начали высказывать предложения о закрытии портов Италии для спасательных судов под флагами других государств[172]. На Европейском совете в октябре 2017 г. Джентилони повторил свои требования о поддержке ЕС, попросил разместить миссию ЕС на границе между Нигером и Ливией и призвал к выполнению соглашения о переселении беженцев между государствами-членами. Последнее встретило жёсткое сопротивление со стороны Венгрии и других членов Вишеградской группы. 17 января 2018 г. итальянский парламент одобрил предложение Джентилони об увеличении военного присутствия Италии в Ливии и размещении войск в Нигере для противодействия нелегальной миграции и борьбы с торговлей людьми. Данное решение было одобрено даже правыми популистами, но не Д5З.

Обеспечение безопасности национальных границ и контроля над миграционными потоками стало основным приоритетом к 2017 г. Так, по данным исследований[173], с 30 до 66% с 2013 по 2017 г. возросла доля итальянцев, которые назвали безопасность и охрану границ главным национальным интересом. Большинство итальянцев не одобряли миграционную политику, которую вело предыдущее левоцентристское правительство, и напрямую связывали нелегальную миграцию с терроризмом. С 2002 по 2018 г. значительно выросло (с 2 до 106) количество случаев де-

[172] Scherer S., Baczynska G. Italy pleads to EU for help with migrants,threatens to close ports // Reuters, 28.06.2017. URL: https://www.reuters.com/article/us-europe-migrants-italy/italy-pleads-to-eu-for-help-with-migrantsthreatens-to-close-ports-idUSKBN19J28U (дата обращения 31.07.2023).

[173] Deportations on the grounds of extremism in Italy since 2002 // Italian Institute for international political studies (ISPI), 18.10.2018. URL: https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/deportations-grounds-extremism-italy-2002-21462 (дата обращения 31.07.2023).

портации по подозрению в экстремизме. По словам директора по науке исследовательского института *SWG* Энцо Риссо, «пятнадцать лет назад половина итальянцев была готова принимать мигрантов. Сегодня мы наблюдаем, что 70% выступают за политику закрытых дверей»[174].

Несмотря на то, что количество прибывающих иммигрантов в 2018 г. начало снижаться, в общественном восприятии эта проблема не утратила значимости. Накануне выборов 2018 г. более 80% итальянцев были уверены в том, что ЕС не смог адекватно ответить на миграционный кризис, 64% низко оценивали действия итальянского правительства[175]. Если в 2012 г. лишь 2,5% итальянцев называли иммиграцию среди первостепенных проблем, то через пять лет таковых было уже 30%, а в 2018 г. – 35%[176]. Вопрос иммиграции приобрёл абсолютно ключевую роль в предвыборной кампании после 6 февраля 2018 г., когда молодой 28-летний итальянец Лука Трайни, известный своими расистскими и ксенофобскими взглядами, средь бела дня застрелил шестерых выходцев из Африки в г. Мачерата[177].

Проблема иммиграции стала действительно объединяющей для коалиции правых популистов, в рамках которой уже не только «Лига», но и «Братья Италии» и «Вперёд, Италия» встали на позиции суверенизма, жёсткого ответа на вызов миграции и критики действий ЕС[178]. Впервые в своей предвыборной программе вопросы иммиграции затронуло и Д5З, отметив необходимость покончить с «миграционным бизнесом» и критикуя

---

[174] Sondaggi, il 64 per cento degli italiani approverebbe blocco navale per fermare i migranti. Uno su tre tra elettori Pd. URL: https://www.ilfattoquotidiano.it/2018/06/15/sondaggi-il-64-per-cento-degli-italiani-approverebbe-blocco-navale-per-fermare-i-migranti-uno-su-tre-tra-elettori-pd/4429645/ (дата обращения 31.07.2023).

[175] Saviano C. Ultimi sondaggi: gli effetti del raid di Macerata sulle intenzioni di voto // La Repubblica, 10.02.2018. URL: http://www.repubblica.it/politica/2018/02/10/news/ultimi_sondaggi_gli_effetti_del_raid_di_macerata_sulle_intenzioni_di_voto-188527606/?refresh_ce (дата обращения 01.08.2023).

[176] Valbruzzi M. Issues and Themes … P. 168-169.

[177] Нападение произошло через несколько дней после ареста нигерийца в связи со смертью молодой итальянки, расчленённое тело которой было обнаружено в двух чемоданах недалеко от Мачераты.

[178] Forza Italia, Lega, Fratelli d'Italia, and Noi con l'Italia. 2018. Programma elettorale. Elezioni politiche 4 marzo 2018. URL: https://www.money.it/IMG/pdf/progrtamma-centrodestra.pdf (дата обращения 31.07.2023).

Дублинские регламенты[179]. Миграционный вопрос стал своего рода водоразделом между популистскими и антипопулистскими политическими силами: если 31% сторонников «Вперёд, Италии», 48% сторонников «Лиги» и 23% поддерживающих Д5З называли его первостепенным, то среди электората Демпартии таковых было всего 14%[180], что отражает стремление левоцентристов не политизировать и не секьюритизировать данную тему. Реакция ЕС и итальянского руководства на приток иммигрантов с 2015 г. стала очевидным фактором кризиса легитимности власти[181] как на наднациональном, так и на национальном уровне.

Состояние левых сил

Успех популистских политических сил на выборах 2018 г. едва ли может быть объясним без учёта состояния левых сил, которые в конечном итоге не смогли противостоять приходу популистов к власти, хотя они и ставили перед собой такую цель ещё в 2014 г. В частности, первый пункт предвыборной программы Демпартии 2014 г. гласил: «Наша цель – победить любую форму популизма». Левоцентристы критиковали правых популистов за то, что те «обещали иллюзорную защиту от влияния финансового либерализма, строя культурные, территориальные и в некоторых случаях ксенофобские барьеры». Манифест ДП помимо критики правого популизма предлагал и своеобразное решение, утверждая, что «единственный ответ на популизм – демократическое участие. С сегодняшним кризисом демократии нужно бороться, используя больше демократии, а не меньше. Больше уважения к правилам, чёткое разделение властей».

Однако, критикуя популистов, М. Ренци был и сам не прочь использовать их дискурсивные приёмы, что позволило исследователям говорить о нём как о популисте *light*-версии[182] и даже

---

[179] Movimento 5 stelle. 2018. Stop al business dell'immmigrazione. URL: https://www.movimento5stelle.it/programma/immigrazione.html (дата обращения 31.07.2023).

[180] Comodo L., Forni M. Chi vota cosa e perché. Il profilo elettorale dei partiti // In: Il vicolo cieco. Le elezioni del 4 marzo 2018 (ed. M. Valbruzzi and R. Vignati). 2018. Bologna: Il Mulino. P. 213-234.

[181] Castelli Gattinara P. The «Refugee crisis» in Italy as a crisis of legitimacy // Contemporary Italian politics. 2017. Vol. 9, №3. P. 318-331.

[182] Bordignon F. Matteo Renzi: A «Leftist Berlusconi» for the Italian Democratic

сравнивать с С. Берлускони. Действительно, его стиль политического лидерства и руководства Демпартией сильно отличался от стиля П.Л. Берсани и предыдущих руководителей партии. Но именно это в конечном итоге и сыграло с ним злую шутку: вскоре после ошеломительного успеха на выборах в Европейский парламент, где Демпартия набрала 40% голосов, практически вдвое опередив Д5З, лидерство Ренци стало вызывать недовольство. Причём не у избирателей, а среди однопартийцев. Растущая степень персонализации партии под руководством Ренци привела даже к появлению ироничной аббревиатуры – *PDR* (если *PD* было сокращением от Демократической партии, то *PDR* – аббревиатурой от «партия Ренци» – *il* «*partito di Renzi*»), что подчёркивало контраст с принятым ранее коллегиальным типом принятия решений. Недовольство внутри партии, а также в профсоюзах, зрело и в связи с принятием ряда экономических мер, идущих вразрез с традиционными ценностями левых, в частности, пенсионной реформы и трудовой реформы (*Jobs Act*).

Готовность М. Ренци идти на компромиссы и договариваться с оппонентами, чтобы не затягивать принятие необходимых решений, снискала ему репутацию рационального прагматичного политика, что отражалось и на репутации самой партии, которая, казалось, всё меньше связывала себя какими-либо идейными приоритетами. Наиболее острая критика в адрес М. Ренци звучала со стороны П.Л. Берсани и М. Д'Алемы, вокруг которых формировалась фракция недовольных тем, в каком направлении эволюционировала партия. Критика вылилась в раскол и формирование ряда мелких политических объединений из бывших членов ДП (среди которых и движение *Possibile*, у истоков которого стояла нынешняя лидер Демпартии Э. Шляйн).

Удивительный и во многих отношениях сенсационный результат для партии в 2014 г., ставший отражением одобрения большинством итальянцев тех изменений, которые пытался привнести М. Ренци, вселял надежду на дальнейшие перспективы. Однако уже в ходе региональных выборов 2015 г. стало понятно, что успех был весьма кратковременным: кандидаты от ДП потерпели поражение в Венето и Лигурии, а также в ряде

Party? // South European society and politics. 2014. Vol. 19, №1. P. 1-23.

городов «красного пояса», считавшихся колыбелью левых сил (Перуджа, Ливорно)[183]. В 2015 г. распался и «Пакт Назарено», заключённый в 2014 г. с С. Берлускони ради проведения ряда реформ. Несогласие двух лидеров по поводу кандидатуры Серджо Маттареллы на пост президента страны привело к тому, что «Вперёд, Италия» перешла в оппозицию действующему правительству и впоследствии присоединилась к критике «Лигой» и «Движением 5 звёзд» предложенных М. Ренци институциональных реформ. В итоге Ренци столкнулся как с внутренней оппозицией, так и с противостоянием популистских сил. 2016 г. стал ещё более сложным для М. Ренци. Партия потерпела поражение на региональных выборах в Риме, Турине, Неаполе, где не смогла противостоять росту популярности «Движения 5 звёзд». Демпартия фактически окончательно утратила поддержку среднего класса и тех социальных слоёв, которые оказались в наиболее уязвимом положении в результате проведённых социально-экономических реформ, а харизма М. Ренци не смогла компенсировать недостаток присутствия партии «на земле». Отрицательное голосование на референдуме 2016 г. по вопросу институциональных реформ (60% против при 70%-ной явке) привело к отставке М. Ренци и приходу на его место бывшего министра иностранных дел в его кабинете – П. Джентилони, который не был партийным лидером и не пользовался поддержкой избирателей.

После многочисленных расколов и перегруппировки вышедших их партии членов возникли две новые политические силы – «Свободные и равные» и «Власть народу», ни одна из которых, впрочем, не пользовалась заметным успехом у избирателей. На голосовании 30 апреля 2017 г. Ренци был переизбран лидером Демпартии, но её электоральная поддержка продолжала снижаться. За менее чем четыре года рейтинг поддержки М. Ренци рухнул с 70 до 18%.

По мнению исследователей, за 10 лет своего существования Демпартия так и не прошла до конца путь институционализации. Под руководством В. Вельтрони, П.Л. Берсани и М. Ренци

[183] Natale P. The three perspectives of the Left and the Gradual Loss of its electorate // In: L. Ceccarini and J. L. Newell (eds.). The Italian general election of 2018. P. 97-120.

это были три разных версии Демократической партии, ни одной из которых не удалось достичь глубокой интеграции со своими избирателями и представить целостную модель будущего, а та, что была предложена на этапе после кризиса еврозоны, оказалась крайне далека от ожиданий левых.

Снижение налогового бремени, защита граждан от внешних угроз, более эффективные барьеры против нелегальной иммиграции были приоритетами для большинства итальянцев. В одном ряду с ними было ещё и сильное желание «отправить старый политический класс домой»[184], добиться реального изменения государственной политики на новых основаниях, что объединяло и Север, и Юг страны.

Итак, к 2018 г. в итальянском обществе произошло чёткое осознание двух угроз – экономической и миграционной, а также сложилось понимание, что ЕС и руководство страны во главе с Демократической партией не смогли приблизить Италию к решению данных проблем. «Инфляционная спираль», о которой говорил П. Таггарт в отношении развития популизма, к 2018 г. показала себя в итальянской лаборатории популизма в полной мере: и правопопулистские силы, и «Движение 5 звёзд» подошли к выборам 2018 г. с наиболее радикальной моделью ответа на имеющиеся вызовы. Этот год можно, пожалуй, назвать пиком спирали общественных ожиданий, которые включали требование возвращения национального суверенитета, решения проблем экономического развития и иммиграции. А сформированные популистами нарративы создавали впечатление, что на политическом ландшафте страны есть силы, которые в состоянии это требования удовлетворить.

ГЛАВА 4. ПОПУЛИСТЫ ВО ВЛАСТИ 2018–2022 гг.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ СУВЕРЕНИЗМА?

Выборы 2018: начало Третьей республики?

Парламентские выборы 2018 г. ознаменовали новый этап в развитии итальянской политической системы. Эта новизна заключалась, однако, не в возникновении каких-то новых полити-

[184] Один из главных лозунгов «Движения 5 звёзд».

ческих сил и не в серьёзных институциональных трансформациях, но в том, что впервые по итогам выборов оформился, казалось, главное размежевание в итальянской политике – между популистскими и мейнстримными политическими силами. Впервые в послевоенной истории Европы новые популистские партии получили большинство в институтах власти и смогли сформировать правительство, отправив в оппозицию главную политическую силу мейнстрима – Демократическую партию, а также «Вперёд, Италию», которая на момент выборов уже воспринималась как часть мейнстрима и пережиток прошлой эпохи – неудавшейся первой волны антиполитики 1994–2011 гг. Таким образом, по итогам выборов 4 марта 2018 г. Италия вновь предстала «политической лабораторией» Европы, где испытание проходит первое полностью популистское правительство.

С точки зрения участвующих в них акторов и их коалиций выборы не привнесли чего-то нового. По-прежнему функционировала трёхполюсная модель, сложившаяся в 2013 г.: первый полюс (левоцентристский) был сформирован вокруг Демпартии, к которой присоединились пять малых партий, ни одна из которых не преодолела 3%-ный барьер; второй полюс представляла собой коалиция правых («Лига», «Братья Италии», «Вперёд, Италия» и небольшая правоцентристская партия «Мы с Италией»); третий – «Движение 5 звёзд». По итогам выборов правая коалиция набрала 37% голосов (265 мест в парламенте), Д5З – 32,7% (227 мест), левоцентристы – 22,9% (122 места). Две другие политические силы, не присоединившиеся ни к одному из полюсов, – «Свободные и равные» и «Власть народу» – получили 3,4% (14 мест в Палате депутатов) и 1,1% (ни одного места) соответственно. Главными победителями электоральной гонки стали «Лига», нарастившая свою поддержку с 4 до 17,3% по сравнению с 2013 г., и Д5З – с 25,6 до 32,7%. Главными проигравшими – ДП (поддержка упала с 25,4 до 18,7%) и «Вперёд, Италия» (с 21,6 до 14,0%).

ДП страдала от отсутствия какого-либо чёткого идеологического профиля, поскольку она фактически была продуктом слияния бывших коммунистов и бывших христианских демократов (ХДП), произошедшего в 2007 г. Сотрудничество ДП с С. Бер-

лускони и его «Народом свободы» в процессе установления беспартийного правительства М. Монти в конце 2011 г.[185], а затем и «пакт Назарено», заключённые С. Берлускони и М. Ренци, сигнализировали о неявном признании обеими партиями того факта, что они больше не способны выполнять свою основную функцию связи между государством и гражданским обществом.

Демпартия за десятилетие с 2008 по 2018 г. утратила половину своего электората, к тому же на момент выборов она испытывала глубокий кризис лидерства в связи с провалом конституционной реформы М. Ренци в 2016 г. и его последующим уходом в отставку. П. Джентилони, возглавивший правительство после ухода М. Ренци и бывший до этого главой МИД в его правительстве, не являлся лидером Демократической партии и не пользовался доверием её электората. Популистская риторика, которую в качестве своей политической дискурсивной стратегии избрал было М. Ренци, пытаясь победить «Движение 5 звёзд» их же орудием[186], принесла ему некоторый успех на выборах в Европарламент 2014 г., однако не получила дальнейшего развития и не смогла, по сути, противостоять популизму правых и Д5З.

«Вперёд, Италия» также не смогла предложить вариант собственного обновления после скандального ухода С. Берлускони с политической сцены в 2013 г. на фоне обвинительных судебных приговоров. Неспособность Кавальере обеспечить Италии обещанное новое «экономическое чудо» в сочетании с его первоначальной поддержкой технического Кабинета М. Монти (а затем и М. Ренци) и коррупционными скандалами серьёзно дискредитировали «Вперёд, Италию» на годы вперёд.

В этом смысле, безусловно, победа популистов – это результат слабости мейнстримных партий, неспособных адаптироваться к новым вызовам глобализующегося мира, главными из которых стали меры жёсткой экономии, иммиграция и угрозы безопасности. Обе победившие на выборах партии представляли их итог как радикальный разрыв с прошлым, как начало

---

[185] Pasquino G., Valbruzzi M. Non-partisan governments Italian-style: decision-making and accountability // Journal of modern Italian studies. 2012. Vol. 17, №5. P. 612-629.

[186] Vignati R. La sfida del Movimento 5 stelle // In: Politica in Italia (ed. A. Di Virgilio and C. M. Radaelli). Bologna: Il Mulino, 2013. P. 83-99.

«Третьей республики» – «республики граждан»[187]. Паоло Бекки – один из убеждённых сторонников итальянского суверенизма, которого СМИ часто называют идеологом «Движения 5 звёзд» и трансформации «Лиги Севера» в общенациональную «Лигу», – отмечал, что «страна становится политической лабораторией суверенизма – первой страной Европы, где этот политический фенóмен достиг электорального успеха и победил старую систему размежевания по линии правые/левые»[188].

Несмотря на растущую поддержку популистских сил, явка избирателей в 2018 г. продолжила снижаться и составила 72,9% (-2% по сравнению с 2013 г.). В Италии она по-прежнему одна из самых высоких по ЕС, однако в национальном масштабе неуклонно снижается с первых послевоенных лет. Но, пожалуй, наиболее явным свидетельством того, что, укрепление популистских сил не способствовало преодолению феномена антиполитики стала растущая электоральная волатильность. Так, Итальянский центр электоральных исследований, применив индекс Педерсена (1979), отражающий смену предпочтений избирателей по сравнению с предыдущими выборами, подсчитал, что «общая волатильность» в распределении голосов между партиями составила 26,7 пунктов – это третий наибольший показатель за всю послевоенную историю выборов после 1994 и 2013 гг., когда на сцену вышли новые политические акторы, оттянувшие на себя значительную часть электората («Вперёд, Италия» в первом случае и Д5З – во втором)[189]. Данный феномен свидетельствует о том, что партийно-политическая система страны находится в крайне нестабильном состоянии, лояльность электората своим партиям крайне низкая, и избиратель зачастую решает, за кого голосовать, непосредственно перед урной. По оценкам исследователей, это характерно для половины электората,

---

[187] Di Maio: «Inizia la Terza Repubblica, quella dei cittadini». HuffingtonPost.it, 05.03.2018. URL: https://www.huffingtonpost.it/2018/03/05/di-maio-daremo-un-governo-allitalia_a_23377149/v (дата обращения 31.07.2023).
[188] Becchi P. Italia sovrana. 2018. Milano. P. 28.
[189] Chiaramonte A., Emanuele V. L'onda sismica non si arresta. Il mutamento del sistema partitico italiano dopo le elezioni 2018 // Centro Italiano Studi Elettorali. 19.03.2018. URL: https://cise.luiss.it/cise/2018/03/09/londa-sismica-non-si-arresta-il-mutamento-del-sistema-partitico-italiano-dopo-le-elezioni-2018/ (дата обращения 31.07.2023).

в то время как в предыдущие годы число таких избирателей составляло примерно треть.

Электоральная кампания 2018 г. подтвердила наличие ряда кливиджей, которые формировались на протяжении предыдущего периода в политическом дискурсе партий и идентичности итальянцев. Одним из важнейших стал *раскол по линии евроскептицизм/еврооптимизм*: выборы 4 марта и победа евроскептиков показали, что для растущей части граждан Италии европейская интеграция и дефицит демократии в её основе были связаны с кризисом легитимности и широко распространённым чувством тревоги и беспомощности. Именно эти чувства обеспечили благодатную почву для правых популистских партий, выстроивших на их основе «идентичность гнева» и разогнавших до максимума спираль антиполитики – теперь уже не только в отношении национального «политического класса», но и наднационального. Кливидж между политикой и антиполитикой теперь распространялся и на отношения с ЕС, при этом мейнстримные политические силы национального масштаба (Демпартия и др.) встали на позиции евроинтеграции, а популистские силы, движимые духом антиполитики, продолжили критиковать как национальный политический класс, так и бюрократию ЕС.

Ещё одним важнейшим кливиджем идентичности стало формирование *оппозиции между «победителями» и «проигравшими от глобализации»*. Экономические вопросы и связанные с ними требования социально-экономической защиты приобрели огромное значение к 2018 г., что подтвердилось ошеломляющим успехом Д5З на юге страны и популярности его основной инициативы – «дохода гражданина». При этом аутсайдерам – партиям, выступающим против истеблишмента, – становится всё легче апеллировать к проигравшим перед лицом трудностей, с которыми сталкиваются основные партии левоцентристского толка, которые стали ассоциироваться с классом «победителей». Исследования чётко зафиксировали факт: в числе электората популистов наибольшее число «проигравших» – граждан, чьё положение ухудшилось за семь лет борьбы с последствиями глобального экономического кризиса и кризиса еврозоны[190].

[190] Ceccarini L. Un nuovo cleavage? I perdenti e i vincenti (della globalizzazione)

Отношение к миграции стало третьим важным кливиджем в итальянской идентичности: общество раскололось на тех, кто, следуя за развиваемым правыми популистами дискурсом секьюритизации, видит в ней угрозу; и тех, кто придерживается плюралистического подхода к вопросам национальной идентичности, интеграции и отказывается видеть в иммигрантах врагов. Назовём это *«исключающим/включающим» подходом к проблеме иммиграции*.

По сути, после выборов 2018 г. правые популисты и «Движение 5 звёзд» оказались по одну сторону этих баррикад. В рамках обозначенных кливиджей они заняли одну и ту же позицию: поддержка «проигравших от глобализации», исключающий подход к иммиграции, евроскептицизм. И хотя обе партии непосредственно накануне выборов смягчили свою риторику в отношении идеи немедленного выхода из зоны евро, жёсткая критика в отношении Брюсселя продолжала звучать из уст и Л. Ди Майо, и М. Сальвини.

Но слияние левого и правого популизма стало возможным прежде всего благодаря их общим антисистемным воззрениям. Обе партии выступили выразителями глубоко переживаемого итальянским обществом чувства неудовлетворённости традиционными политическими институтами и партиями, выразив требование радикальных перемен, которые повлекли бы за собой не просто замену старого политического класса новой группой представителей, но изменение системы. В риторике «Движения» понимание «системы» совпадало с представительной демократией, которую должна была заменить система прямой демократии. «Лига» во главе с Сальвини, напротив, заменила своего старого врага, до сих пор представленного централизованным государством, технократической властью Брюсселя. Общим врагом для обеих партий стал также и феномен коррупции, неизменно присутствовавший в риторике их лидеров, борьба с которым и дала старт началу Второй республики.

Исследователи сходятся во мнении, что в Италии к 2018 г. не сложилось как такового политического большинства. Несмо-

---

// Le divergenze parallele (ed. F. Bordignon, L. Ceccarini, and I.Diamanti). Rome and Bari: Laterza, 2018. P. 56-82.

тря на это, общие настроения всё же были понятны – это ощущение глубокого упадка политической системы и желание радикальных перемен[191]. И на тот момент избирателям казалось, что они нашли тех политических акторов, которые были готовы им эти перемены предложить: «Движение 5 звёзд» – в социально-экономической сфере, «Лига» – в сфере идентичности и иммиграции.

Высокая степень электоральной волатильности, характеризовавшая вторые выборы подряд (2013 и 2018 гг.) свидетельствовала о продолжающемся процессе деинституционализации итальянской партийно-политической системы[192], когда основания для межпартийной конкуренции и принципы формирования коалиций размываются всё больше. Социальная база партий постоянно трансформируется, о чём свидетельствует рост числа определившихся «в последний момент». В этих условиях начавшая было формироваться трёхполюсная система тоже оказывается весьма уязвимой. Формирование правительственной коалиции правых и левых популистов («Лиги» и Д5З), переход в оппозицию ДП и «Вперёд, Италии», возникновение новых размежеваний (одно из главных между сторонниками и противниками глобализации), привело к тому, что традиционная дихотомия правых и левых полностью утратила свою актуальность. Но в то же время у нас не было ещё достаточного периода наблюдения, чтобы иметь возможность утверждать, что новые кливиджи стали устойчивым основанием для функционирования партийной системы. Более того, формирование жёлто-зелёной коалиции «Лиги» и Д5З свидетельствует как раз об обратном – под воздействием политической конъюнктуры некоторые противоречия, которые, как казалось, легли в основу нового идейного размежевания партий, могут быть довольно легко преодолимы, а логика прагматичного взаимодействия и институ-

[191] Roncarolo F., Cremonesi C. Journalistic narratives and political communication strategies against the background of a critical mood: the 2018 election campaign in the traditional media and beyond // L. Ceccarini and J. L. Newell (eds.). The Italian general election of 2018. 2019. P. 192.

[192] Chiaramonte A., Emanuele V. Party system volatility, regeneration and de-institutionalization in Western Europe (1945–2015) // Party politics. 2017. Vol. 23, №4. P. 376-388.

циональная инерция, заложенная основами конституционного строя республики, оказались способными влиять на эволюцию и трансформацию партий, способствуя их «социализации» в рамках действующей политической системы.

Выборы 2018 г. также стали отражением трансформации территориальных размежеваний, исторически характерных для Италии. Территория снова стала основным фактором, определяющим модели голосования в Италии, как показал анализ электоральной географии. В то время как на Севере страны правые – особенно «Лига» – подтвердили своё господство, в т.н. «красном поясе», а также на Юге, произошли важные изменения. В теперь уже бывшем «красном поясе» левоцентристы не только потеряли многие из своих опорных пунктов, но и впервые с начала Второй республики получили немного меньше голосов в целом, чем правоцентристская коалиция, а Д5З не сильно от них отстало. Иными словами, эта территория, некогда вотчина левых политических сил, теперь стала самой конкурентной из всех. И, напротив, традиционно фрагментированный и внутренне дифференцированный Юг дал убедительную победу Д5З. В результате этой новой территориальной модели голосования партийная система стала гораздо менее национализированной. Территориальная структура господствующих идейных позиций стала более многослойной и напоминающей лоскутное одеяло.

В целом складывающаяся картина отражает негативные тенденции эволюции демократии в Италии. Хотя определённая степень изменчивости может иногда, напротив, способствовать повышению демократической жизнеспособности, деинституционализация партийной системы едва ли может рассматриваться в качестве положительного фактора для политической системы, особенно в период, когда ей предстоит реагировать на множество внешних вызовов, происходящих из растущей турбулентности международной среды и глобальных экономических вызовов.

Нестабильная партийная система, характеризующаяся хрупкими связями между партиями и избирателями, становится всё более уязвимой к частой смене партий, к краткосрочному созданию коалиций и к возникновению новых политических акторов, часто сплачиваемых харизматическими лидерами, не свя-

занными партийными идеологиями, непоследовательными в своих действиях и тем самым ещё больше дестабилизирующими систему. Это, в свою очередь, снижает степень ответственности перед избирателями, что негативно сказывается и на участии граждан в электоральных процессах, и на уровне доверия к представительным институтам.

«Правительство перемен»: испытание суверенитетом

Опыт сотрудничества правых и левых популистов в рамках т.н. «правительства перемен» стал ещё одним фактором трансформации для обеих политических сил.

Формирование жёлто-зелёной коалиции означало для «Движения 5 звёзд» крушение одного из самых главных табу – запрета на вступление в коалиции с другими политическими силами. Ещё совсем недавно, в ноябре 2017 г., когда формировалась программа в преддверии выборов 4 марта, один из лидеров Д5З А. Ди Баттиста заявил, что «день, когда М5 решат вступить в коалицию (хотя этого никогда не произойдёт) с теми, кто несёт ответственность за разрушение Италии, – это день, когда я покину “Движение 5 звёзд”»[193]. Вопрос об альянсах стал особенно актуальным после принятия в ноябре 2017 г. нового закона о выборах (т.н. «Розателлум»[194]), который давал мало шансов сформировать правительство партиям, придерживающимся изоляционистских стратегий, как, например, Д5З. Хотя по факту Д5З «выиграли» выборы 2018 г., набрав более 32% голосов (больше любой другой партии) у них не было достаточно мест в парламенте, чтобы они могли сформировать однопартийное правительство. Очевидно, что в этих условиях формирование коалиции было неизбежным, однако процесс переговоров

[193] Di Battista: Se M5S farà alleanze con i partiti che hanno distrutto l’Italia, lascerò movimento. 17.11.2017. URL: https://www.youtube.com/watch?v=CFZfKQd2CJ4 (дата обращения 31.07.2023).

[194] В октябре 2017 г., всего за четыре месяца до окончания 17-й легислатуры, итальянский парламент принял новый закон о выборах при поддержке всех основных партий, кроме Д5З, лидеры которого прямо отказывались формировать какую-либо коалицию с другими партиями и, таким образом, утверждали, что новый закон был разработан, чтобы помешать Д5З прийти к власти. Закон №165/2017 получил название по имени его автора Э. Розато – «Розателлум».

длился почти 3 месяца (88 дней – самый долгий срок за всю историю формирования правительств) и завершился лишь 1 июня 2018 г.

Интересно отметить, что, несмотря на свой антиполитический воинственный дискурс, первой партией, которой «Движение 5 звёзд» предложило вступить в коалицию, была вовсе не антисистемная «Лига», а мейнстримная Демократическая партия[195] (однако, как надеялся Л. Ди Майо, уже без М. Ренци). И лишь отказ ДП вступать в коалицию с Д5З заставил Ди Майо сделать окончательный выбор в пользу «Лиги». При этом Сальвини в данном случае выступил гораздо более последовательным «антиполитиком», чем Ди Майо, сказав, что «Лига» ни при каких условиях не вступит в коалицию с Демпартией. Обязательным условием вступления в коалицию с «Лигой» со стороны Д5З стало исключение из неё «Вперёд, Италии», на которую «Движение» также возлагало ответственность за разрушение страны в предыдущие годы.

Однако, несмотря на нарушение последнего табу и готовность вступить в коалицию даже с Демпартией, «Движение» всё же продолжало позиционировать себя как антисистемную политическую силу. Так, например, «антиполитический дух» Д5З вновь проявился во время консультаций по формированию нового правительства, когда президент Республики С. Маттарелла отклонил первоначальный список министров, представленный назначенным премьер-министром Дж. Конте.

Главной причиной отклонения стала кандидатура профессора Паоло Савоны (убеждённого критика экономической политики Германии и евро) на пост министра экономики и финансов. Президент Республики С. Маттарелла, воспользовавшись своими формальными прерогативами назначения министров, наложил вето на кандидатуру Савоны (что ранее случалось крайне редко), взамен предложив другому профессору, Карло Коттарелли, возглавить технократический кабинет, коль скоро ком-

[195] Di Maio propone un contratto di governo: «Il nostro primo interlocutore è il Pd. Poi la Lega senza Berlusconi» // La Repubblica,. 03.04.2018. URL: https://www.ilfattoquotidiano.it/2018/04/03/di-maio-propone-un-contratto-di-governo-il-nostro-primo-interlocutore-e-il-pd-poi-la-lega-senza-berlusconi/4268406/ (дата обращения 31.07.2023).

промисса с победившими на выборах партиями достичь не удаётся. Тогда Ди Майо поднял вопрос об импичменте президента. В конце концов Савону перевели на более низкий пост – министра по делам ЕС – и Маттарелла отклонил свои возражения. Некоторые исследователи увидели в этом неуважение Д5З к основам конституционного строя Республики, в полном соответствии с которым действовал глава государства С. Маттарелла. Впоследствии диалог между политическими партиями и президентским дворцом был возобновлён, что сделало возможным формирование правительства. Тем не менее этот инцидент показал, что в самые деликатные моменты, когда страна была близка к беспрецедентному конституционному кризису и новым перевыборам в силу невозможности сформировать правительство, протестная сущность «Движения» возобладала над стремлением партии к полной институционализации и «нормализации».

Интересно отметить, что, несмотря на крайне негативную риторику популистов в отношении предыдущих «технократических кабинетов», технократы присутствовали и в составе «правительства перемен»[196]. Так, в частности, министерство экономики и финансов (не доставшееся Савоне) было передано профессору Джованни Триа, а министерство иностранных дел возглавил Энцо Моаверо-Миланези, который уже занимал пост министра по делам ЕС в технократическом правительстве М. Монти. Таким образом, «технократы» присутствовали и в «правительстве перемен», что косвенно подтверждало готовность популистов идти на компромиссы в целях дальнейшей институционализации своих партий. Некоторые исследовали называли подобное двухпартийное правительство с технократической компонентой «химерой»[197], чья жизнеспособность находится под вопросом с первого дня.

Движение в сторону дальнейшей институционализации также было вполне заметно и по изменившемуся отношению «Движения 5 звёзд» к роли парламента. Если в 2013 г. Б. Грилло го-

---

[196] Valbruzzi M. When populists meet technocrats. The Italian innovation in government formation // Journal of modern Italian studies. 2018. Vol. 23. №4. P. 460-480.
[197] Marangoni F., Verzichelli L. Goat-stag, chimera or chameleon? The formation and first semester of the Conte government // Contemporary Italian politics. 2019. №11(3). P. 1-17.

ворил, что он «хочет вскрыть парламент как банку с тунцом»[198], то после выборов 2018 г., когда представитель Д5З Роберто Фико занял должность председателя палаты депутатов, он в вступительной речи акцентировал внимание на «центральной» роли парламента в политической системе Италии. Вместе с тем партия продолжала считать своих парламентских представителей связанными мандатом, вытекающим из её программы, взглядов её руководства и последователей. Самого́ премьер-министра Дж. Конте Л. Ди Майо часто называл «исполнителем», подразумевая тем самым его несамостоятельную роль, зависимую от воли назначивших его партий, избранных электоратом.

В отсутствие «политического» премьер-министра (а до назначения на эту должность Дж. Конте был профессором гражданского права в Университете г. Флоренция) центр политического притяжения новой исполнительной власти лежал на двух заместителях премьер-министра и партийных лидерах – Л. Ди Майо и М. Сальвини. Они зарезервировали за собой два стратегических портфеля: первый оставил за собой министерство экономического развития и министерство труда и социальной политики (объединённые для этой цели), а второй стал министром внутренних дел. Такое распределение соответствовало ключевым интересам и приоритетам их избирателей и положениям предвыборных программ. Это закрепило за премьер-министром в значительной степени остаточную роль посредника между двумя политическими «хозяевами», ограничив и его медийное присутствие, что ещё больше подчёркивалось агрессивными стилями общения и массовым использованием социальных сетей двумя заместителями премьер-министров. Несмотря на то, что Конте пытался себя позиционировать как «адвокат народа», на начальном этапе его фигура вызывала значительный скептицизм относительно его автономности и политической роли как внутри страны, так и вовне. Лидеры некоторых европейских партий, как, например, Ги Верхо́фстадт, даже позволяли себе называть Дж. Конте «буратино Сальвини и Ди Майо»[199].

---

[198] Цит. по: Bordighnon F., Ceccarini L. Op. cit. P. 143.
[199] Verhofstadt attacca Conte: «Burattino di Salvini e Di Maio». Il premier replica: «Burattino chi risponde a lobby» // La Repubblica, 12.02.2019. URL: https://www.

И тем не менее, несмотря на явную политическую конкуренцию между лидерами двух ведущих популистских сил – «Лиги» и Д5З – движение в сторону «нормализации» итальянского популизма было заметно уже в процессе подписания правительственного «контракта» между ними. Разница между предвыборными программами обеих партий и теми положениями, которые легли в «контракт», была довольно существенная, и это свидетельствовало об их готовности идти на компромиссы. А также о хрупкости тех идейных установок, которые они предлагали обществу в процессе своего восхождения и о готовности принести прежние нарративы в жертву политическому прагматизму. Прежде всего этот идейный трансформизм бросается в глаза в той части, которая касается отношений с ЕС.

Предвыборная программа правой коалиции[200] содержала раздел «Меньше ограничений из Европы». Среди перечисленных пунктов наиболее важные касались противодействия политике жёсткой экономии, общего пересмотра трактатов ЕС и сокращения ежегодных взносов Италии в бюджет ЕС. Несколько раз в ходе предвыборной кампании представители «Лиги» заявляли о своём желании отказаться от евро. Тем не менее в программе ничего конкретного не было сказано в отношении сохранения Италией членства в еврозоне, так же как и о каком-либо несоблюдении европейских налоговых соглашений, предусмотренных для сокращения долга.

В программе Д5З один из 24 разделов посвящён Европейскому союзу. С самого начала он призывает к включению в договоры «некоторых конкретных технических, экономических и правовых процедур, позволяющих государствам-членам выходить из валютного союза или оставаться вне его, если есть явное народное желание сделать это». Идея референдума о членстве в еврозоне, таким образом, не утратила актуальности, даже несмотря на оговорку о том, что процедура выхода должна быть сначала предусмотрена в договорах и инициирована с одобре-

---

repubblica.it/politica/2019/02/12/news/guy_verhofstadt_attacca_conte_burattino_di_salvini_e_di_maio_-218960826/ (дата обращения 31.07.2023).

[200] A Programme for Italy. For growth, security, families and full employment. URL: http://www.forzaitalia.it/speciali/Programma_centrodestra_condiviso_10_PUNTI.pdf (дата обращения 31.07.2023).

ния правительств других членов Союза. В более общем плане Д5З призывали к радикальной реформе договоров и требований к фискальной дисциплине. Подход «Движения» к сокращению государственного долга можно охарактеризовать как отчасти кейнсианский: инвестиции в создание рабочих мест, повышение внутреннего спроса и инвестиции в производство виделись «Движению» в качестве основных способов решения проблемы государственного долга (снизить который на 40% они обещали в течение двух легислатур).

На этом фоне подписанный 17 мая 2018 г. правительственный «контракт»[201] кажется довольно консервативным, поскольку утверждает, что Италия «потребует полного выполнения целей, установленных в Маастрихтском договоре 1992 г., и подтверждённых Лиссабонским договором 2007 г.»; «будет призывать к усилению роли Европейского парламента и пересмотру, согласованному с европейскими партнёрами, структуры европейского экономического управления». Таким образом, речи о выходе из основных договоров уже не идёт. Однако в том, что касается подходов к сокращению долга, Д5З удалось отстоять свой кейнсианский подход. В «контракте» утверждается, что «программа правительства направлена на сокращение государственного долга не с помощью налоговых мер и мер жёсткой экономии – политики, которая оказалась неэффективной для достижения этой цели, а с помощью роста ВВП, который должен быть достигнут за счёт стимулирования как внутреннего спроса (за счёт инвестиций и политики поддержки покупательной способности домохозяйств), так и иностранного спроса, создавая благоприятные условия для экспорта». «Контракт» утверждает, что такой подход к погашению долга потребует пересмотра договоров ЕС и общей нормативно-правовой базы.

Подход к налогообложению в рамках «контракта» особенно радикален. Изначально «Лига» и Д5З делали очень разные предложения. Правые предлагали фиксированный налог с очень низкой единой ставкой (15%), в то время как Д5З предложили дифференцированные ставки как для низких, так и для высоких до-

[201] M5s-Lega. Contratto per il Governo del Cambiamento. 2018. URL: http://www.ansa.it/documents/1526568727881_Governo.pdf (дата обращения 31.07.2023).

ходов. «Контракт» стал компромиссом, поскольку он предусматривал две фиксированные ставки 15 и 20% для работающих, самозанятых, предприятий и домашних хозяйств; для семей был предусмотрен фиксированный вычет в размере 3000 евро в зависимости от дохода семьи. Ещё одним важным положением «контракта» стала реформа т.н. «закона Форнеро», принятого в период экономического кризиса 2011 г. Вместо него предполагалось введение «квоты 100» – возможности выхода на пенсию в 60 лет по истечении 40 лет трудового стажа. Введение «дохода гражданина» в размере 780 евро в месяц для неработающих итальянцев также перекочевало из программы Д5З в «контракт».

По разным оценкам, реализация данных экономических мер должна была обойтись правительству в сумму 109-126 млрд евро[202], что, естественно, не могло не вызвать негативную реакцию в Брюсселе, который опасался ещё большего увеличения итальянского долга.

Жёсткий подход «Лиги» лёг в основу «контракта» в вопросах иммиграции. В документе сказано, что «Италия должна играть решающую роль за столами европейских переговоров по политике предоставления убежища и иммиграции. Цель должна состоять в том, чтобы уменьшить давление потоков на внешние границы и, как следствие, сократить торговлю людьми и в то же время «скорректировать текущие европейские миссии в Средиземноморье, которые наказывают нашу страну, делая её основным пристанищем для спасательных судов без какого-либо разделения ответственности другими европейскими государствами. Необходимо реформировать Дублинские регламенты». Также «контракт» требовал введения обязательного механизма распределения прибывших по странам ЕС и внедрения эффективных механизмов репатриации нелегально въехавших. В отношении предотвращения угрозы терроризма «контракт» заимствовал ряд положений правых о более тщательном контроле в отношении финансирования мечетей и мест отправления культа, не допущении деятельности радикальных исламских объединений и пр.

---

[202] Quantificazione delle proposte del contratto di Governo. Osservatorio sui Conti Pubblici Italiani, 2018. URL: https://osservatoriocpi.unicatt.it/cpi-elezioni-2018-commenti-ai-programmi-di-finanza-pubblica (дата обращения 31.07.2023).

Таким образом, несмотря на некоторое смягчение дискурса правительственного «контракта» в отношении Европы, этот документ всё равно можно считать достаточно суверенистским, поскольку в его основе лежит стремление принимать решения самостоятельно и в интересах Италии.

«…Если популизм означает сокращение разрыва между людьми и элитой, восстановление суверенитета народа, полноты суверенитета, и превращение задачи представительства в подлинную приверженность защите интересов тех, кого мы представляем, то мы заявляем, что мы популисты», – заявил Дж. Конте в палате депутатов в преддверии Евросовета[203]. А министр иностранных дел нового правительства Э. Моаверо-Миланези отмечал, что «нынешняя позиция Италии призвана напомнить партнёрам об общих ценностях ответственности и солидарности»[204].

Не дожидаясь формирования «европейской солидарности» в решении миграционного вопроса, накануне саммита ЕС 28-29 июня 2018 г. М. Сальвини, занявший в новом правительстве пост вице-премьера и министра внутренних дел, начал запрещать высадку мигрантов на итальянских берегах, объявив судна НПО контрабандистами, а итальянские порты – закрытыми для них, и призвал другие прибрежные страны ЕС разделить с Италией ответственность по приёму мигрантов (наибольшую огласку получил случай с судном «Аквариус»). Стоит отметить и роль итальянских медиа, которые в существенной мере способствовали секьюритизации темы иммиграции и восприятию спасательных судов НПО как пособников контрабандистов[205]. Перед самим саммитом итальянское правительство сформулировало ряд предложений в сфере миграции, угрожая заблокировать согласование других вопросов повестки. Затем, осенью 2018 г.,

---

[203] Discorso di Conte alla Camera dei Deputati in vista del consilio Europeo. URL: http://www.governo.it/articolo/consiglio-europeo-comunicazioni-del-presidente-conte-parlamento/10527 (дата обращения 31.07.2023).

[204] Il ministro degli Esteri Moavero: Migranti, l'Ue rischia la fine // Il Messagero, 24.06.2018. URL: https://www.ilmessaggero.it/primopiano/politica/enzo_moavero_milanesi_migranti_unione_europea-3814737.html (дата обращения 31.07.2023).

[205] Cusumano E., Bell F. Guilt by association? The criminalisation of sea rescue NGOs in Italian media // Journal of ethnic and migration studies. 2021. Vol. 47. Issue 19.

итальянское правительство провело через парламент так называемый «закон о безопасности», который предусматривал изменение правил предоставления убежища, расширял перечень оснований для отказа в предоставлении статуса беженца, а также изменял сроки и правила содержания мигрантов в центрах приёма беженцев в сторону ужесточения. Закон встретил резкую международную реакцию: даже Верховный комиссар ООН по правам человека заявил о несоответствии итальянского «закона о безопасности» нормам международного права[206].

Несмотря на общую усталость от проблемы иммиграции, итальянское общество оставалось расколотым по этому вопросу. По данным социологического исследования *Ipsos*, опубликованного в январе 2019 г., каждый второй житель страны (51%) поддерживал жёсткую линию М. Сальвини, в т.ч. закрытие портов, и лишь 19% допускали высадку мигрантов на территории Италии; 60% считали, что итальянцы должны самостоятельно принимать решения в сфере миграции, а не полагаться на ЕС в данном вопросе. Но вот в отношении «декрета о безопасности» общество разделилось почти поровну: поддерживали 43% опрошенных, не поддерживали – 38%. Мэры ряда итальянских городов (Палермо, Неаполя, Флоренции), а также главы Тосканы, Реджио-Калабрии, Умбрии, Пьемонта и др. выступили против «закона о безопасности», считая, что он не даст желаемого эффекта и нарушает конституцию[207]. По их мнению, запрет на продление вида на жительство по гуманитарным причинам, введённый «декретом», приведёт к тому, что часть мигрантов перейдёт в статус нелегальных, что повлечёт негативные последствия в сфере общественного порядка и безопасности[208].

Длительное противостояние с Брюсселем вызвала и ежегод-

---

[206] Decreto Sicurezza, Onu: «Violazione della legge umanitaria» // L'Eurispes.it, 26.11.2018. URL: https://www.leurispes.it/decreto-sicurezza-onu-violazione-della-legge-umanitaria-internazionale/ (дата обращения 31.07.2023).

[207] «Decreto sicurezza incostituzionale»: partono i ricorsi delle Regioni // Correire della sera, 07.01.2019. URL: https://www.corriere.it/politica/19_gennaio_07/decreto-sicurezza-incostituzionale-partono-ricorsi-regioni-e25d20b4-12c0-11e9-8e32-62f2e5130e0b.shtml?refresh_ce-cp (дата обращения 31.07.2023).

[208] Decreto sicurezza, Nardella: «Rispetto la legge, ma voglio evitare una bomba sociale» // LaNazione. Firenze, 07.01.2019. URL: https://www.lanazione.it/firenze/cronaca/decreto-sicurezza-nardella-1.4380038 (дата обращения 31.07.2023).

ная процедура согласования бюджета в Еврокомиссии. Заложенный в нём показатель бюджетного дефицита в 2,4% противоречил обязательству предыдущего правительства Италии снизить его до 0,8% ВВП уже в 2019 г. Предложенный итальянским правительством проект бюджета не соответствовал принятым в ЕС правилам поддержания финансовой стабильности, а с учётом антиевропейского дискурса, который не скрывали представители нового правительства, и вовсе и был воспринят как открытый вызов бюджетной дисциплине ЕС. Отказ Еврокомиссии утвердить документ был первым подобным случаем в её практике. Противостояние вокруг бюджетного плана достигало такого накала, что в дискурсе часто стала появляться метафора «войны» между Италией и ЕС. «Мы бросили перчатку старой Европе, теперь мы должны выиграть войну, потому что отныне это будет война», – заявил министр по делам ЕС П. Савона в ходе разворачивающегося конфликта[209]. После двух месяцев трудных переговоров «правительству перемен» в декабре 2018 г. наконец удалось согласовать основные параметры бюджета. Брюссель не позволил итальянскому руководству зафиксировать допустимый дефицит на уровне 2,4%, снизив его до 2,04%, однако в бюджетном плане всё же были заложены финансовые резервы для введения «дохода гражданина» и проведения пенсионной реформы («квоты 100»), а также для изменений в системе налогообложения (хоть и в меньшем объёме, чем предполагалось изначально)[210].

Подобная расточительность нового итальянского правительства вызывала опасения не только в Брюсселе, но и внутри страны, в частности у Ассоциации предпринимателей Ломбардии, президент которой Карло Бономи призвал руководство к «стратегии национальной ответственности» и диалогу с Еврокомиссией[211]. Однако с точки зрения правительства, руководствовав-

---

[209] Minzolini A. La solita guerra sgangherata all'italiana // Il Giornale, 04.10.2018. URL: https://www.ilgiornale.it/news/cronache/solita-guerra-sgangherata-allitaliana-1583773.html (дата обращения 31.07.2023).

[210] Legge di Bilancio 2019, il testo definitivo: tutte le misure manovra finanziaria // Money.it, 19.01.2019. URL: https://www.money.it/legge-Bilancio-2019-novita-testo (дата обращения 31.07.2023).

[211] Bonomi: L'Italia che sarà vive oggi, la responsabilità del futuro è nostra //

шегося кейнсианской логикой, дальнейшее урезание запланированных расходов было невозможно, поскольку именно они должны были «запустить» экономику страны и способствовать росту ВВП в последующие годы.

В начале 2019 г. тем не менее состояние итальянской экономики продолжило ухудшаться. Отрицательный рост ВВП наблюдался в III и IV кварталах 2018 г., в результате чего в стране была объявлена техническая рецессия. В Брюсселе же крайне скептически относились к предложенным «правительством перемен» мерам, считая, что их программа слишком затратна, но при этом вряд ли сможет существенным образом стимулировать внутренний спрос и, что ещё более важно, решить проблему занятости и привлечения инвестиций[212]. В определённый момент перед Италией даже нависла угроза санкций со стороны ЕС.

Самим итальянцам предложенные реформы тоже не казались однозначным благом. Так, по данным опросов, лишь четверо из десяти граждан положительно отнеслись к введению гарантированного «дохода гражданина», а 55% не поддержали эту меру[213]. Однако на фоне острого конфликта между «правительством перемен» и Брюсселем отношение итальянцев к ЕС существенно ухудшилось. Так, по данным Евробарометра[214], в ноябре 2018 г. лишь 43% опрошенных итальянцев считали, что страна выиграла от членства в ЕС, что стало самым низким показателем среди всех европейских государств. В целом отношение итальянцев к ЕС было одним из наименее позитивных по сравнению с гражданами других стран Европы: 72% итальянцев считали, что их голос не имеет веса в Европе, а 52% были не

Assolombardia.it, 18.10.2018. URL: https://www.assolombarda.it/media/comunicati-stampa/bonomi-201cl2019italia-che-sara-vive-oggi-la-responsabilita-del-futuro-e-nostra201d (дата обращения 31.07.2023).

[212] La Ue boccia reddito e quota 100: Così si riduce la crescita // La Repubblica, 20.02.2019. URL: https://rep.repubblica.it/pwa/generale/2019/02/20/news/l_ue_boccia_reddito_e_quota_100_cosi_si_riduce_la_crescita_-219668079/?ref=RHPPLF-BH-I0-C8-P2-S1.8-T2 (дата обращения 31.07.2023).

[213] Sondaggi: reddito di cittadinanza bocciato da 6 su dieci // NextQuatidiano.it, 24.01.2019. URL: https://www.nextquotidiano.it/sondaggi-reddito-di-cittadinanza/ (дата обращения 31.07.2023).

[214] Dati sondaggio Eurobarometro. 12.11.2018. URL: https://www.agenziacoesione.gov.it/news_istituzionali/dati-sondaggio-eurobarometro/ (дата обращения 31.07.2023).

удовлетворены состоянием демократии в ЕС. В случае референдума о членстве в ЕС только 44% итальянцев проголосовали бы «за» (в среднем по Европе – 66%). Это худший показатель из 28 государств, даже по сравнению с Великобританией, где на тот момент 53% поддерживали членство в Союзе.

Конфликтный характер отношений с Брюсселем сказался и на внешней политике «правительства перемен». И хотя эта политика никогда не была в списке приоритетных тем для итальянских граждан, в этот раз она стала важным инструментом формирования общественного мнения об Италии как о стране, борющейся за свой суверенитет. По крайней мере на это была направлена внешняя политика «правительства перемен», пытавшегося действовать максимально самостоятельно, исходя из национальных интересов страны. Необходимо отметить, что этот фактор тоже сыграл немалую роль в формировании новых кливиджей в итальянском общественном сознании, в частности, между теми, кто считает, что Италия должна следовать политике евроатлантической солидарности, придерживаясь общей линии с ЕС и США, и теми, кто считает, что Риму не хватает самостоятельности и жёсткости в следовании своим национальным интересам.

Заключённый между «Лигой» и Д5З «контракт» предполагал «приоритет национального интереса и принцип невмешательства во внутренние дела других стран». Поэтому, с одной стороны, в документе не оспаривались принадлежность Италии к НАТО и важность отношений с США, которые по-прежнему рассматривались в качестве главного стратегического партнёра Рима. Но с другой стороны, и за Россией признавался статус «торгового и экономического партнёра первого плана», поэтому от диалога с Москвой «правительство перемен» отказываться не собиралось, призывая к немедленному снятию с России санкций ЕС.

За несколько месяцев пребывания во власти «правительству перемен» удалось максимально испортить отношения с одним из двух «локомотивов» ЕС – Францией. Конфликт достиг апогея 7 февраля 2019 г., когда Париж отозвал своего посла из Рима, заявив, что Франция в течение нескольких месяцев оста-

ётся объектом «беспочвенных атак» со стороны итальянских властей. Встреча вице-премьера Италии Л. Ди Майо с лидерами французского движения «жёлтых жилетов», продолжавших протесты против политики французских властей, переполнила чашу терпения Эммануэля Макрона, который обвинил Италию во вмешательстве во внутренние дела государства. Рим же регулярно обвинял Париж в намеренном возвращении мигрантов на границу с Италией. Кроме того, Л. Ди Майо уличил Францию в реализации «неоколониальной политики» в Африке и призвал Брюссель взять ситуацию в свои руки, подставив тем самым под сомнение состоятельность внешней политики ЕС и авторитет Франции на Африканском континенте[215].

22 марта 2019 г. в ходе государственного визита Си Цзиньпина в Италию состоялось подписание меморандума о присоединении Италии к китайской инициативе «Пояс и путь». Несмотря на то, что уже 13 стран ЕС подписали аналогичные меморандумы ранее, решение «правительства перемен» вызвало большой резонанс, поскольку Италия стала первой страной «Большой семёрки» и первой из стран – основателей ЕС, официально подтвердившей готовность участвовать в проектах «Шёлкового пути». И это на фоне того, что Брюссель объявил Китай «системным конкурентом»[216]. В ответ на критику из Брюсселя и Вашингтона Л. Ди Майо заявил: «Я убеждён, что Италия должна уважать своих атлантических союзников и всегда выполнять взятые обязательства, но она также может выбирать, как и куда идти», добавив, что «с инициативой “Пояса и пути” Италия принимает решение стать более суверенной …»[217].

Таким образом, противостояние с Брюсселем и Парижем, продолжение диалога с Москвой и заключение меморандума с Пекином стали главными внешнеполитическими шагами прави-

---

[215] Алексеенкова Е.С. Италия и Франция: конфликт по вопросу будущего ЕС // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №1(7). С. 36-42.

[216] Алексеенкова Е. Дискурсивная сила КНР против нормативной силы ЕС: казус Италии // МЭиМО. 2020. Т. 64. №5. С. 62-72.

[217] Italia-Cina, il memorandum passa. Conte: «Accordo non vincolante». Di Maio: «Si firma» // Il Messagero, 15.03.2019. URL: https://www.ilmessaggero.it/politica/via_seta_cina_salvini_di_maio_ultime_notizie_memorandum-4363264.html (дата обращения 31.07.2023).

тельства суверенистов, призванными сформировать (как вовне, так и внутри) имидж страны, действующей в национальных интересах. Безусловно, это не могло не сказаться на идентичности итальянцев, ведя к формированию новых кливиджей, особенно по мере того, как интересы ЕС, США, Пекина и Москвы приобретали всё более конфликтный характер.

Подводя итог работе «правительства перемен», можно утверждать, что, несмотря на существенную эволюцию итальянского популизма в направлении «нормализации» и «институционализации», опыт первого полностью популистского кабинета представлял собой существенный *дискурсивный разрыв* с предыдущим этапом развития Второй республики, поскольку в его основу легли те идейные позиции, которые были сформированы внутри популистского дискурса в предыдущие годы – евроскептицизм и суверенизм. В наибольшей мере этот разрыв воплотился во внешней политике и отношениях с ЕС; в экономической политике, направленной на уход от мер жёсткой экономии и возвращение государству его дистрибутивной роли и функции сглаживания социальных перекосов; в миграционной политике, которой «Лига» придала «эксклюзивный» характер, направленный на ограничение количества прибывающих иммигрантов и ужесточение контроля за уже прибывшими. В целом, анализируя работу правительства на данных направлениях, можно сделать вывод о том, что первый Кабинет Дж. Конте был попыткой предложить *альтернативную модель* решения ключевых задач, стоящих перед итальянским обществом, как в части выхода из экономического кризиса, так и в решении проблемы миграционного давления и приобретения большей самостоятельности в реализации национальных интересов страны на внешнеполитической арене. Таким образом, дискурсивно это правительство, безусловно, поддержало общественный запрос на «*альтернативу*» прежнему политическому курсу.

Вместе с тем итогом работы «правительства перемен» стала и констатация невозможности реализации этих ключевых задач в те короткие сроки (14 месяцев), которые проработал Кабинет Конте. Альтернативный *дискурс* не смог превратиться в альтернативные *практики* и альтернативную *политику*. Согла-

сование бюджета в ЕС всё же состоялось и никакого радикального разрыва между Римом и Брюсселем не произошло. Во внешней политике также громкие жесты и риторика не увенчались ни наложением вето на продление антироссийских санкций, ни существенными уступками Китаю. В части миграционной политики М. Сальвини и «Лига» вплоть до выхода из правительства придерживались жёсткой линии, но никаких кардинальных *институциональных* решений в рамках ЕС или внутри самой Италии это не повлекло. Несмотря на громкие заявления Л. Ди Майо о начале «Третьей республики», ничего настолько радикального, чтобы можно было говорить о переломном этапе в развитии политической системы, в Италии эпохи «правительства перемен» не произошло.

Тем не менее необходимо подчеркнуть, что выборы 2018 г. и работа первого кабинета Конте стали отражением всё углубляющегося раскола в итальянском обществе между сторонниками разных моделей развития. Более того, они этот раскол укрепили, что нашло подтверждение на досрочных парламентских выборах 25 сентября 2022 г., когда 44% итальянцев вновь проголосовали за правых популистов. Множественные противоречия стали основанием для этого раскола: это и антиэлитизм, и подходы к иммиграции, и вопросы перераспределения благ, и роль Италии в Европе. Сформированные вокруг них идентичности в сочетании с высоким уровнем депривации и недоверия к политическим институтам способствовали тому, что в 2022 г. итальянцы, снова во многом руководствуясь «духом антиполитики», голосовали за «Братьев Италии» и Дж. Мелони, которые в предыдущие годы сохраняли последовательность, оставаясь в оппозиции. Однако этому предшествовали ещё две смены правительства – кабинет «Конте-бис» и правительство М. Драги, которые также повлияли на эволюцию итальянского популизма.

Второе правительство Дж. Конте: популизм эпохи пандемии

«Правительство перемен», сформированное в результате объединения усилий двух разных типов популизма (левого, сосредоточенного на идее перераспределения общественных благ, и правого, стремящегося оградить достигнутый уровень благосо-

стояния от посягательств извне), заставило исследователей задаться вопросом о том, насколько популистская коалиция устойчива и что она может означать для партийно-политической системы страны. С одной стороны, если сформированные популистами кливиджи общественного сознания (такие как антиэлитизм, суверенизм, антиглобализм, евроскептицизм) устойчивы и окажутся доминирующими, то это может позволить жёлто-зелёной коалиции остаться у руля надолго. В данном случае противостояние популистов и антипопулистов будет ключевой темой в обозримой электоральной перспективе. С другой стороны, если имеющиеся противоречия между «Лигой» и Д5З всё же возобладают и превалирующими окажутся опасения за свою культурную идентичность («эксклюзивный» популизм) либо же стремление к более справедливому перераспределению благ («инклюзивный» популизм), то в будущем весьма вероятно размежевание между «правым» и «левым» популизмом и, соответственно, формирование партийно-политической системы вокруг классического конфликта правых и левых[218].

Политический кризис, разразившийся летом 2019 г. и приведший к распаду жёлто-зелёной коалиции, свидетельствовал в пользу второго сценария.

8 августа 2019 г. лидер «Лиги», вице-президент и министр внутренних дел М. Сальвини объявил о распаде правящей коалиции и намерении поднять в парламенте вопрос о доверии кабинету Конте. Несмотря на то что противоречия внутри коалиции ни для кого не были секретом, подобное развитие событий удивило многих. В результате этого демарша «Лига» ушла в оппозицию, а прежние заклятые враги – антисистемное евроскептическое «Движение 5 звёзд» и мейнстримная Демократическая партия – сформировали новую коалицию во главе с прежним премьером Дж. Конте. «Правительство перемен», проработав 14 месяцев, сменилось «правительством поворота» – не менее противоречивым союзом, где один партнёр по коалиции (Д5З) заявлял о желании продолжить курс начатых «правительством

[218] Vassallo S., Shin M. The new map of political consensus. What is new in the wave of support for the populists? // Contemporary Italian Politics. 2019. Vol. 11. Issue 3. P. 230-235.

перемен» экономических реформ и социальных преобразований, а другой (Демпартия) требовал исправления ошибочных шагов правительства в экономике и сфере миграции. Евроскептики-пятизвёздочники вступили в союз с проевропейскими левоцентристами. Что же стало причиной распада популистской коалиции и каково было значение решения «Движения 5 звёзд» вступить в союз с политической силой, на борьбе с которой выстраивалась основа идентичности пятизвёздочников и их избирателей?

Формальным поводом для решения М. Сальвини спровоцировать правительственный кризис стал отказ Д5З поддержать решение о строительстве магистрали Турин – Лион, которую «Лига» считала важным инфраструктурным проектом, а Д5З – очередной коррупционной сделкой. Несмотря на то что закон в пользу строительства был принят, Сальвини 8 августа выступил с заявлением о распаде коалиции. На первый взгляд данная последовательность событий казалась весьма странной, но действия Сальвини имели под собой определённую логику, хотя и ошибочную, как показал дальнейший ход событий.

Дело в том, что к лету 2019 г. баланс сил между «правым» и «левым» популизмом в Италии существенным образом изменился. Состоявшиеся 23-26 мая выборы в Европейский парламент проходили под лозунгом борьбы евроскептиков (или «суверенистов») и «интеграционистов» – борцов за национальные интересы и сторонников ещё большего углубления интеграции Европейского союза[219]. По итогам выборов можно было уверенно констатировать, что евроскептики победили: «Лига» и «Движение 5 звёзд» получили 34,33 и 17,07% голосов соответственно, что в сумме составляет 51,4% проголосовавших. То есть абсолютное большинство итальянских граждан стояло на тот момент на стороне критиков евроинтеграции. Но нельзя было скрыть и тот факт, что баланс сил между Д5З и «Лигой» изменился на прямо противоположный: пятизвёздочники, набравшие 4 марта 2018 г. 32% голосов, опустились до 17%, а на первый

[219] Алексеенкова Е.С. Италия: «Лига» и другие // Выборы в Европарламент – 2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции / под. ред. Ю.Д. Квашнина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера. М.: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН, 2019. С. 89-94.

план вышла «Лига», получившая 34%. Заметным было и падение популярности Демократической партии: в 2013 г. на выборах в Европарламент её поддержали 41,8% избирателей, а в 2019 г. – лишь 22,69%.

Сразу же после выборов ожидаемо появились спекуляции на тему того, объявит ли М. Сальвини о пересмотре правительственного «контракта» и потребует ли новых мест в правительстве в связи с тем, что баланс сил изменился. Однако лидер «Лиги» заявил о том, что перераспределения постов и пересмотра самого «контракта» не будет, однако он намерен настаивать на реализации тех реформ, которые вызывали разногласия «Лиги» и «Движения 5 звёзд», и рассчитывает на их поддержку пятизвёздочниками. Речь шла в том числе о строительстве магистрали Турин – Лион, новом законе о безопасности, налогах, региональной автономии. Уже тогда было понятно, что «Движению» предлагается роль младшего партнёра по коалиции, а в случае его несогласия «Лига» готова к новым выборам. Озвучив подобный сценарий, М. Сальвини, возможно, сам того не осознавая, подсказал своим партнёрам по коалиции весьма удобный тактический ход – последовательно «саботировать» инициативы «Лиги» с тем, чтобы подтолкнуть Сальвини к идее досрочных выборов, а затем, зная, что президент Маттарелла в соответствии с законом должен предложить другим партиям сформировать правящее большинство, заключить коалиционную сделку с Демпартией. Действительно ли внутри Д5З созрел столь коварный план – никому не ведомо, однако события далее развивались именно по этому сценарию.

В июле 2019 г. рейтинг «Лиги» достиг почти 40%, а личный рейтинг М. Сальвини перевалил за 50%, что придало ему уверенности в своих силах в случае досрочных выборов. Между тем пятизвёздочники демонстративно блокировали строительство тоннеля Турин – Лион, и к тому же Л. Ди Майо и Дж. Конте поддержали кандидатуру Урсулы фон дер Ляйен на должность председателя Еврокомиссии. Дж. Конте всё чаще стал говорить о риске изоляции Италии в ЕС, где всё более критично смотрели на политику М. Сальвини в сфере миграции, и призывал не допустить утраты Италией своих позиций внутри ЕС. На

этом фоне М. Сальвини, спровоцировав кризис 8 августа, очевидно, рассчитывал капитализировать свой высокий рейтинг и единолично сформировать правительство, но … просчитался.

Президент С. Маттарелла принял решение не проводить досрочные выборы, а попытаться сформировать новую коалицию на основании итогов парламентских выборов 4 марта 2018 г. Решение президента абсолютно соответствовало букве конституции Итальянской Республики. Проведя два раунда переговоров, Маттарелла снова поручил Дж. Конте формирование нового кабинета, теперь уже из представителей Д5З и Демократической партии – двух крупнейших по числу депутатов политических сил действующего парламента.

Однако М. Сальвини, вероятно, надеялся, что президент будет руководствоваться не только принципом легальности, но и принципом легитимности. Ведь и премьер Дж. Конте, и пятизвёздочники в своём дискурсе постоянно апеллировали к суверенитету народа и решениям избирателя. Поэтому М. Сальвини никак не ожидал, что в данной ситуации его бывшие партнёры по коалиции предпочтут о народном волеизъявлении забыть и цинично воспользуются данной законом возможностью переформатироваровать коалицию. Кроме того, совершенно невозможно было предположить, что антисистемные популисты, с самогó своего основания боровшиеся с «кастой», пойдут на союз с той самой «кастой» – мейнстримной Демпартией, а последняя согласится вступить в коалицию с популистами, которых они демонизировали почти 10 лет. Ведь «Движение» выросло именно как антисистемная политическая сила, евроскептическая, отвергающая неолиберальную экономическую политику и меры «жёсткой экономии», которые с 2011 г. проводили правительства во главе с представителями Демпартии под руководством Брюсселя. Демпартия как раз и выступала для пятизвёздочников олицетворением той «системы», для борьбы с которой и создавалось «Движение». Демократическая партия, в свою очередь, превратилась в антипопулистскую политическую силу, критикуя каждый шаг «правительства перемен», где Д5З выступало одной из двух ведущих политических сил. Несмотря на то, что обе партии можно отнести к левой части политического спек-

тра, разногласия между ними были фундаментальными. Объединения популистов и антипопулистов никто не ожидал.

Интересно отметить, что пятизвёздочников, со времён своего основания ратовавших за волеизъявление народа и легитимное представительство, в этой ситуации вовсе не смутило отсутствие политического большинства. Рейтинги обеих вступивших в коалицию политических сил – и Д5З, и Демпартии – едва превышали 20%, что в сумме не давало им даже 50%. По опросам, 33% населения во время политического кризиса предпочли бы новые выборы, 26% верили в то, что новая коалиция проработает до конца положенного срока, т.е. легитимность сформированной коалиции была под большим сомнением. Как и легитимность того факта, что за бортом правительства осталась фактически самая мощная политическая сила – «Лига», которую поддерживала треть населения (34%).

М. Сальвини явно недооценил вероятность формирования «союза против» него, и его августовский демарш стоил ему 15% рейтинга избирателей. Главным победителем в данной ситуации, безусловно, стала Демократическая партия, которую, по словам М. Сальвини, избиратели «проводили через дверь», но она смогла влезть обратно в правительство «через форточку» и получить девять кресел в кабинете «Конте-бис». Среди них два ключевых – министра экономики и финансов (вместо Джованни Триа им стал Роберто Гуалтьери, с 2009 г. депутат Европарламента, руководитель Комиссии по проблемам экономики и валютного союза ЕС); министра по делам ЕС (им стал Энцо Амендола). Демпартии достались также другие значимые министерства – инфраструктуры и обороны. Ещё одной победой Демпартии стало то, что П. Джентилони, бывший премьер-министр Италии, стал комиссаром Еврокомиссии, что означало разворот в отношениях Италии и ЕС от конфронтации к диалогу.

Едва ли можно утверждать, что «Движение 5 звёзд» вышло победителем из данного кризиса. С одной стороны, партия осталась в правительстве, представители «Движения» заняли 10 кресел в новом Кабинете. При этом Л. Ди Майо утратил пост вице-премьера (эти должности были упразднены) и министра экономического развития. Последний достался тем не менее предста-

вителю Д5З Стефано Патуанелли, не столь опытному в экономических делах, как его коллега из Демпартии, занявший пост министра экономики и финансов. Взамен Л. Ди Майо занял пост министра иностранных дел. Министерство труда также досталось представителю Д5З Нунции Катальфо, которая активно участвовала в работе над флагманской инициативой пятизвёздочников – «доходом гражданина».

Однако теперь уже точно можно констатировать, что «идеологический компромисс», на который пошло «Движение 5 звёзд», заключив сделку с Демпартией, повлиял на уровень его поддержки населением. Хотя в первый момент после формирования правительства «Конте-бис» признаков падения рейтинга Д5З не наблюдалось, было понятно, что серьёзные опасения по этому поводу в партии присутствовали. Об этом свидетельствовало стремление Ди Майо «легитимировать» своё решение с помощью традиционных инструментов «прямой демократии», в частности голосования на платформе «Руссо» по вопросу одобрения коалиции с Демпартией. В ходе голосования 3 сентября это решение поддержали более 79% зарегистрированных на платформе граждан. Тем не менее рейтинг партии начал неуклонное снижение.

В начале сентября 2019 г. «жёлто-красное» правительство «Конте-бис» было приведено к присяге. Премьер-министр заявил о разрыве с политикой «правительства перемен» и намерении начать новый этап реформ. На тот момент Дж. Конте уже не воспринимался как простой исполнитель воли партийных лидеров, а играл самостоятельную роль, пользуясь высокой степенью доверия граждан, что позволило ему взять на себя роль гаранта за проведение нового курса. Наибольшие опасения у популистов Д5З вызывал возможный «демонтаж» экономических и социальных реформ прежнего правительства в том случае, если такие шаги начнёт предпринимать новый Кабинет.

Но всё же в согласованной программе правительства «Конте-бис» были сохранены почти все приоритеты предыдущего «правительства перемен», кроме плоской шкалы налогообложения, на которой настаивала «Лига». Тем не менее идея сокращения налогового беремени для наёмных рабочих осталась, равно

как и «доход от гражданства», и сокращение численности парламента (реформа, на которой настаивало Д5З). А вот миграционное законодательство М. Сальвини было принесено в жертву проевропейскому курсу Демпартии – его было решено реформировать. Однако затем в проекте бюджета на 2020 г., который необходимо было согласовывать в Еврокомиссии, оказалось сокращено и число получателей «дохода гражданина». В целом новому правительству удалось избежать трений с ЕС в процессе формирования бюджета, что стало подтверждением разворота в сторону диалога между Римом и Брюсселем. А для Д5З как непосредственного участника этого процесса стало отражением трансформации его идентичности и постепенного отказа от жёсткого евроскептицизма.

Как мы помним, внутренняя и внешняя политика «правительства перемен» за год с июня 2018 г. по июнь 2019 г., привела к беспрецедентному[220] ухудшению отношений Италии и ЕС[221]. Кроме того, в Брюсселе вызывало опасение стремление итальянских «суверенистов» сколотить альянс единомышленников в новом составе Европарламента. Этот процесс стал развиваться наиболее интенсивно накануне выборов в Европарламент[222] и сразу после них. М. Сальвини стремился объединить в одну коалицию всех «суверенистов» Европы с тем, чтобы изменить Союз изнутри. В течение 2018 г. Венгрия и Польша неоднократно упоминались в качестве возможных союзников в отстаивании национального суверенитета. В ходе подготовки к выборам в ЕП М. Сальвини договаривался о коалиции с «Национальным объединением» Марин Ле Пен и польской партией «Право и справедливость». Существенные шаги в направлении формирования подобной коалиции были сделаны сразу после выборов. Так, 13 июня 2019 г. было объявлено о создании нового объединения

[220] Fabbrini S., Zgaga T. Italy and the European Union: the discontinuity of the Conte government // Contemporary Italian politics. 2019. Vol. 11. №3. P. 280-293.
[221] Tocci N. How Italy lost the European election // La Reppublica, 28.05.2019. URL: https://www.politico.eu/article/howitaly-lost-european-election-2019-national-maginalization/ (дата обращения 31.07.2023); Memo per il nuovo Ministro degli Esteri. ISPI, 05.09.2019. URL: https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/memo-il-nuovo-ministro-degli-esteri-23844 (дата обращения 31.07.2023).
[222] Зонова Т.В. Выборы 2019 года: еврооптимисты против евроскептиков // Современная Европа. 2019. №3. С. 62-69.

«Идентичность и демократия», которая заменила существовавшую в Европарламенте прошлого созыва «Европу наций и свобод». В коалицию вошли 73 депутата от итальянской «Лиги», французского «Национального объединения», немецкой «Альтернативы для Германии», а также депутаты от «Австрийской партии свободы», партии «Истинные финны» Финляндии, «Народной партии» Дании, «Консервативной народной партии» Эстонии и чешской «Свободы и прямой демократии».

К лету 2019 г. стало окончательно понятно, что у лидера «Лиги» М. Сальвини и у премьер-министра Дж. Конте были диаметрально противоположные взгляды на выстраивание отношений с ЕС: в то время как нарастающая изоляция Рима в ЕС совсем не пугала лигистов, умеренный Конте и потерявшие значительную часть народной поддержки пятизвёздочники оказались отнюдь не готовы идти до конца в борьбе за идеалы национального суверенитета. Прямым подтверждением этому и стала поддержка «Движением 5 звёзд» и Конте кандидатуры У. фон дер Ляйен на пост председателя Еврокомиссии в июне 2019 г.

А уже 20 августа во время объявления о своей отставке Дж. Конте открыто обвинял лидера «Лиги» в изоляции Италии в ЕС и риске остаться без представителя Рима в обновлённых структурах Евросоюза. Проблема немедленно решилась, как только вместо «Лиги» в правительстве оказалась проевропейская Демократическая партия. Как упоминалось выше, её представитель П. Джентилони получил значимый пост комиссара по вопросам экономики.

В ЕС положительно отнеслись к составу нового правительства Италии, гораздо более лояльного и менее «суверенистского», чем «правительство перемен». Сразу после достижения договорённости о формировании жёлто-красной коалиции Кристин Лагард выразила полное удовлетворение со стороны ЕС формированием правительства «Конте-бис», кандидатурой П. Джентилони на пост одного из комиссаров ЕС и Р. Гуалтьери на пост министра экономики и финансов Италии. В Брюсселе вздохнули с облегчением и когда Министерство внутренних дел досталось префекту Милана Лучане Ламорджезе, уже работавшей в МВД в 2017 г. в кабинетах, которые возглавляла Демпар-

тия. Ей поручили навести порядок в управлении иммиграцией после скандальных декретов М. Сальвини и восстановить сотрудничество с ЕС по вопросам миграции.

В Брюсселе, очевидно, сочли, что «Движение 5 звёзд» фактически нейтрализовано и связано по рукам и ногам коалицией с Демпартией. Согласие пятизвёздочников на союз с бывшим противником означало, что оно фактически полностью утратило свой радикальный антисистемный дух. В ЕС даже не вызвало никаких возражений назначение Л. Ди Майо на пост министра иностранных дел. А ведь ещё год назад именно он был в центре скандалов с Францией, отстаивал подписание соглашения с КНР в марте 2019 г., выступал (по крайней мере, на словах) за снятие санкций с России.

Положительное отношение ЕС к смене правительственной коалиции в Италии ярко продемонстрировали визиты президентов Франции и Германии, последовавшие сразу после назначения нового правительства. Прибывший в Рим 18 сентября 2019 г. Э. Макрон вновь заговорил о «нерушимой дружбе» двух стран и стремлении развивать сотрудничество по всем направлениям – и по вопросу миграции, и по ливийскому урегулированию[223]. Его визит, по сути, ознаменовал конец эпохи изоляции Италии в ЕС и политики «санитарного кордона», которую в Брюсселе проводили против итальянских популистов во власти.

На совместной пресс-конференции[224] лидеры Италии и Франции говорили и о сотрудничестве Рима и Парижа в вопросе трансформации Европейского союза. Также Дж. Конте дал понять, что отныне миграционная тема в Италии перестанет быть «инструментом пропаганды», но должно быть найдено общеевропейское решение (тем самым как бы возлагая на «Лигу» и М. Сальвини вину за использование темы иммиграции в качестве

---

[223] Macron da Conte: c'è l'accordo sulla ripartizione automatica dei migranti // Il Tempo, 18.09.2019. URL: https://www.iltempo.it/esteri/2019/09/18/news/macron-da-conte-c-e-l-accordo-sulla-ripartizione-automatica-dei-migranti-1211211/ (дата обращения 31.07.2023).

[224] Il Presidente Conte incontra il Presidente della Repubblica francese Macron (video) // Governo.it, 18.09.2019. URL: http://www.governo.it/it/articolo/il-presidente-conte-incontra-presidente-della-repubblica-francese-macron/12824 (дата обращения 31.07.2023).

пропаганды). Итальянский премьер выступил также за развитие многостороннего сотрудничества в Ливии. Французский президент, подчёркивая «нерушимую дружбу» итальянского и французского народов, признал, что Брюссель своевременно не проявил должной солидарности со странами, принявшими на себя основную часть волн миграции 2015–2017 гг. Э. Макрон заявил о готовности к изменению подхода, согласился с необходимостью пересмотреть Дублинские соглашения и выработать автоматическую систему распределения мигрантов внутри ЕС, а стра́ны, неготовые принимать мигрантов, наказать финансово.

Следом за визитом в Рим президента Франции, 19 сентября состоялись переговоры президента Италии С. Маттареллы с президентом ФРГ Франком-Вальтером Штайнмайером[225]. Последний с удовлетворением отметил взаимопонимание по вопросам миграции, достигнутое между новым министром внутренних дел Италии, пришедшей на смену М. Сальвини (Л. Ламорджезе), и её немецким коллегой. Однако наибольшую значимость приобрели слова немецкого президента о роли Италии в ЕС. «ЕС и Германия, в частности, нуждаются в Италии, которая не только прежде всего осознаёт себя частью Европы, но и готова вносить свой вклад в продолжение строительства будущего Европы. Поэтому я рад, что Италия под руководством премьер-министра Конте и нового правительства готова вернуться к этой роли, – заявил Штайнмайер. – Я верю, что наши страны несут особую ответственность за то, чтобы не утратить это ви̇дение единства континента и решительно преодолеть национализм, который уже приносил в прошлом много страданий и конфликтов». Таким образом, Штайнмайер дал чётко понять, что роль Италии в Европе находится в прямой зависимости от того, кто стоит у руля страны, и «суверенисты» на этом посту вовсе не желательны.

Итак, два ключевых визита – Э. Макрона и Ф.-В. Штайнмайера – ознаменовали собой новый этап в отношениях ЕС и Италии: уход от конфронтации и возвращение Рима к традиционному евроантлантизму.

---

[225] Come è andato l'incontro tra Mattarella e Steinmeier // Agi.it, 19.09.2019. URL: https://www.agi.it/politica/italia_germania_mattarella_steinmeier-6212239/news/2019-09-19/ (дата обращения 31.07.2023).

В сфере миграции новое правительство отказалось от политики «закрытых портов». Менее чем через месяц после формирования кабинета «Конте-бис», 23 сентября, последовали переговоры Германии, Франции, Италии, Мальты и Финляндии, по итогам которых было заявлено о запуске вре́менной системы автоматического распределения прибывающих в Европу мигрантов[226]. Итальянское руководство позиционировало результат встречи как существенный прорыв.

Правоцентристская коалиция, оказавшаяся неожиданно для себя в оппозиции после формирования второго правительства Дж. Конте, вынуждена была сосредоточить свои усилия на региональных выборах и подготовке к следующему электоральному циклу. 2019 г. принёс правым несколько значимых побед в регионах – Абруццо, Сардинии, Базиликате, Умбрии и Пьемонте. С большим трудом левым силам удалось отстоять Эмилию-Романью, где правые конкуренты также существенно укрепились.

Однако разразившаяся с начала 2020 г. пандемия *COVID-19* смешала все планы и правым, и левым, существенным образом повлияв на политическую ситуацию в стране и дальнейшие перспективы итальянского популизма.

Прежде всего пандемия стала шоком для экономики страны, потерявшей 9% своего ВВП. Причём особенность итальянской ситуации в том, что кризис, вызванный пандемией, наложился на до сих пор не преодолённые последствия глобального экономического кризиса 2008–2010 гг. Ярким подтверждением последнего тезиса стало то, что в 2018 г. ВВП Италии на душу населения был равен аналогичному показателю 20-летней давности[227], да и в последнем допандемийном году – 2019 г. – он ещё не достиг докризисного уровня. В конце 2020 г. снижение ВВП оценивалось в 9,0-10,5%, дефицит бюджета – в 10,8% ВВП, объём государственного долга вырос со 134,7% в 2019 г. до 158% к концу 2020 г.[228] Падение производства в ряде отраслей про-

---

[226] 4 EU countries agree on migration relocation system // Politico.eu, 23.09.2019. URL: https://www.politico.eu/article/4-eu-countries-agree-on-migration-relocation-system-malta/ (дата обращения 31.07.2023).

[227] OECD Economic Surveys. Italy. April 2020. URL: https://www.oecd.org/economy/surveys/Italy-2019-OECD-economic-survey-overview.pdf (дата обращения 31.07.2023).

[228] Autumn 2020 Economic Forecast. European Commission. URL: https://ec.euro

мышленности достигало 30%, вырос уровень безработицы, зафиксировано падение реальных доходов домохозяйств. Все эти тенденции были бы ещё более катастрофичными, если бы не экстренные меры, предпринятые итальянским правительством, такие как гарантии по банковским кредитам, насыщение банков ликвидностью, запрет на увольнения наёмных рабочих и сохранение их заработной платы благодаря т.н. «интеграционной кассе», введение моратория на выплату полученных кредитов, выплаты из фонда социального обеспечения и др[229].

Италия была единодушно признана одной из самых пострадавших от пандемии экономик ЕС. Как результат, было принято решение о выделении Италии наибольшего объёма средств в рамках плана «ЕС следующего поколения». Общий объём выплат из фондов ЕС, который Италия получит с 2021 по 2027 г., составляет 314,7 млрд евро, из них 185 млрд в виде льготных займов, 129,7 млрд в виде субсидий. Среди основных источников поступлений[230] – Фонд восстановления (187,4 млрд), бюджетный план ЕС на 2021–2027 гг. (52,7 млрд), фонд борьбы с безработицей SURE (27,4 млрд), фонд территориального сплочения REACT EU (10,7 млрд), Европейский стабилизационный механизм (36 млрд). На Италию придётся 33,9% от общей суммы займов и 20,9% от общей суммы субсидий в рамках Фонда восстановления. Помимо этого, Евросоюз приостановил действие ненавистного для Италии «Пакта стабильности и роста» и впервые предпринял шаги в направлении коллективной гарантии общего госдолга стран-участниц.

Подобное проявление солидарности партнёров по ЕС с Италией, оказавшейся в сложной экономической ситуации, не могло не повлиять на общественное восприятие отношений Рима и Брюсселя. Если в первые месяцы пандемии, когда ЕС, столкнувшись с беспрецедентным вызовом, медлил с оказанием помощи странам и выработкой общеевропейских решений, лишь 35% итальянцев позитивно оценивали принадлежность страны

---

pa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_2021 (дата обращения 31.07.2023).

[229] Авилова А.В. Италия: приход нового лидера // Год планеты: ежегодник. Вып. 2022 г.: экономика, политика, безопасность / под ред. В.Г. Барановского, Э.Г. Соловьева. М.: ИМЭМО РАН, 2023. С. 209-222.

[230] Chiellino G. Aiuti UE, scommessa da 315 miliardi // Il Sole 24 Ore, 09.11.2020.

к Союзу, то в ноябре 2020 г. доля евроскептиков упала до 7%, а количество позитивных оценок возросло до 63%[231]. На этом фоне популистам, которые в начале пандемии подхватили волну критики в адрес ЕС, которая вроде бы укрепляла их собственный давний евроскептицизм, к концу года обнаружили, что эта критика больше неуместна. Правые, по сути, лишились одного из своих главных идейных постулатов – тезиса о необходимости возвращения к принципу национального суверенитета: всем стало понятно, что без помощи ЕС суверенная Италия ещё долго не сможет выйти из затяжного экономического пике.

Второй фактор, усилившийся на фоне пандемии, который оказал влияние на перспективы популистских партий, – это усиление роли премьер-министра страны, снижение роли парламента и рост персонализации политики в целом.

Прежде всего, тут стоит отметить два момента. Во-первых, изменился механизм принятия решений в период пандемии. Введение 31 января 2020 г. чрезвычайного положения сроком на 6 месяцев, существенным образом трансформировало процесс принятия решений[232]. Вместо регулярного законодательного процесса управление осуществлялось с помощью декретов премьер-министра (*dpcm*), не требующих обязательного согласования и утверждения парламентом. В отличие от двух других типов нормативного регулирования – «*legge*» и «*decreto-legge*» – декрет премьер-министра является административным актом, не носящим характер законодательства. Вместе с тем Конституция Итальянской Республики даёт возможность ускоренного нормотворчества в ситуациях чрезвычайного положения, но оно должно осуществляться с помощью *«decreto-legge»,* который, будучи принят по инициативе правительства, вступает в силу с момента опубликования, а затем уже в течение 60 дней должен пройти процедуру утверждения в парламенте (ст. 77[233]). И только с по-

[231] D'Alimonte R. Effetto Covid-Recovery, risale al 63% il consenso degli italiani per l'euro // Il Sole 24 Ore, 17.11.2020.
[232] Cerquozzi F. «Stato d'emergenza» e Costituzione // Ius in Itinere, 26.03.2020. URL: https://www.iusinitinere.it/stato-demergenza-e-costituzione-26393 (дата обращения 31.07.2023).
[233] Costituzione della Reppublica Italiana. URL: https://www.senato.it/documenti/repository/istituzione/costituzione.pdf (дата обращения 31.07.2023).

мощью закона, в соответствии с буквой Конституции, могут быть ограничены базовые права и свободы человека. Однако в данном случае такие ограничения вводились с помощью *dpcm*, который является объектом «вторичного», а не «первичного» нормотворчества. Всего с февраля по 14 мая 2020 г. премьер издал 15 таких декретов – за это время в итальянском обществе и в экспертной среде разгорелись бурные дискуссии о конституционности такого процесса принятия решений[234], а также о том, какую роль должны играть президент, премьер-министр и парламент страны в условиях чрезвычайного положения[235]. Парламент страны фактически временно прекратил свою работу, и, по словам председателя сената М.Э. Альберти-Казелати, не участвует в решении будущего страны[236]. Лидер «Братьев Италии» Дж. Мелони вывела людей на т.н. «израильскую» демонстрацию, а М. Сальвини призвал «вернуть голос итальянцам», оккупировав среди ночи зал заседаний парламента[237], и даже М. Ренци призывал прекратить урезать конституционные права итальянцев с помощью *dcpm*. Таким образом, чрезвычайная власть в условиях пандемии оказалась фактически сосредоточена в руках премьер-министра, а главной легитимацией принимаемых решений стала экспертиза Научно-технического комитета, Национальной службы гражданской защиты и нескольких групп экспертов, чья роль за время пандемии кратно возросла[238]. Именно

---

[234] См., напр.: Ratto Trabucco F. Le limitazioni ai diritti costituzionali a mezzo atto amministrativo nell'avvio dell'emergenza pandemica da COVID-19 // Amministrazione in cammino, 03.05.2020. URL: https://www.amministrazioneincammino.luiss.it/wp-content/uploads/2020/05/RATTO-TRABUCCO.pdf (дата обращения 31.07.2023); Tedaldi B. Bufera sul dpcm. Politici e giuristi: «Trasformiamolo in un decreto» // AGI. Agenzia Italia, 28.04.2020. URL: https://www.agi.it/politica/news/2020-04-28/bufera-dpcm-fase-2-coronavirus-renzi-8466580/ (дата обращения 31.07.2023).

[235] Cassese: «La pandemia non è una guerra. I pieni poteri al governo non sono legittimi». Intervista // Ildubbio.it, 14.04.2020. URL: https://www.ildubbio.news/2020/04/14/cassese-la-pandemia-non-e-una-guerra-pieni-poteri-al-governo-sono-illegittimi/ (дата обращения 31.07.2023).

[236] Tedaldi B. Bufera sul dpcm...

[237] La Lega occupa il Parlamento, ma sui social è rivolta: «Ci fate vergognare del nostro Paese» // La Repubblica, 30.02.2020.

[238] Martini F. Conte, i tecnici, i governatori e la pandemia: la strana co-gestione all'italiana // DOPO. Come la pandemia può cambiare la politica, l'economia, la comunicazione e le relazioni internazionali. Rubettino, 2020. P.83-92.

данные этих экспертных структур и ведомств ложились в основание принципа «необходимости», который должен выступать, в свою очередь, мерой, определяющей степень ограничения базовых свобод гражданина в условиях «чрезвычайного положения». Партийные структуры фактически утратили какое бы то ни было влияние на принимаемые решения, что сильно ослабило позиции популистов.

Во-вторых, переговоры с ЕС по вопросу оказания экономической помощи Италии возглавлял премьер-министр страны, поэтому их результаты во многом отразились в общественном сознании как его личная заслуга. Согласно опросу *Demos*, проведённому по заказу *La Repubblica*, Конте стал самым любимым премьер-министром итальянцев за последние 25 лет (30% опрошенных отдали предпочтение ему), каждый третий итальянец высоко оценил его работу в сравнении с другими лидерами[239].

Было бы справедливо отметить, что на примере лидерства Конте мы наблюдали процесс не просто персонализации власти, а, скорее, даже процесс её «индивидуализации», когда лидер фактически больше не является представителем партии или какой бы то ни было иной политической силы, а предстаёт перед публикой как индивидуальная личность. По сути, Конте стал представителем не конкретного электората, а защитником интересов всего народа, стоящим над существовавшими до сих пор политическими размежеваниями. Именно это, как представляется, и снискало ему столь большую популярность. Его оценили не за предвыборные программы или как высококлассного «технического специалиста», а именно как практика, который, придя в политику «случайно»[240], помог стране выкарабкаться из тяжелейшего кризиса. Его происхождение сделало его фактически воплощением позитивного мифа о гражданском обществе, который распространился одновременно с кризисом Первой рес-

---

[239] Conte il miglior premier degli ultimi 25 anni con il 30% secondo i sondaggi Demos // Tg24.Sky.it, 20.07.2020. URL: https://tg24.sky.it/politica/2020/07/20/giuseppe-conte-miglior-premier-sondaggi-demos(дата обращения 31.07.2023).

[240] Во время открытия учебного года в сентябре 2018 г. Джузеппе Конте представляется учащимся «случайным премьер-министром», высмеивая отсутствие солидного и продолжительного прошлого (Conte: «Io, premier per caso» // «Adnkronos», 13.09.2018).

публики и принципами «гражданственности» эпохи Берлускони. В этом смысле Конте абсолютно следовал по стопам Берлускони, сочетая политическую индивидуализацию с мифом о чистом гражданском обществе, стоящем на стороне добра. Именно эти аспекты политического пути Дж. Конте привлекли к нему, с одной стороны, тех граждан, которые больше не чувствовали себя представленным какой-либо партией и нуждались в личной идентификации, а с другой стороны, того электората, который уже давно воспринимал политику и политиков как воплощение всего нечестного и грязного. Уровень доверия к Конте за время борьбы с «невидимым врагом» пандемии достиг невероятных для любого итальянского лидера показателей в 71%[241]. Как утверждал в тот период И. Диаманти, «страх порождал спрос на авторитет»[242]: итальянцы испытывали потребность кому-то доверять в условиях чрезвычайного положения, которое заключило их под «домашний арест». Конте представлял собой идеального лидера, которому можно было доверять. Кроме того, его усилия в борьбе с вирусом принесли ему возросший авторитет и на международной арене в тот момент, когда все взоры были устремлены на то, как первая в Европе страна, столкнувшаяся с этой бедой, справляется с кризисом. Однако второе правительство Дж. Конте не выдержало испытания процессом согласования «Национального плана восстановления и устойчивости».

Правительство М. Драги: новые вызовы для популистов

Политический кризис, спровоцированный в январе 2021 г. лидером партии «Живая Италия» М. Ренци, который выразил недоверие действующему премьер-министру в связи с предлагаемой им схемой управления средствами фондов восстановления ЕС, привёл к отставке Дж. Конте. На его место 13 февраля 2021 г. президентом С. Маттареллой был назначен бывший гла-

[241] Ucciero G. Leader e popolarità: l'effetto «rally 'round the flag» // Affarinternazionali, 17.04.2020. URL: https://www.affarinternazionali.it/archivio-affarinternazionali/2020/04/leader-e-popolarita-leffetto-rally-round-the-flag/ (дата обращения 31.07.2023).

[242] Diamanti: «La paura genera la domanda di autorità» // Italypost, 14.04.2020. URL: https://www.italypost.it/diamanti-la-paura-genera-la-domanda-autorita/ (дата обращения 31.07.2023).

ва Европейского центробанка М. Драги, получивший прозвище «спасителя евро» за свою деятельность во время европейского долгового кризиса 2011 г.

Итальянское общество с оптимизмом встретило данное назначение: согласно опросам, 80% населения Италии поддержали выбор М. Драги на пост премьер-министра. Такой кредит доверия отражал общую атмосферу «объединения вокруг флага» в стране, поражённой пандемией, и понимание того, что партийные разногласия и конкуренция должны быть забыты на определённое время. Голосование по вопросу доверия новому правительству в обеих палатах парламента также продемонстрировало поддержку М. Драги[243].

В новом правительстве М. Драги, включавшем 23 министра, 8 кресел заняли беспартийные технократы, что было обусловлено необходимостью привлечь профессионалов в столь сложный в экономическом смысле этап развития Итальянской Республики, а 15 кресел достались представителям политических партий, что отражало потребность сформировать и сохранить некий национальный консенсус внутри парламента. М. Драги удалось существенно расширить тот политический консенсус, которого добился Дж. Конте на фоне борьбы с пандемией. Нового премьер-министра поддержали даже оппозиционные второму кабинету Конте правые партии «Вперёд, Италия» и «Лига». Единственной политической силой, оставшейся в оппозиции Драги, стала партия «Братья Италии». В новом правительстве «Движение 5 звёзд» получило 4 кресла, Демократическая партия, «Вперёд, Италия» и «Лига» – по 3 места, а партии «Живая Италия» и «Свободные и равные» заняли по одному креслу. Таким образом, представительство действительно получилось фактически консенсусное.

Ключевой задачей нового правительства стало согласование плана восстановления экономики страны – как между политическими силами внутри Италии, так и на уровне Европейского

[243] Governo, ok della Camera alla fiducia con 535 sì, 56 no e 5 astenuti. Voto contrario di un leghista che passa a Fdi. Dissenso leghista a quota 30. Draghi: «Lotta alla corruzione e alle mafie» // La Repubblica, 18.02.2021. URL: https://www.repubblica.it/politica/2021/02/18/news/governo_draghi_fiducia_camera_che_cosa_succede-288009134/ (дата обращения 31.07.2023).

союза. 25 апреля 2021 г. проект плана, подготовленный правительством, был передан на рассмотрение парламенту страны и одновременно Европейской комиссии. 22 июня план получил положительное заключение Комиссии.

«План восстановления и устойчивости» (*PNRR*)[244], представленный Италией, предусматривает инвестиции и последовательный пакет реформ, на которые выделяется 191,5 млрд евро через Инструмент восстановления и устойчивости ЕС, и 30,6 млрд – через Дополнительный фонд, учреждённый декретом №59 от 6 мая 2021 г. Общая сумма предусмотренных средств составляет 222,1 млрд долл. План предусматривает шесть основных миссий:

1. Цифровизация, инновации, конкурентоспособность, культура (49 млрд евро);

2. «Зелёная» революция и энергетический переход (68,6 млрд евро);

3. Инфраструктура для устойчивой мобильности (31,5 млрд евро);

4. Образование и исследования (31,9 млрд евро);

5. Инклюзивность и социальное сплочение (22,6 млрд евро);

6.Здравоохранение (18,5 млрд евро).

В рамках данного плана правительством были запущены административная и судебная системы, целью которых являются дебюрократизация, модернизация системы управления и повышение качества человеческого капитала в институтах управления, а также ускорение процесса судопроизводства и упрощение судебных процедур. Начаты модернизация транспортной инфраструктуры страны, реформа рынка труда и налогообложения. Обновление и подготовка кадров, а также повышение инвестиций в сферу образования и исследований должны способствовать наращиваю качества человеческого капитала, без которого невозможно прорывное развитие экономики и энергетический переход.

Целью обозначенных в плане реформ является как устране-

---

[244] Il Piano Nazionale di Ripresa e Resilienza (PNRR). Ministero del Economia e delle Finanze. URL: https://www.mef.gov.it/focus/Il-Piano-Nazionale-di-Ripresa-e-Resilienza-PNRR/ (дата обращения 31.07.2023).

ние экономического и социального ущерба, нанесённого пандемией, так и помощь в преодолении структурных недостатков итальянской экономики. В частности, из 206 млрд, которые могут быть распределены по территориальному принципу, 40% средств будут направлены на развитие Юга страны, в попытке решить традиционную для Италии проблему отставания южных регионов. Ещё одной целью плана объявлено продвижение экологической и климатической повестки. Выступая перед парламентом, М. Драги охарактеризовал план как «лишь часть более широкой и амбициозной стратегии модернизации», которая «изменит лицо страны», добавив, что «на кону репутация Италии в Европе и в мире»[245].

По данным исследований, граждане с оптимизмом смотрели на начатые преобразования: 65% доверяли правительству М. Драги[246], что является нехарактерным для Италии высоким уровнем консолидации. Эти показатели особенно выделялись на фоне «посеревшего» партийного ландшафта страны, где ни одна из политических сил не пользовалась поддержкой более чем 20% поддержки избирателей.

Пандемия *COVID-19* изменила иерархию страхов и угроз в восприятии итальянского общества[247]. Как и в большинстве стран Европы[248], у итальянцев на первый план вышли опасения за свою жизнь, здоровье и уровень экономического благосостояния. Кроме того, под влиянием пандемии сформировался новый раскол, который возник *над* всеми предыдущими политическими размежеваниями, а именно по вопросу управления кри-

---

[245] Recovery, Draghi presenta il piano alla Camera: «Non solo numeri e tabelle, qui c'è il destino del Paese. No a miopi visioni di parte o peseranno sulle nostre vite» // La Reppublica, 26.04.2021. URL: https://www.ilfattoquotidiano.it/2021/04/26/recovery-draghi-presenta-il-piano-alla-camera-non-solo-tabelle-parliamo-del-destino-del-paese-miopi-visioni-di-parte-peseranno-sulle-nostre-vite/6178484/.(дата обращения 31.07.2023).

[246] Sondaggi, contro il virus dell'insicurezza gli italiani si aggrappano a Draghi // La Reppublica, 13.11.2021. URL: https://www.repubblica.it/politica/2021/11/13/news/sondaggi_virus_italiani_insicurezza_draghi-326175625/ (дата обращения 31.07.2023).

[247] Носов М.Г. Вызовы пандемии: перемены в стандартах жизни // Современная Европа. 2021. №3. С. 17-26.

[248] Лункин Р.Н. Страхи и надежды европейцев на фоне пандемии. М., 2021. 186 с.

зисом, борьбы с пандемией. Этот раскол сделал неактуальными все предыдущие основания политической партийной борьбы, что и подтвердилось формированием правительства национального единства М. Драги, когда была создана широкая коалиция, в которую вошли все политические партии, кроме «Братьев Италии».

Участие в больших коалициях всегда сказывается негативно на судьбе самих политических партий. Этот фактор, вместе со значительной общественной поддержкой Драги на посту премьер-министра, имел большое значение для дальнейшей эволюции итальянских партий, поскольку заставил прежних идеологических оппонентов собраться вместе в правительстве национального единства. Все эти партии, войдя в коалицию, априори должны оказать правительству поддержку по двум направлениям: поддержать меры правительства по борьбе с пандемией внутри страны и разделять подход М. Драги к взаимодействию с ЕС.

Главным влиянием пандемии на партийную динамику стало то, что внезапное появление управления пандемией как политической проблемы не привело к немедленному и «естественному» разделению позиций в спектре левых и правых. Борьба с пандемией стала, условно говоря «непартийной» темой, в отличие от, например, таких тем как миграция, права меньшинств, вопрос о традиционных ценностях и т.д.

Проблема возникновения «непартийных» тем – довольно редкое явление, которое может иметь серьёзные последствия. Как правило, оно не приводит к идеологической поляризации (поскольку стоит над разделением на левых и правых), тем не менее оно может создать глубокий социальный раскол, который партии оказываются неспособны «канализировать». В данном случае это был раскол на сторонников обязательной вакцинации и защитников «свободного выбора», которые были против введения т.н. *green pass* (а в Италии была введена самая жёсткая система, включая запрет доступа на рабочие места для тех, у кого отсутствует данный документ). Это был раскол, который не совпадал с партийными размежеваниями. Так, в частности, наибольшей однородностью в своём позитивном отношении к вак-

цинации и введённым ограничениям отличался электорат Демпартии и «Вперёд, Италии». В Д5З наблюдалось расхождение между партийной верхушкой и электоратом по данному вопросу. В «Лиге» также сложилась напряжённая ситуация, а вот среди сторонников «Братьев Италии» примерно половина выступала за вакцинацию и *green pass*, хотя партия в целом всё это время находилась в оппозиции.

В ноябре 2021 г. уровень вакцинации достиг 84% взрослого населения. Однако исследования показывали, что оставались 11-13% или примерно 7 млн итальянцев, которые были не готовы вакцинироваться[249]. А в начале этого процесса таковых было более 14 млн. По данным опросов, бóльшая часть скептиков – это сторонники «Лиги» и «Братьев Италии».

В преддверии введения пропусков по стране прокатилась серия протестов, наиболее массовые – в Милане, Риме, Триесте. Последний стал своего рода столицей сопротивления – там докеры угрожали приостановкой работы стратегического для всей Центральной и Юго-Восточной Европы порта. В протестах приняли участие левые и правые экстремисты во всей северной Италии. Со стороны ведущих СМИ и левоцентристских политиков в адрес протестующих последовали обвинения в фашизме[250] и даже призывы к запрету партии «Новая сила», активно участвовавшей в протестах.

Левые и правые обвиняли друг друга в организации протестов. «Братья Италии» упрекали левоцентристов в том, что с помощью риторики о разгуле фашизма они стремятся подорвать доверие ко всем правым партиям Италии и прежде всего к «Братьям Италии», чья популярность растёт.

Таким образом, борьба с пандемией и размежевание вокруг принятых мер стали ещё одним фактором, повлиявшим в 2020–2021 г. на возникновение дополнительных кливиджей в ита-

---

[249] I no vax in Italia sono meno di quanto si pensi (e si legga) // Il Fatto Quotidiano, 21.07.2021. URL: https://www.ilfattoquotidiano.it/2021/07/21/i-no-vax-in-italia-sono-meno-di-quanto-si-pensi-e-si-legga/6264069/ (дата обращения 31.07.2023).

[250] Manifestazione no Green Pass, protestano in 10 mila. Scontri e cariche contro la polizia. Forza Nuova: «Stasera ci prendiamo Roma» // La Repubblica. 09.10.2021. URL: https://roma.repubblica.it/cronaca/2021/10/09/news/no_vax_no_green_pass_piazza_del_popolo_sabato_roma-321529667/ (дата обращения 31.07.2023).

льянском массовом сознании и на партийную динамику (как внутрипартийную, так и межпартийную). Создание широкой правящей коалиции, отход на второй план существовавших ранее политических разногласий, расхождение взглядов по вопросам вакцинации и *green pass* трансформировали существовавший ранее расклад сил между партиями и коалициями, открыв новые возможности для межпартийных переговоров, но в то же время вынуждая партии искать новые контуры собственных идентичностей. Единственной крупной партией, которой удалось избежать этих проблем, была партия «Братья Италии», последовательно находившаяся в оппозиции, используя неидеологическую проблему – пандемию – как дополнительный инструмент для поддержания степени поляризации, которая была дефакто идеологической. И, несмотря на то что значительная часть электората Мелони поддерживала введённые ограничения, «Братья Италии» смогли успешно капитализировать тот «дух антиполитики» и протестные настроения, которые оставались устойчивыми в итальянском обществе, несмотря на эффект «объединения вокруг флага».

«Лига» оказалась в менее выгодной позиции. Во-первых, в 2021 г. число тех, кто считает главной угрозой миграцию, сократилось почти вдвое – до 27% (с 46% в 2017 г.)[251]. Более того, за время вынужденного отсутствия сезонных рабочих стало понятно, насколько экономика страны, и особенно такие отрасли как сельское хозяйство, зависимы от труда иностранных рабочих. Поэтому эксплуатировать антииммиграционную тему не было никакого смысла. Во-вторых, помимо утраты первенства миграционной проблематикой, важным фактором «проседания» лигистов стала невозможность продолжения «площадной политики» в условиях локдауна и последующих ограничений. Кроме того, доверие к партии со стороны малого и среднего бизнеса, стремившегося как можно скорее снять ограничения на свою работу, было подорвано первоначально скептическим отношением «Лиги» к вакцинации.

---

[251] Sondaggi, italiani più accoglienti. Ora l'immigrazione fa meno paura del Covid // La Reppublica, 27.09.2021. URL: https://www.repubblica.it/politica/2021/09/27/news/italiani_accoglienti_immgrati_covid-319594794/ (дата обращения 21.09.2023).

В-третьих, Сальвини вынужден был оправдываться за поддержку правительства М. Драги, которую он сам называл не иначе как «жертвой»[252], особенно в той части, которая касалась ограничительных мер. Внутри партии также сформировалось более умеренное крыло, негласным лидером которого стал заместитель Сальвини, министр экономического развития Джанкарло Джорджетти, который поддерживал меры правительства. Он же расходился с Сальвини по вопросам международного сотрудничества «Лиги»: если Сальвини рассчитывал на выстраивание союза суверенистов в Европейском парламенте (с партией «Фидеж» В. Орбана, польской «Право и справедливость», немецкой «Альтернативой для Германии» и «Национальным союзом» М. Ле Пен), то Джорджетти считал, что «Лиге» стоит рассмотреть возможность дрейфа в сторону «Европейской народной партии», таким образом двигаясь в направлении центризма, подобно «Вперёд, Италии». В результате своей двойственности «Лига» растеряла почти половину электората: если в июле 2019 г. её рейтинг составлял 36%, то к октябрю 2021 г. просел до скромных 19-20%[253]. Видя подобный раздрай в партии Сальвини, часть электората, настроенная наиболее оппозиционно, устремилась в сторону более последовательных «Братьев Италии».

Их лидер Дж. Мелони к этому моменту уже рассматривалась как реальный конкурент за пост премьер-министра на следующих парламентских выборах[254]. На административных выборах её партия обошла «Лигу» во всех четырёх крупнейших городах, включая родной для М. Сальвини Милан. В Риме за «Братьев Италии» проголосовали 18% избирателей, а за «Лигу» всего 6%. В Болонье соотношение было 13 против 8% в пользу партии

---

[252] Lo sfogo di Salvini: «Stare al governo ci fa perdere voti» // La Stampa, 27.11. 2021.

[253] Nei sondaggi il Partito democratico sfiora il 20% mentre la Lega scende sotto il 19% // Agi.it, 29.10.2021. URL: https://www.agi.it/politica/news/2021-10-29/sondaggi-partito-democratico-sale-mentre-lega-scende-14361219/ (дата обращения 31.07.2023).

[254] Giorgia Meloni e Fratelli d'Italia: con che programma e classe dirigente si candida a governare l'Italia // Corriere della Sera, 28.10.2021. URL: https://www.corriere.it/dataroom-milena-gabanelli/giorgia-meloni-fratelli-d-italia-che-programma-classe-dirigente-si-candida-governare-l-italia/117b8c0c-3729-11ec-9f13-f50cf5ef89b5-va.shtml (дата обращения 31.07.2023).

Мелони. В целом под её руководством партия взлетела с 4% на национальных выборах 2018 г. до 20% в конце 2021 г.

«Вперёд, Италия» в ещё большей мере, чем «Лига», поддержала правительство М. Драги в отношении проводимой им политики и мер борьбы с пандемией, вследствие чего ей также не удалось избежать внутренних трений, что в итоге привело С. Берлускони на позиции младшего партнёра в правой коалиции, когда на региональных выборах 2020 г. его партию обошла не только «Лига», но и «Братья Италии».

Пандемия и обусловленные ею политические вызовы серьёзно повлияли и на «Движение 5 звёзд». Его поддержка сократилась вдвое со времени общенациональных выборов 2018 г. – с 32% до 16-17%. 2021 г. стал ключевым в процессе трансформации данной популистской политической силы. Прежде всего с точки зрения её дальнейшей институционализации, характера лидерства и программной эволюции.

Уход в отставку второго кабинета Дж. Конте и почти единодушное признание ключевыми политическими силами назначения на пост премьер-министра М. Драги спровоцировало смену политического лидерства «Движения» и внутреннюю дискуссию о том, как должна быть структурирована партия. Избрание Дж. Конте лидером партии 6 августа 2021 г. привело фактически к изменению типа лидерства, которое из относительно коллективного стало почти единоличным. Этот факт был признан и Б. Грилло, который продолжал оставаться «гарантом» Движения, и Роберто Казаледжо, который до лета 2021 г. руководил работой платформы «Руссо». Оба не разделяли подход Дж. Конте к внутренней организации партии – идее укрепления присутствия на местах, т.е. выстраивания территориальных ячеек и создания более или менее функциональной партийной бюрократии. Казаледжо придерживался иного вѝдения, считая необходимым развивать «цифровую партию», используя современные технологии и «интернет-демократию». Помимо этого, внутри Движения возникли разногласия между теми, кто видел партию как «партию-движение», и теми, кто выступал сторонниками «нормализации», т.е. движения в сторону классической партии, главным идеологом которого видели Дж. Конте.

Дискуссия, начавшаяся ещё ранее, обострилась с вхождением Д5З в коалицию национального единства М. Драги. Это спровоцировало очередной раскол «Движения», в результате которого его покинула примерно треть парламентариев, перешедших к «Лиге» и в так называемую «смешанную группу».

Внутренний раздрай не преминул сказаться на уровне электоральной поддержки. Рейтинги Движения опустились до отметки в 15%. Падение подтвердили и региональные выборы 2020 г., и муниципальные выборы 2021 г.

Однако в наибольшей степени на снижение поддержки Движения сыграла его идейная эволюция. Вступив в правящие коалиции последовательно в трёх кабинетах (сначала с «Лигой» в Кабинете Конте-1, затем с Демпартией в правительстве Конте-2, а затем с широким кругом партий в кабинете Драги), Д5З лишило себя возможности и далее эксплуатировать популистский дискурс о противостоянии «народа» и «касты», окончательно перейдя от «выходцев из гражданского общества» в класс истеблишмента. Не могло Движение более эксплуатировать и евроскептические нарративы, поскольку М. Драги, которого Д5З поддержало, был ярчайшим представителем европейской политической элиты и институтов ЕС. Таким образом, протестная, антиполитическая компонента идеологии пятизвёздочников была безвозвратно утеряна. С точки зрения подходов к решению экономических вопросов, Движение всё больше склонялось влево, что делало его фактически конкурентом Демократической партии в этой части политического спектра, возвращая таким образом итальянскую партийную систему в пределы право-левого континуума. Помимо прочего, падению поддержки способствовал и тот факт, что практически все ключевые реформы, которые инициировало Д5З и реализовывало в составе «правительства перемен» в 2018–2019 гг., подвергались пересмотру правительством Драги. Это касалось и пенсионной реформы («квота 100»), и «дохода гражданина». Кроме того, позиции партии подрывал и общий переход от евроскептицизма к европеизму и атлантизму, который произошёл уже во время второго кабинета Дж. Конте[255] и теперь был продолжен М. Драги.

[255] Алексеенкова Е.С. Италия – ЕС: отказ от «суверенной изоляции»? // Науч-

Фактически оказались пересмотрены все внешнеполитические шаги, которые были предприняты Д5З в коалиции с «Лигой»: и миграционная политика, и отношения с ЕС, Францией, Россией и Китаем. Таким образом, на фоне пандемии не просматривалось никаких оснований для восстановления прежней популярности Движения: популистские социально-экономические меры подвергались ревизии, а «зелёная» повестка оказалась инкорпорирована в повестку правительства Драги и «Национальный план восстановления и устойчивости».

В левой части политического спектра под влиянием пандемии также произошёл ряд изменений. Рейтинг поддержки Демократической партии фактически сравнялся с рейтингом «Лиги» и стабилизировался на уровне 19-20% в октябре – ноябре 2021 г. (на национальных выборах 2018 г. партия получила всего 18,7% голосов).

Во-первых, одним из факторов роста поддержки стала смена лидера: после ухода Николо Дзингаретти в марте 2021 г. на этот пост был избран бывший премьер-министр Э. Летта. Сам по себе этот факт не обещал серьёзных инноваций. Летта в целом придерживался линии своего предшественника, однако вместе с тем он направил усилия на формирование левоцентристской коалиции, которая включала бы и Д5З. И действительно, к муниципальным выборам, состоявшимся в октябре 2021 г., эти усилия дали определённые результаты. Так, представители левоцентристов победили в Болонье, Милане и Неаполе, во втором туре также в Риме и Турине[256]. Лидер демократов Э. Летта заявил, что голосование было «большим успехом» ДП и «победой Европы». Кандидат правоцентристов победил из крупных городов лишь в Триесте. Представители «Движения 5 звёзд» потерпели поражение в Риме и Турине, проиграв кандидатам от Демократической партии. В Милане кандидат от Д5З набрала лишь 2,7% голосов. Для Дж. Конте на посту нового лидера партии это был провальный дебют. Хотя сразу после выборов он попытался оправдать их итоги тем, что вводимые им партийные

но-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №5. С. 10-15.

[256] Elezioni comunali 2021: tutti i risultati Italia // La Repubblica. 18.10.2021. URL: https://elezioni.repubblica.it/2021/elezioni-comunali/ (дата обращения 21.10.2023).

изменения ещё не успели дать свои плоды. А вот в тех городах, где пятизвёздочники объединились с демократами, в т.ч. в Болонье и Неаполе, партнёрство увенчалось успехом. Конте и Летта приветствовали совместные результаты. Вместе с тем между ДП и Д5З наметилось некое «разделение труда»: пятизвёздочники сосредоточились на вопросах социально-экономической поддержки населения, в то время как ДП – на повестке либеральных ценностей, защиты прав меньшинств, преодолении гендерных предрассудков.

Во-вторых, согласование с ЕС плана восстановления в 2021 г. тоже сыграло в пользу ДП, чей традиционный европеизм и налаженный диалог с Брюсселем воспринимались как факторы, усиливающие переговорные позиции Италии в ЕС. Восстановление репутации страны в Европе после того ущерба, который нанес ей конфликтный характер отношения Рима и Брюсселя в период «правительства перемен», общественное мнение относило в том числе к заслугам Демократической партии.

В центральной части политического спектра приход М. Драги и период борьбы с пандемией тоже привели к ряду трансформаций. Вопрос о поддержке М. Драги расколол партию «Свободных и равных», от которых отмежевались «Итальянские левые» (*Sinistra italiana*), отказавшиеся поддержать Драги, и «Первая статья» (*Articolo-1*), возглавляемая бывшим министром здравоохранения эпохи борьбы с пандемией – Роберто Сперанца. Партии М. Ренци «Живая Италия» (*Italia viva*) и Карло Календы «Действие» (*Azione*) сформировали центристский «Третий полюс», пытаясь создать альтернативу двуполюсному противостоянию левых и правых и добиться исключения из правительства как Д5З, так и суверенистов. Однако им не удалось предложить никакой самостоятельной повестки, поэтому они сконцентрировались на так называемой «повестке Драги» – преодолении пандемии и реализации «Национального плана восстановления и устойчивости».

В целом, по данным социологических опросов, разрыв между коалициями за время пандемии сократился: правоцентристская («Лига», «Вперёд, Италия», «Братья Италии») все еще могла похвастаться бо́льшим доверием граждан (46,8%), чем ле-

воцентристская (44,4%)[257]. Однако обе коалиции были крайне нестабильны. В стане правых одна партия была в оппозиции, в то время как две других входили в состав правительства. «Вперёд, Италия» при этом в наибольшей мере стремилась к центру и поддерживала политику Драги. Левые же предпринимали робкие попытки укрепиться, объединившись. Так, например, Э. Летта выступал с идеей воссоздания блока «Олива» из всех левоцентристских сил, включая такие малые партии как «Живая Италия» М. Ренци и «Действие» Карло Календы. Однако «Движение 5 звезд» не поддержало эту идею.

Подобная динамика говорила о том, что партийный ландшафт Италии становится все более фрагментированным: пять крупнейших партий пользуются примерно одинаковой поддержкой населения, среди них отсутствует явный лидер, идейное содержание их повесток все больше размывается. В то же время доверие граждан все больше концентрируется на конкретных фигурах – президенте и премьер-министре страны, министрах-технократах и профессионалах, никем не выбранных и не имеющих отношения к партийно-политическому ландшафту.

На этом фоне продолжала расти фрустрация граждан. В конце октября 2021 г. опросы показали, что если бы общенациональные парламентские выборы состоялись в тот момент, то 40% граждан не знали, за кого бы они пошли голосовать. Данная фрустрация сказалась и на административных выборах, где явка была очень низкой и составила 55%, хотя именно эти выборы обычно значимы для итальянцев, которые выбирают на них политиков, непосредственно взаимодействующих с населением.

По мере приближения к окончанию пандемии и относительной стабилизации внутренней эпидемиологической ситуации эффект «объединения вокруг флага» стал утрачивать свою силу, и партии, предвкушающие возвращение от «чрезвычайщины» к «нормальности», демонстрировали рост конфликтности и стремление вернуть себе утраченную роль в политиче-

[257] Sondaggi, Pd e Letta hanno sorpassato Lega e Salvini. Conte perde 8 punti eppure resta il leader di partito col gradimento più alto // Il Fatto Quotidiano, 23.10. 2021. URL: https://www.ilfattoquotidiano.it/2021/10/23/sondaggi-pd-e-letta-hanno-sorpassato-lega-e-salvini-conte-perde-8-punti-eppure-resta-il-leader-di-partito-col-gradimento-piu-alto/6365441/ (дата обращения 17.07.2023).

ском процессе. Уже в январе 2021 г. это проявилось во время избрания президента страны, когда С. Маттарелла объявил о своем нежелании баллотироваться на следующий срок и перед парламентом встала задача поиска новой кандидатуры, которая могла бы получить поддержку большинства (в соответствии с процедурой первые три голосования – квалифицированного большинства, а затем простого). Выборщики, не получившие от партий никаких реальных альтернатив, не смогли проголосовать ни за одну кандидатуру даже простым большинством до тех пор, пока в списке снова не возникло имени С. Маттареллы. В результате чего было сформулировано обращение к действующему президенту с просьбой остаться на посту на следующий срок, которое С. Маттарелла вынужден был принять, дабы избежать очередного политического кризиса. Однако данная ситуация привела не только к конфликтам между правыми, левыми и центристскими партиями вокруг потенциальных кандидатур, но и внутри коалиции правых популистов, спровоцировав публичный скандал между Сальвини и Мелони и заставив отмежеваться и придерживаться своей линии даже С. Берлускони.

А уже в феврале 2022 г. последовал новый повод для межпартийных и внутрипартийных разногласий – начало российской специальной военной операции (СВО) на Украине, которое привело к новым трансформациям в партийно-политическом ландшафте Италии.

Прежде всего, этот конфликт России и Украины обусловил продолжение двух наиболее важных феноменов, которые появились в 2020–2021 гг. в эпоху пандемии: первый – это ощущение «чрезвычайной» ситуации и чрезвычайного характера власти; второй – это эффект «сплочения вокруг флага». Оба этих фактора обеспечили дальнейшее движение в сторону персонализации власти и объединения вокруг фигуры премьер-министра М. Драги, а также продолжили действовать на ослабление роли партий в политическом процессе. Обществу становилось понятно, что состояние «нормальности» вернется еще не скоро, а вместе с ним – и привычная роль политических партий.

На фоне СВО рейтинги М. Драги продолжали оставаться высокими, а вот популистские партии оказались снова дезори-

ентированы новым, надидеологическим кливиджем, разделившим общество. Он сформировался вокруг отношения к текущему конфликту России и Украины и позиции правительства Италии по вопросу поставок вооружений Киеву.

События на Украине довольно сильно повлияли на восприятие России в Италии, в том числе среди сторонников популистских партий. По вопросу отношения к российской СВО осуждение действий Москвы было фактически консенсусное: около 40% граждан считали, что Россия лишь искала предлог для своих действий, 29% считали, что НАТО действительно угрожала России, но это не оправдывает её, и только 8% сказали, что угроза НАТО оправдывает СВО. А вот по вопросу поставок оружия общество раскололось примерно пополам. Разные мнения сформировались и по вопросу о стратегии прекращения военных действий: 34% опрошенных полагали, что Россию необходимо максимально ослабить, даже ценой продолжения конфликта, и 35% поддерживали идею о том, что военные действия необходимо немедленно остановить, в том числе путём территориальных уступок со стороны Украины[258]. Подобное состояние итальянского общества, единого в оценках происходящего, но расколотого в вопросах того, что делать и как действовать Италии, стало основанием для новых надидеологических размежеваний, не совпадавших с существовавшими ранее линиями партийных противостояний.

Правые популисты и их лидеры – Берлускони и Сальвини (но не Мелони) – оказались под шквалом критики за их прошлые отношения с Москвой: первый – за тесные дружеские отношения с В. Путиным в эпоху своего премьерства и после, второй – за публичное признание Крыма российским после 2014 г. и нескрываемое в прошлом позитивное отношение к российскому президенту. Кроме того, взаимодействие «Лиги» и «Единой России» даже было институционализировано подписанным ранее соглашением о партнёрстве, которое формально продол-

[258] Il conflitto in Ucraina. Monitorraggio del sentiment dell'opinione pubblica // Ipsos. 15.07.2022. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/2022-07/IPSOS%20WAR%20TRACKER%20ITALIA_w19%2015-07-22%20%281%29_0.pdf (дата обращения 01.08.2023).

жало действовать. На их фоне лишь репутация Дж. Мелони осталась «незапятнанной» отношениями с «путинским режимом».

М. Драги твердо следовал евроантлантическому курсу[259] и полностью разделял подходы ЕС и НАТО к текущему конфликту на Украине. При этом политические партии, хотя и единогласно осуждали действия России, по-разному смотрели на политику Италии в отношении конфликта на Украине, в частности – на вопрос поставок вооружений Киеву. Так, лидер Д5З Дж. Конте и большая часть Движения выступали против, но бывший её лидер и глава МИД в правительстве Драги – Л. Ди Майо – всецело поддерживал позицию М. Драги. Это вылилось в раскол Движения, когда 21 июня Л. Ди Майо вместе с 50 депутатами и 11 сенаторами вышли из Д5З, создав новую фракцию «Вместе ради будущего». Тем самым Д5З лишилось статуса самой крупной фракции в парламенте, полученного по итогам выборов 2018 г. Обе фракции тем не менее (и возглавляемая Дж. Конте, и Л. Ди Майо) остались лояльны правительству М. Драги. Лидер «Лиги» Маттео Сальвини также не раз высказывался против новых поставок оружия: «На Украине и так уже достаточно оружия, но это не приближает нас к миру – вместо поставок вооружения Киеву необходимо побуждать стороны к миру и создавать условия для переговоров»[260], – утверждал он. С этой целью лидер «Лиги» даже планировал совершить визит в Москву 29 мая, впоследствии отмененный в силу жесткой критики со стороны правительства и других партий. С. Берлускони также выступал с неоднозначными заявлениями, говоря, что «поставки оружия на Украину делают Италию совоюющей стороной», и что «необходимо побудить стороны к миру, а для этого – уговорить Украину принять условия Путина»[261]. «Бра-

[259] Il discorso integrale di Mario Draghi in Parlamento, sull'Ucraina // Corriere della Sera, 02.03.2022.

[260] Silvio Berlusconi, un esercito contro Vladimir Putin: ribaltone militare, il piano per salvare l'Ucraina // Libero Quotidiano, 19.03.2022. URL: https://www.liberoquotidiano.it/news/politica/30887584/silvio-berlusconi-ucraina-esercito-europeo-vladimir-putin.html (дата обращения 27.07.2023).

[261] Berlusconi: «Con l'invio di armi in Ucraina anche noi in guerra, meglio non fare pubblicità. No ad aggressione contro la Russia» // Il Fatto Quotidiano, 20.05.2022. URL: https://www.ilfattoquotidiano.it/2022/05/20/berlusconi-con-linvio-di-armi-in-ucraina-anche-noi-in-guerra-meglio-non-fare-pubblicita-no-ad-

тья Италии» же, напротив, не только поддерживали линию правительства по поставкам оружия, но и постоянно говорили о необходимости наращивания военных расходов Италии и ЕС и о повышении роли последнего в НАТО[262].

Военные действия на Украине повлияли на основные принципы итальянской политики, по крайней мере, в четырех аспектах. Во-первых, они спровоцировали серьезные последствия для экономики страны, причём косвенные последствия стали особенно серьезными. До начала конфликта объем торговли Италии с Россией составлял около 20 млрд евро в год, а с Украиной – около 5 млрд евро. В сумме на эти две страны вместе взятые приходилось около 3% всей внешней торговли Италии (размер которой составляет около 900 млрд евро в год). Россия и Украина были крупными экспортерами сырья и сельскохозяйственной продукции (Украину часто называли «житницей Европы»), поэтому перебои в экспорте этих товаров привели к разрушению глобальных цепочек поставок и способствовали инфляции, которая побила антирекорды середины 1980-х гг.[263] На эти две страны вместе приходилась четверть мирового производства пшеницы, используемой для производства широкого спектра продуктов, включая хлеб и макаронные изделия. Замедление темпов роста во всем мире и ускорение деглобализации, начавшееся в результате этих потрясений, довольно сильно ударило по Италии, учитывая, что её отношение торговли к ВВП (около 60%) выше среднемирового (около 56%). Правительство М. Драги столкнулось с необходимостью поддерживать падающие доходы домохозяйств, учитывая соотношение долга страны к ВВП на уровне 157% в 2021 г. и снижение темпов роста ВВП (с ожидаемых 4,7% до 3,9%). Тревоги граждан, связанные с состоянием экономики страны и их личным благо-

---

aggressione-contro-la-russia/6599595/ (дата обращения 21.10.2023).

[262] Invio di armi in Ucraina: la posizione di Giorgia Meloni // Porta a porta, 07.04. 2022. URL: https://www.youtube.com/watch?v=9nh8a7fW6aw (дата обращения 10.11.2023).

[263] Italian inflation rate. URL: https://www.rateinflation.com/inflation-rate/italy-inflation-rate/#:~:text=Italy%20inflation%20summary%20for%20June%202022&text=The%20inflation%20rate%20year%20over,to%20June%202022%20was%201.2%25 (дата обращения 15.09.2023).

получием, вновь вышли на первый план.

Во-вторых, помимо разрушения цепочек поставок и введенных санкций на товары российского происхождения, экономические трудности значительно усугублялись сильной зависимостью страны от поставок российского газа. Физический ежегодный объем импортируемого из России в Италию газа в среднем за последние 5 лет составлял 29 млрд м^3 (примерно 40% всего импортируемого в страну газа). За последнее десятилетие импорт из РФ рос как в абсолютном выражении, так и в процентах от потребления – примерно с 20 млрд м^3 (25% потребления) в 2011 г. до 29 млрд м^3 в 2021 г. (38% потребления). За последние два десятилетия национальная добыча природного газа сократилась отчасти из-за естественного истощения месторождений, отчасти из-за того, что в исследования и производство не было вложено новых инвестиций. В 2001 г. Италия сама добывала 15 млрд м^3, а в 2021 г. всего 3 млрд м^3. Если ранее Италия производила сама 20% потребляемого газа, то к 2022 г. она зависела от импорта на 95%. При этом около половины вырабатываемой в стране электроэнергии генерируется с помощью газа.

После начала российской СВО итальянское руководство выразило полную солидарность с решениями Евросоюза, сформулированными в плане *REPowerEU*[264], и заявило о намерении избавиться от зависимости от российского газа в перспективе 24-30 месяцев[265]. После чего кабинет М. Драги, совместно с руководством компании *Eni*, приступили к активной энергетической дипломатии в поисках новых поставщиков и наращивания объемов поставок по имеющимся маршрутам, преимущественно из стран Африки, Восточного Средиземноморья и Азербайджана[266]. Однако на фоне взлетевших цен на газ на мировом

[264] REPowerEU: Joint European action for more affordable, secure and sustainable energy. European Comission. 08.03.2022. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_1511 (дата обращения 01.08.2023).

[265] Caro energia e imprese, l'Europa anticipa la fine delle forniture di gas dalla Russia. URL: https://www.ecodibergamo.it/stories/skille/scenari/caro-energia-e-imprese-leuropa-anticipa-la-fine-delle_1423279_11/ (дата обращения 13.07.2023).

[266] Алексеенкова Е. В поисках альтернативы: эпоха новой энергетической дипломатии Италии // Российский совет по международным делам. 05.05.2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-poiskakh-alternativy-epokha-novoy-energeticheskoy-diplomatii-italii/ (дата обращения 10.10.2023).

рынке второй, не менее важной задачей после поиска дополнительных поставок, стало обеспечение поддержки итальянских домохозяйств и предприятий, столкнувшихся с кратным увеличением счетов за электроэнергию, рост которых начался еще до военных действий на Украине. Так, с мая 2021 г. по апрель 2022 г. кабинет Драги выделил почти 16 млрд евро на сокращение расходов на оплату счетов за электроэнергию и газ, 14 млрд евро были предусмотренным указом «О помощи» (*decreto «Aiuti»*) для преодоления трудностей, вызванных конфликтом на Украине и дальнейшим ростом цен на энергоносители. Кроме того, стало очевидно, что попытки снизить зависимость от России будут иметь серьезные последствия для реализации планов страны по переходу на возобновляемые источники энергии.

В-третьих, на фоне растущего числа прибывающих мигрантов с Украины, бегущих от военных действий, изменилось отношение итальянского общества к проблеме миграции. Уже в марте 2022 г., спустя месяц после начала СВО, в Италию прибыло около 70 тыс. украинцев. На этом фоне, когда 3 апреля пришло известие о том, что у берегов Ливии погибли более 80 человек, со стороны церковных руководителей прозвучали призывы распространить практики приема, оказанного украинским беженцам, на тех, кто спасается от войны и бедности в целом. Данная ситуация изменила и подход к проблеме миграции в стане правых популистов – далее мы увидим, что в их дискурсе стала четко просматриваться готовность принять тех, кто бежит от вооруженного конфликта, вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности, чего не было замечено в случаях предыдущих военных конфликтов в Сирии, Ливии и др.

Наконец, стало очевидным, что военные действия на Украине внесли существенные изменения в геополитический контекст, в рамках которого для итальянских политиков и партий резко сузилась возможность для маневра, пусть даже дискурсивного. Однозначность выбора Италии в пользу позиций США и ЕС лишили Рим какой бы то ни было внешнеполитической самостоятельности не только в отношении России, но и в отношении Китая, который отказался прямо осудить действия Москвы на Украине. Сформулированный в Вашингтоне и Брюссе-

ле принцип «двух лагерей» и жесткое требование занять ту или иную сторону не оставляли возможности для малейшего проявления традиционной для Италии миссии посредничества и мирных инициатив. Очень быстро стало понятно, что призывы М. Сальвини и Дж. Конте провести международную конференцию по урегулированию конфликта и прекратить поставки оружия Киеву не способны повлиять на изменение выбранного М. Драги курса. Демпартия, а также «Живая Италия» и «Действие» настаивали, что прекращение поставок оружия приведет к победе Москвы, и обвиняли популистов в сговоре с Путиным. Вместе с тем, однозначное осуждение действий России и «Лигой», и «Движением 5 звезд», и их пребывание в составе широкой коалиции правительства М. Драги удерживали обоих лидеров от радикальных шагов.

Высокопрофессиональный состав правительства М. Драги, его тип политического лидерства, весьма авторитарный характер принятия решений и выдающиеся способности искусной легитимации принимаемых решений, казалось, были гарантиями широкой общественной поддержки, и партии не могли игнорировать данный факт. Уровень консолидации вокруг кабинета М. Драги был несравненно выше, чем у предыдущих правительств[267]. Если в начале 2021 г. его поддерживали 68% граждан, то в июне 2021 г. уже 74%, а в ноябре 2021 г. - 65%. Таким уровнем доверия не мог похвастаться ни первый кабинет Конте, сформированный популистами (на пике было 62%, а в среднем около 50%), ни даже рейтинг Конте в эпоху пандемии (71%).

Несмотря на то, что М. Драги удалось начать ряд важных для страны социально-экономических реформ, а также сдвинуть с мертвой точки реформу правосудия, государственного управления, дать импульс инфраструктурным преобразованиям (хотя среди авторитетных итальянских исследователей есть мнение, что и здесь правительство Драги не предложило ничего принципиально нового[268]) крайне успешно провести кампанию

[267] 97° Atlante Politico, Demos & Pi survey for la Repubblica, November 2021. URL: http://www.demos.it/2021/pdf/5901ap97_20211113.pdf (дата обращения 12.07.2023).

[268] Mastropaolo A. Il governo Draghi, la democrazia, il compromesso // La Rivista il Mulino, 23.09.2021. URL: https://www.rivistailmulino.it/a/il-governo-draghi-la-

по вакцинации населения, укрепить позиции страны в ЕС и вернуть доверие к Италии на международной арене и др., к лету 2022 г. стало очевидно, что ему не удалось изменить главной, структурной тенденции в итальянской политике, а именно – растущей фрагментации общества и политических сил, что парадоксальным образом снизило их договороспособность друг с другом при видимом отсутствии четкой идеологической поляризации, поверх которой наложились надидеологические размежевания.

Концепция «чрезвычайной ситуации», получившая широкое распространение в эпоху пандемии и обусловившая эффект «объединения вокруг флага», совершенно осознанно эксплуатировалась партиями и в этот раз, с началом вооруженного конфликта, для обоснования собственной лояльности правительству Драги. Показательно, в частности, что к июню 2022 г. разногласия между партиями обострились уже настолько, что «чрезвычайная ситуация» стала единственным аргументом, чтобы остаться в рамках широкой коалиции. И М. Сальвини, и Э. Летта заявляли, что «никогда больше» между ними не будет никаких «больших сделок». Летта утверждал: «Мы находимся в абсолютно беспрецедентном, уникальном союзе, который никогда не повторится. Эти широкие соглашения с Сальвини, с «Лигой», с правыми являются для нас чем-то исключительным, что никогда не повторится». Сальвини отвечал тем же: «Правительство национальной ответственности (а именно так было принято называть правительство М. Драги – Е.А.) невозможно в 2023 году. Таких правительств с Демократической партией, как только эпидемия закончится и война закончится, больше не будет»[269].

Другой тенденцией, воплотившей преемственность правительства Драги по отношению к кабинету Конте-2, стал «чрезвычайный» характер принятия решений, а именно управление с помощью декретов. За 11 месяцев работы правительства количество таких декретов составило 42 (3,82 в месяц), что сделало

---

democrazia-il-compromesso (дата обращения 04.10.2023).

[269] Letta e Salvini d'accordo: «Mai più larghe intese» // Agi.it, 06.06.2022. URL: https://www.agi.it/politica/news/2022-06-05/letta-salvini-mai-piu-insieme-coalizione-governo-16976904/ (дата обращения 31.07.2023).

правительство Драги рекордсменом за период трех последних легислатур (с 2013 г.)[270], опередившим даже второе правительство Дж. Конте эпохи пандемии. Как мы уже упоминали выше, эта форма законодательной инициативы позволяет обойти длительный законодательный процесс в парламенте, тем самым серьезно подрывая его авторитет и значимость. За этот же период правительство Драги многократно прибегало к процедуре вотума доверия правительству (32 раза за 11 месяцев), что также подтверждало хрупкость парламентского большинства и необходимость в дополнительной легитимации принимаемых решений. Кабинет Драги оказался рекордсменом по количеству голосований о доверии среди всех правительств за последние три легислатуры.

Таким образом, снижение роли парламента в процессе принятия политических решений в сочетании с возрастающей электоральной волатильностью и фрагментацией политического поля стали характерными чертами данного периода и свидетельством того, что даже М. Драги не удалось переломить те структурные тенденции политического развития страны, которые формировались в последние годы. Маргинализация парламента и его перманентный конфликт с исполнительной властью стали неотъемлемой чертой итальянской политии. Ослабление парламента неразрывно связано и с особенностями эволюции итальянских партий, которые становятся все более фрагментированными, распадаясь на все более мелкие единицы, а также все более персонализированными – узнаваемыми лишь по имени их основателя и лидера, который осуществляет ручное управление без какой бы то ни было устойчивой партийной структуры «на земле», не предлагая больших нарративов, идейных альтернатив и моделей будущего.

В целом, эпоха М. Драги не смогла существенным образом обратить вспять негативные тенденции в итальянской политической системе, такие как высокая фрагментация политического поля, появление новых размежеваний надидеологического

[270] Governo Draghi primo per decreti-legge pubblicati al mese // OpenPolis, 19.01.2022. URL: https://www.openpolis.it/numeri/governo-draghi-primo-per-decreti-legge-pubblicati-almese/ (дата обращения 10.08.2023).

характера, способствовавших дальнейшему размыванию идеологического спектра, хроническое недоверие граждан политическим партиям и растущая персонализация власти – как внутри партий, так и на общеполитическом уровне – в лице президента страны и премьер-министра.

Феномен парламентского «трансформизма» продолжал иметь место: всего за время XVIII легислатуры (с 2018 г. по февраль 2022 г.) свою фракционную принадлежность сменили 302 члена парламента (за время предыдущей легислатуры таковых было 569 случаев), рекордсменом среди которых стал сенатор Джанни Марилотти, сменивший идентичность пять раз[271]. В наибольшей мере отток кадров наблюдался у Д5З, «Вперёд, Италии» и Демпартии.

Раскол «Движения 5 звезд» и уход Ди Майо «освободили руки» Дж. Конте, который стремился вернуть партии утраченное доверие избирателей посредством более жёсткого диалога с главой правительства. Дж. Конте выставил М. Драги список из «9 пунктов» социально-экономических преобразований, по каждому из которых требовал конкретного ответа правительства. Глава Д5З, очевидно, рассчитывал на некоторые уступки с его стороны во имя сохранения единства коалиции, надеясь тем самым поднять собственный рейтинг в глазах граждан (который колебался вокруг 10%, демонстрируя трёхкратное падение по сравнению с 2018 г., когда на выборах партия получила 32% голосов). М. Драги оценил это как ультиматум и заявил, что не готов разговаривать на языке ультиматумов, а Конте, в свою очередь, сказал, что не намерен поддерживать правительство вслепую («выдавать пустой вексель»), готов выйти из коалиции, но продолжит поддерживать правительство по тем вопросам, которые сочтёт общим благом для страны. И уже 13 июня Д5З отказалось поддержать декрет правительства о помощи домохозяйствам и предприятиям, что было воспринято М. Драги как демонстрация недоверия правительству. На следующий день

[271] Il Parlamento «trasformista»: ecco come gli eletti hanno cambiato partito 302 volte. In arrivo uno stop // Corriere della sera, 20.02.2022. URL: https://www.corriere.it/politica/22_febbraio_20/parlamento-trasformista-ecco-come-eletti-hanno-cambiato-partito-302-volte-arrivo-stop-5561b97e-9222-11ec-8b82-9c9a53609f22.shtml (дата обращения 11.07.2023).

М. Драги подал С. Маттарелле прошение об отставке, которую тот не принял, дав главе правительство неделю на переговорный процесс с участниками конфликта и попытки сохранить коалицию. Переговоры, однако, не дали результатов.

На решающем заседании Сената 20 июля М. Драги повторил свой тезис об «исчерпании пакта доверия» внутри коалиции и отчитался о работе правительства. На этот раз во время голосования о доверии воздержались также «Лига» и «Вперёд, Италия». В данном случае правые сыграли ва-банк, предложив сначала сохранить коалицию, исключив из неё Д5З как «безответственных» и спровоцировавших правительственный кризис, а потом, поняв, что М. Драги не готов на сохранение правительства без Д5З, отказались его поддержать в расчёте на то, что досрочные выборы будут им только на руку. Отказ «Лиги» и «Вперёд, Италии» выразить доверие правительству сделал невозможным продолжение работы кабинета М. Драги и заставил его вновь подать прошение об отставке, которое на этот раз С. Маттарелла вынужден был принять, открыв тем самым путь к досрочным парламентским выборам.

ГЛАВА 5. ПРАВИТЕЛЬСТВО ДЖ. МЕЛОНИ: НОВЫЙ ЭТАП ТРАНСФОРМАЦИИ ИТАЛЬЯНСКОГО ПОПУЛИЗМА?

Состоявшиеся 25 сентября 2022 г. досрочные парламентские выборы в Италии привели к победе коалицию правых популистов, которым удалось получить большинство в парламенте и сформировать правительство.

Период развития итальянского популизма, начавшийся после отставки М. Драги, можно охарактеризовать как дальнейшую трансформацию от радикализма к умеренности, как процесс «социализации» популизма, нашедший отражение в окончательном принятии правил игры представительной демократии, отказе от антиинституционализма, суверенизма и антиевропеизма. Как мы покажем далее, существенным образом трансформировалось идейное содержание правого популизма, что нашло подтверждение и в практических политических шагах кабинета

Дж. Мелони. В настоящее время под вопросом стоит сохранение идентичности, сформированной правыми популистами за предшествующие годы, что ставит вопрос о перспективах дальнейшей фрагментации социально-политического поля и возможности зарождения «нового популизма» на волне антиполитики, по-прежнему сохраняющей актуальность в итальянском общественном сознании.

По итогам выборов[272] в нижнюю палату коалиция правых набрала соответственно 43,8%, из них «Братья Италии» 26%; «Лига» опустилась до 8,8%, а «Вперёд, Италия» – до 8,1%, «Мы – умеренные» - 0,9%. Коалиция левоцентристов получила 26,1 %: из них Демократическая партия – 19,1%, «Альянс зеленых и левых» – 3,6%, «+ Европа» - 2,8%, партия «Гражданское дело» Л. Ди Майо не набрала даже 1%. «Движение 5 звезд» снова на подъеме и получило 15,4%. Партии «Действие» и «Живая Италия», составляющие так называемый «третий полюс» – 7,8%. В итоге коалиция правоцентристов получила 238 мест в нижней палате, левоцентристы – 85, Д5З – 52, третий полюс – 21. Похожий расклад сил сложился и в Сенате. Так правые заняли 116 мест, левые – 44, пятизвёздочники 28, центристы – 9. «Цель – остановить правых – не была достигнута», – прокомментировал итоги выборов Карло Календа[273]. По словам М. Ле Пен, «итальянский народ избрал суверенное правительство».

Однако если обратиться к абсолютным цифрам, то станет понятно, что баланс сторонников правых и левых партий не сильно изменился со времени предыдущих выборов: правые получили голоса 12 млн 300 тыс. итальянских граждан, что в сумме составляет почти 44% избирателей, в то время как так же правая коалиция времен Берлускони достигала почти 50%-ной отметки. В то же время левые набрали 7 млн 300 тыс. голосов, «Движение 5 звёзд» – 4 млн 300 тыс., а центристы – 2 млн 186

---

[272] Elezioni camera 2022 risultati Italia. 28.09.2022. URL: https://elezioni.repubblica.it/2022/cameradeideputati/ (дата обращения 05.07.2023).

[273] Elezioni 2022, i risultati delle politiche: Meloni porta il centrodestra al governo. Le Pen: «Eletto governo sovranista». +Europa rischia, è sotto il 3%. Letta parlerà alle 11.30 // La Repubblica, 26.09.2022. URL: https://www.repubblica.it/politica/2022/09/26/diretta/elezioni_politiche_2022_risultati_ultime_news_oggi-367310110/ (дата обращения 10.07.2023).

тыс., что позволяет утверждать, что объединившись, левоцентристы могли бы одержать победу над правыми популистами. Однако этого не произошло в силу их разобщенности и неспособности договориться друг с другом. После того, как Д5З инициировало политический кризис, приведший к отставке правительства М. Драги, Дж. Конте оказался «нерукопожатным» и в глазах Демпартии, и в стане «третьего полюса». Кроме того, партии левого и центристского фланга радикально расходились в подходах к российско-украинскому конфликту и проблеме поставок оружия Киеву, а также в отношении к реформам, начатым М. Драги в рамках «Национального плана восстановления и устойчивости». Таким образом, одним из факторов, приведшим на пьедестал «Братьев Италии» стала неспособность левых и центристов договориться между собой.

Вторым фактором победы правых стал их идейный трансформизм.

Если мы посмотрим на предвыборную риторику «Братьев Италии», «Лиги» и «Вперёд, Италии» сквозь методологическую призму изучения правого популизма К. Мюдде, представляющую его идеологию как триаду нативизма, популизма и авторитаризма, то мы увидим ряд существенных изменений дискурса по всем трем параметрам в сравнении с предыдущими выборами 2018 г. и предшествующими периодами.

Прежде всего, посмотрим, что произошло с популизмом как таковым, как изменилось представление о конфликте между «народом» и «элитой», гражданским обществом и правящим классом.

Новая интерпретация конфликта «народа» и «элит»: отказ от суверенизма

Программа «Братьев Италии» 2013 г.[274] четко обозначала основных «врагов» итальянских граждан. Это были неизбранные гражданами «технические правительства» и левоцентристы, неспособные «вернуть обществу его жизненную энергию» («*restituire vitalità alla società*»), отнятую последствиями экономического кризиса, а также Европа, окончательно утратившая леги-

[274] Fratelli d'Italia. «Le sfide per l'Italia». URL: https://www.fratelli-italia.it/le-sfide-per-l-italia-9-gennaio-pomeriggio/ (дата обращения 15.07.2023).

тимность и лишившая суверенитета входящие в неё народы. Эта Европа «навязывает нам власть бюрократической и олигархической машины, которая часто выступает за интересы, далекие от «общего блага», и не имеет ничего общего с той политической и демократической Европой, о которой мечтали её отцы-основатели». Программа побуждала к гражданскому активизму и участию, утверждая, что для исправления ситуации «необходимо больше политики, а не меньше. Не антиполитики, не технократии. А политики как судьбы сообщества». Европа должна быть возвращена её народам, необходим переход «от экономической к политической Европе», прямые выборы Председателя Еврокомиссии, которые бы восполнили дефицит демократии и легитимности. И только в этом случае имеет смысл разделение суверенитета между национальным государством и наднациональным образованием. На национальном уровне предлагался переход (который больше не может быть отложен) к президентской республике, с прямыми выборами президента и усилением полномочий исполнительной власти. Предполагалась также ликвидация «идеального бикамерализма» с сохранением одной законодательной палаты и Сената как выразителя интересов регионов и органов местного самоуправления. Предлагалось сократить вдвое количество депутатов, устранить любые возрастные ограничения для занятия институциональных должностей, начиная с должности Президента Республики, усилить принцип меритократии и ликвидировать любые должностные привилегии. На первом национальном конгрессе партии «Братья Италии», состоявшемся в марте 2014 г., Дж. Мелони призывала вернуть политике достоинство, возродить участие граждан в политике, вернуть суверенитет и право на самостоятельный выбор своего пути и своих лидеров народу, называя правительства Монти, Летты и Ренци «марионетками» («*fantoccini*»), управляемыми из Брюсселя и Берлина[275].

В 2017 г., уже на втором партийном конгрессе, Мелони объявила партию «движением итальянцев-патриотов» («*movimento dei patrioti italiani*»), а главным лозунгом стал слоган «прежде

[275] Congresso FdI-An, il discorso di replica di Giorgia Meloni. 2014. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ACx5IaUGzHs (дата обращения 25.07.2023).

всего итальянцы» («*prima gli italiani*»). Она также призывала все правые силы объединиться вокруг концепции «идентичности» и сформировать «дом идентичности» взаимен утратившего актуальность «Дома свобод» («*Casa della libertà*»). Среди программных положений также появилось требование обеспечить примат итальянской Конституции над законодательством ЕС. Изменилось название партии – от «Братьев Италии – Национального альянса» к «Братьям Италии»: путь Национального Альянса закончен, объявила она, – теперь началась наша часть истории. Мелони говорила и о «социальном государстве» «патриотического движения», которое должно стать меритократическим, небюрократизированным и «легким», всегда опираться на идею о том, что государственный аппарат должен служить своим гражданам, поддерживать их в их повседневной жизни.

В 2018 г. в предвыборной программе «Братьев Италии»[276] произошла существенная радикализация. Речь шла уже о пересмотре трактатов ЕС, Дублинских регламентов, Пакта стабильности и роста, выравнивании бюджетных расходов на военные нужды со среднеевропейскими, защите национального суверенитета от европейских технократов и национальной рабочей силы, производства, сельского хозяйства и продукции "*made in Italy*" от несправедливых директив ЕС. Затем, в 2019 г.[277] перед выборами в Европарламент на логотипе партии появилось слово «суверенисты» («*sovranisti*»), а в тексте – более развёрнутый вариант аргументации в пользу защиты национального суверенитета. Вместо ЕС как «наднационального образования, управляемого неизбираемыми бюрократами и технократами, навязывающими сверху свои решения народам Европы» предлагалась «Европейская конфедерация свободных и суверенных национальных государств» и восстановление приоритета конституции и национального законодательства над общеевропейским. Также в программе утверждалось, что Европа стала «парком развлечений» Германии и Франции, использующих институты ЕС в

[276] Fratelli d'Italia. Il voto per unire l'Italia. 2018. URL: https://www.flipsnack.com/fratelliditalia/programma-in-sintesi.html (дата обращения 25.07.2023).
[277] Fratelli d'Italia. Programma elezioni europee. 2019. URL: https://www.fratelli-italia.it/wp-content/uploads/2019/04/Programma-completo-1.pdf (дата обращения 01.08.2023).

своих интересах, в ущерб интересам других государств и, в частности, Италии. «Братья Италии» призывали не терпеть больше вмешательства во внутренние дела страны и «враждебные действия» в отношении её национальных интересов. ЕС и Германия, в частности, обвинялись в навязывании политики жёсткой экономии, институты ЕС – в том, что они действуют в интересах международных ТНК и их лобби, результатом чего стали кризис на рынке труда в Италии, разорение мелких и средних предприятий и перенос производств в третьи страны. Еще одной причиной национальных бед была объявлена единая валюта – евро, выгодная опять же только немцам. Защита «*made in Italy*» была названа «приоритетным национальным интересом», равно как и поддержка рождаемости и семьи, которым, с точки зрения «Братьев Италии» не уделялось достаточное внимание на уровне ЕС. С целью укрепления позиций Италии на международной арене предлагалось ввести всенародные выборы президента страны.

Предвыборная риторика «Братьев Италии» в 2022 г.[278] претерпела существенные изменения. С одной стороны, она попрежнему уделяла большое внимание вопросам легитимности власти, придавая выборам характер переломного этапа, который должен ознаменовать конец эпохи технических правительств, длившейся в Италии более 10 лет – фактически, со времён последнего кабинета С. Берлускони. Победа на выборах должна была позволить им, наконец, сформировать «политическое правительство»[279], которое опирается на «легитимность всенародного голосования».

Но с другой стороны, из программных документов в 2022 г. полностью исчез термин «суверенитет». Даже партийный логотип претерпел изменения: подпись «совранисты и консерваторы» была заменена на «патриоты и консерваторы». При этом слова «патриотизм» вообще не было в программах партий 2018

---

[278] Il programma di Fratelli d'Italia. 2022. URL: https://www.fratelli-italia.it/programma/ (дата обращения 01.08.2023).

[279] Giorgia Meloni ad «Avvenire»: «Non faremo governi arcobaleno, la priorità del paese è la natalità». URL: https://www.fratelli-italia.it/2022/09/12/giorgia-meloni-ad-avvenire-non-faremo-governi-arcobaleno-la-priorita-del-paese-e-la-natalita/ (дата обращения 01.08.2023).

и 2019 гг. В отношении ЕС программа 2022 г. лишь очень осторожно говорит о необходимости «перезапуска системы европейской интеграции в пользу Европы отечеств, основанной на интересах народов и способной справиться с современными вызовами». А Италия должна стать «протагонистом в Европе и мире» (идея, уже не раз звучавшая с середины 1990-х гг., причём не только из уст правых). В целом, вопрос отношений с ЕС занял лишь последний, 25-й пункт программы партии «Братья Италии», при этом отдельно во второй пункт вынесена задача эффективного использования фондов ЕС и «Национального плана восстановления и устойчивости». Национальный интерес в 2022 г. определяется в программе «Братьев Италии» как «защита интересов индустриальной и производственной системы страны», и с этой целью Италия должна играть более активную роль в обсуждении в ЕС пакета «*Fit for 55*».

Таким образом, институты ЕС, единая валюта, нормы Союза больше не рассматриваются как противоречащие национальным интересам страны и программа не предполагает никаких методов противодействия им. В ней сохраняется характерная для правых высокая степень протекционизма и акцент на национальной конкурентоспособности, большое внимание уделяется консервативным ценностям и, по сути, левым социально-экономическим идеям, однако, конфликт с ЕС фактически нивелируется, снижая тем самым степень радикальности предлагаемой политики. Вместо институтов ЕС гнев «Братьев Италии» в программе 2022 г. переносится на «домашнего врага», а именно – на левоцентристов, пребывавших у власти более 10 лет и загнавших страну в тяжелейший экономический кризис. Именно поэтому программные положения и предвыборная риторика «Братьев Италии» позиционировали выборы 2022 г. как рубежный, переломный этап, который должен ознаменовать конец эпохи технических правительств и позволить наконец-то сформировать легитимное «политическое правительство». Концепт «суверенитета» упоминается в программе лишь единожды – в связке с нелегитимным пребыванием левоцентристов во власти, ставшим результатом «закулисных игр» («*giochi di palazzo*») вопреки воле народа, что нарушает главный принцип Конститу-

ции страны, гласящий, что «суверенитет принадлежит народу» («*sovranità appartiene al popolo*»).

Отношение «Лиги» к вопросу суверенитета претерпело схожие изменения. В программе 2018 г.[280] прямо говорилось о нелегитимности институтов ЕС, «состоящих из бюрократов и спекулянтов», содержался призыв вернуться в состояние до Маастрихтских соглашений. Утверждалось, что Италия готова выйти из ЕС и вернется лишь после пересмотра всех основополагающих документов Союза. Вина за экономический упадок страны возлагалась на единую валюту – евро. Как и «Братья Италии», «Лига» настаивала на примате национального права и возвращение национального суверенитета в монетарной и макроэкономической, законодательной областях, в вопросах охраны границ (включая отмену Шенгенских и Дублинских соглашений). Возвращение Италии суверенитета объявлялось национальным интересом. Внешняя политика страны также должна была стать более суверенной, что предполагало независимую политику в Ливии, открытость сотрудничеству с Россией и выстаивание привилегированного партнерства с администрацией Д. Трампа, особенно в борьбе с исламским экстремизмом и «агрессивным торговым и политическим проникновением Китая», что совпадало с интересами Италии.

В программе «Лиги» 2022 г.[281] сказано, что суверенитет Италии подвергается эрозии со стороны наднациональных институтов. Однако ни о каком пересмотре трактатов ЕС речи уже не идёт. В качестве решения этой проблемы предлагается лишь «усилить присутствие» итальянского руководства в Брюсселе и вернуть «принцип субсидиарности, которым Европа пренебрегала в пользу решений, навязанных на наднациональном уровне в ущерб государствам». Необходимо «приблизить политические решения к гражданам, разочарованным Европой, которая становится всё более бюрократичной и далёкой». Таким образом, принцип субсидиарности и усиленное представительст-

[280] Lega per Salvini Premier. Elezioni 2018. Programa di governo. URL: https://www.leganord.org/component/phocadownload/category/5-elezioni?download=1514:programma-lega-salvini-premier-2018 (дата обращения 01.08.2023).
[281] Lega – Salvini Premier. Programma di governo. 2022. URL: https://static.legaonline.it/files/Programma_Lega_2022.pdf (дата обращения 01.08.2023).

во должны, с точки зрения «Лиги», помочь решить проблему размывания национального суверенитета в ЕС. Италия, говорится в программе, должна добиться пересмотра тех решений ЕС, которые, по мнению «Лиги», наносят ущерб национальным интересам страны, среди них – «Европейский зелёный курс», «*Fit for 55*», ряд регулятивных норм и практик в сфере сельского хозяйства. Однако добиваться этого пересмотра необходимо исключительно путём переговоров. Тем же способом необходимо влиять на внешнеторговую политику ЕС с тем, чтобы содействовать продвижению итальянских технологий и продукции. Лидеры правых считают, что Италии необходимо добиваться пересмотра «Национального плана восстановления и устойчивости», утверждённого в 2021 г., до начала российско-украинского конфликта, повлекшего за собой тяжелейшие экономические последствия для Италии. Но тоже – исключительно посредством переговоров.

В сфере внешней политики «Лига» также не видит больше никаких противоречий между национальными интересами Италии и ЕС. Вина за провальную политику Италии в Средиземноморье возложена правыми на левоцентристов: именно они «стремились европеизировать иностранные решения с огромным и очевидным ущербом для Италии», которая «заинтересована в создании сети двусторонних соглашений с экономиками стран Средиземноморья». Как и «Братья Италии», «Лига» призывает страну стать протагонистом на международной арене. Звучит идея Италии как медиатора международных конфликтов, представителя НАТО и ЕС во взаимодействии с третьими странами – традиционно характерная для внешней политики Рима.

Таким образом, очевидно, что евроскептицизм «Лиги», хотя и не исчез в полной мере, но заметно эволюционировал в сторону более умеренного. Вместо прежнего радикализма и разрыва договоров ЕС единственным методом укрепления суверенитета теперь видятся «переговоры».

Программа «Вперёд, Италии» 2018 г. была не менее критична в отношении ЕС, чем документы её партнёров по коалиции. Она также критиковала политику жёсткой экономии, избыточное регулированию со стороны ЕС и призывала к пересмотру

договоров ЕС, перераспределению выплат со стороны Италии в бюджет ЕС, требовала «восстановления суверенитета» (приоритета национального законодательства над правом ЕС), защиты «*made in Italy*» и сельхозпроизводителей. А программа 2022 г. носит уже совершенно иной характер. Её название («Сегодня как никогда – выбор лагеря») подчёркивает особый международный контекст, на фоне которого проходили выборы 25 сентября 2022 г. и стремление подчеркнуть позицию Италии в вопросе противостояния между Россией и т.н. «коллективным Западом» – на стороне Украины, ЕС и НАТО. Причём делается акцент на том, что это решение Италии тесно связано с её идентичностью и приверженностью либеральной, христианской, проевропейской традиции, ценностям и принципам западной цивилизации. Главным лозунгом программы становится фраза «Италия – в полной мере часть Европы, Атлантического Альянса и Запада. Больше Италии в Европе, больше Европы в мире». Эта же фраза была вынесена в качестве первого пункта общей программы правоцентристской коалиции на выборах 2022 г. В этом документе не встречается ни единого упоминания слова «суверенитет» или «национальные интересы». Раздел, посвящённый внешней политике и обороне, получил название «мы – атлантисты и европеисты». В нём говорится о необходимости продвижения общей внешней политики ЕС, создании европейской армии, пересмотре Пакта стабильности и роста, обязательном распределении иммигрантов по квотам внутри ЕС, поддержке НАТО и укреплении отношений с США, о европейском «плане Маршалла» для Африки и др.

Тем не менее стоит отметить, что, даже в 2018–2019 гг. отношение С. Берлускони к феномену суверенизма было весьма амбивалентным. Из всех троих партнёров по коалиции Берлускони был наиболее умеренным. Так, например, в интервью 2019 г. он утверждал: «Суверенитет – это обман, от которого нужно отказаться, это глупая идея, и глупы те, кто в неё верит. Националистическая и суверенная Европа стала причиной двух мировых войн и десятков миллионов смертей. Хотим ли мы вернуться? Нет». В 2022 г. он подчёркивал актуальность этого тезиса: «Мне нетрудно повторить это. Наши правоцентристы не

имеют ничего общего с ультраправыми компонентами, которые существуют в других странах, но в Италии они, к счастью, не популярны, потому что у нас есть большое количество демократических правых. Наше присутствие (в правоцентристской коалиции – Е.А.), повторяю, является гарантией демократического, проевропейского и атлантического призвания коалиции. Если бы это было не так, нас бы там не было»[282]. Общим тезисом, который партия разделяет с партнерами по коалиции, является стремление к максимальной *субсидиарности* внутри ЕС: «…Мы хотим, чтобы Европа была сообществом, управляемым демократическими принципами, с прямым избранием президента Комиссии ЕС европейскими гражданами и преодолением принципа единогласия в Европейском Совете. Мы хотим двигаться к модели, основанной на субсидиарности, которая гарантирует максимальное единство и в то же время максимальную автономию отдельных стран, как это происходит в Соединенных Штатах Америки. Наконец, мы хотим, чтобы Европа без колебаний присоединилась к НАТО и Западу»[283]. Таким образом, к выборам 2022 г. «Вперёд, Италия» практически полностью отказалась от евроскептицизма.

Общая программа правоцентристской коалиции 2022 г.[284] закрепила отход от евроскептицизма. В ней нет ни единого упоминания «суверенитета», а «национальные интересы встречается лишь однажды – там, где говорится о «защите национальных интересов при обсуждении европейских законодательных досье, в том числе в свете изменений, произошедших в международном контексте, с особым упором на экологический переход». Общая программа правоцентристов, как мы уже подчёркивали выше, начинается заимствованной у «Вперёд, Италии» фразой: «Италия – в полной мере часть Европы, Атлантическо-

---

[282] L'Europa cammina con noi. Intervista al Cav: «Il sovranismo è un'idea stupida» // Il Foglio, 19.08.2022. URL: https://www.ilfoglio.it/politica/2022/08/19/news/l-europa-cammina-con-noi-intervista-al-cav-il-sovranismo-e-un-idea-stupida--4339987/ (дата обращения 01.08.2023).
[283] Ibid.
[284] Per l'Italia. Accordo quadro di programma per il governo di centrodestra. 2022. URL: http://www.forzaitalia.it/speciali/PER_L_ITALIA_Accordo_quadro_di_programma_per_un_Governo_di_centrodestra.pdf (дата обращения 15.04.2023).

го Альянса и Запада. Больше Италии в Европе, больше Европы в мире». В ней подчёркнута полная приверженность процессу европейской интеграции, хотя и присутствует пожелание превращения ЕС в более политический, нежели чем бюрократический союз; по-прежнему присутствует идея реформирования «Пакта стабильности и роста». Программа правых гарантирует соблюдение обязательств, взятых на себя Италией в рамках НАТО, в том числе и в вопросах затрат на оборону, поддержку Украины и «любой дипломатической инициативы, направленной на урегулирование конфликта».

Интересно отметить, что в общей программе внешнеполитическая повестка вынесена в первый пункт, что нетипично для итальянских партий. Традиционно внутриполитические и экономические сюжеты гораздо приоритетнее для итальянских избирателей, чем вопросы внешней политики. Однако в данном случае внешнеполитический контекст, очевидно, приобрел такую значимость в предвыборной борьбе, что мог стать решающим для отношений будущего правопопулистского правительства с ЕС. Иными словами, правым необходимо было «успокоить» европейских и заокеанских партнеров Италии, убедив их в том, что даже в случае их прихода к власти, Рим не изменит своему евроатлантическому курсу. Учитывая отношения этих партий и их партийных лидеров к России в прошлом, у Брюсселя и Вашингтона были все основания беспокоиться о том, как поведет себя Италия в случае их избрания. Однако, как мы уже упоминали в предыдущем разделе, российская СВО на Украине радикально изменила отношение к Москве не только официального Рима, но и правых популистов. Действия России они оценили как нарушение суверенитета и международного права. На этом фоне солидарность с партнерами по ЕС стала ответной реакцией, фактически перечеркнувшей все предыдущие годы противостояния популистов с Брюсселем и евробюрократией.

В преддверии выборов 2022 г. правые популисты сделали все, чтобы убедить международных партнёров в лояльности традиционным для Италии альянсам. 22 сентября Дж. Мелони вновь заверила всех в «поддержке Украины без всяких колебаний и раздумий». Также было озвучено и новое понимание на-

циональных интересов Рима: «Мы считаем, что национальный интерес Италии сегодня состоит в том, чтобы не казаться слабым звеном Запада и полностью уважать наши международные союзы»[285]. *Таким образом, если в 2018 г. национальным интересом, обозначенным в программах правых, был пересмотр всех трактатов ЕС в пользу возвращения суверенитета народам, то сегодня он трансформировался в задачу «не казаться слабым звеном Запада»*.

Итак, в дискурсе правых сохранился характерный для популистов конфликт между «народом» и «элитами» – однако по сравнению с 2018 г. стороной конфликта перестает быть евробюрократия, а роль главного «врага» итальянского народа полностью переходит к левоцентристам и, в частности, к Демпартии, на которую возлагается вина за непреодоленный экономический кризис, провалы в сфере внешней политики и имидж Италии в мире как «слабого звена ЕС». Главными причинами отхода от евроскептицизма стали, как представляется, зависимость Италии от финансовой помощи ЕС в реализации плана экономического восстановления и российско-украинский конфликт, способствовавший «эффекту объединения вокруг флага», но теперь уже вокруг флага ЕС.

Выступление Дж. Мелони в парламенте[286] по случаю назначения премьер-министром стало ещё одной иллюстрацией произошедшей трансформации. Слово «суверенитет» встречается в тексте выступления пять раз и употребляется в следующих случаях. Во-первых, чтобы подчеркнуть, что новое правительство является выражением воли и «суверенитета» народа, в отличие от череды предыдущих правительств, и тем самым обозначить его легитимность и разрыв с прошлым периодом. Во-вторых, в международном контексте: суверенитет нации был «нарушен» СВО, что «Италия не может принять». В-третьих,

---

[285] Meloni: «Siamo al fianco degli alleati, niente crepe nell'Occidente» // Agi.it, 22.09.2022. URL: https://www.agi.it/politica/news/2022-09-22/ucraina-meloni-a-fianco-alleati-no-italia-anello-debole-18174942/ (дата обращения 01.05.2023).

[286] Ecco il discorso integrale di Giorgia Meloni alla Camera per la fiducia al governo // La Repubblica, 25.10.2022. URL: https://www.repubblica.it/politica/2022/10/25/news/discorso_integrale_meloni_camera_fiducia-371646980/ (дата обращения 01.08.2023).

центральность «народного суверенитета» призвана гарантировать продвигаемая новым правительством конституционная реформа и прямые выборы президента страны, которые должны помочь Италии перейти от «переговорной демократии» и «решающей демократии» («*passare da una "democrazia interloquente" ad una "democrazia decidente"*»). В-четвёртых, речь идёт о технологическом суверенитете как защите национальных интересов страны в стратегических отраслях, а также о политике реиндустриализации страны. И в-пятых, Мелони говорит о продовольственном суверенитете: необходимости защищать и продвигать интересы итальянских сельхозпроизводителей (и вот только здесь она упоминает европейские институты), с тем чтобы не допустить зависимости Италии от поставок продовольствия из других стран. Таким образом, «суверенитет» и «воля народа» продолжают иметь значения для внутренней легитимации власти, а также для отстаивания внешнеэкономических интересов Италии, но совершенно утрачивают конфликтные коннотации в части взаимодействия с ЕС, как это было в прошлом.

Данные приоритеты нашли отражение и в трансформации ряда министерств, произошедшей во время формирования нового кабинета[287]. Так, бывшее Министерство экономического развития получило имя министерства предприятий и «*made in Italy*» («*ministero delle Imprese e Made in Italy*»), а Министерство сельскохозяйственной, продовольственной и лесной политики («*ministero Delle Politiche Agricole Alimentari e Forestali*») стало называться Министерством сельского хозяйства и продовольственного суверенитета («*ministero dell'Agricoltura e sovranità alimentare*»). Вместе с тем переформатирование министерств отразило также и скептические взгляды правых на задачу двойного перехода, объявленного ЕС: министерство цифрового перехода исчезло совсем, а министерство экологического перехода сменило название, став Министерством окружающей среды и энергетической безопасности, подчеркнув тем самым некото-

[287] Governo Meloni: Made in Italy, sovranità alimentare, merito. Come cambiano i nomi dei ministeri // Il Sole 24 Ore, 23.10.2022. URL: https://www.ilsole24ore.com/art/governo-meloni-made-italy-sovranita-alimentare-merito-come-cambiano-nomi-ministeri-AExI7XAC (дата обращения 01.08.2023).

рую второстепенность обоих «переходов» по сравнению с первостепенной задачей обеспечения энергетической безопасности страны на фоне российско-украинского конфликта. И тем не менее нельзя не отметить, что назначение главой экономического ведомства Д. Джорджетти – бывшего министра экономического развития в правительстве М. Драги – было призвано сохранить преемственность между правительством Мелони и Драги. Также не остался незамеченным и тот факт, что сам Драги постоянно консультировал новый кабинет в процессе передачи полномочий, в том числе по вопросам дальнейших реформ в рамках *PNRR*.

Отход от нативизма: Италия нуждается в мигрантах

Обратимся к анализу второго компонента правого популизма – *нативизму* – чтобы понять, как эволюционировала идеология итальянских правых на этом направлении.

Процесс «демаркации границ» между «своими» и «чужими», как правило, носит определяющий характер для правого популизма. Очерчивания границы нации, правый популизм всегда эксклюзивен, т.е. он четко обозначает те группы, которые не могут стать частью нации и должны быть из неё исключены. Правые популисты разных стран подходят к этой задаче по-разному, используя в качестве критерия «исключения» принцип нативизма (факт рождения) или же, например, выделяя этносы и нации, более или мнее склонные и, напротив, неспособные интегрироваться в принимающее общество.

К 2022 г. идейные воззрения итальянских правых популистов по этому вопросу претерпели существенные изменения. Вплоть до 2022 г. в дискурсе правых «чужим» был этнокультурный иммигрант, претендующий на социальные блага государства. Именно отсюда происходил их известный слоган «*prima gli italiani*» («прежде всего итальянцы»), призванный ограничить доступ к социальным благам только этническими итальянцами. Однако в 2022 г. мы видим, как под влиянием сначала пандемии *COVID-19*, а затем и российско-украинского конфликта, приведшего к новой волне беженцев в ЕС, этнокультурный фактор постепенно теряет значение. Правые перестают говорить о фак-

торе ислама и все больше делают акцент на готовности принять бегущих от войн и вооружённых конфликтов. По-прежнему в их дискурсе звучит нежелание видеть в Италии экономических иммигрантов, ищущих лучшей жизни в Европе. Но в то же время появляется и осознание того, что экономика Италии остро нуждается в рабочей силе, причём не только в квалифицированной. Так, например, в программе «Братьев Италии» в 2022 г. появилось предложение о создании «зелёных коридоров» для сельскохозяйственных рабочих. Более того, в марте 2023 г. СМИ стало известно о намерении Мелони привлечь 500 тыс. трудовых мигрантов[288] в ближайшие два года. Впоследствии появились разные версии о сроках и количестве (глава МВД М. Пьянтедози говорил лишь о 100 тыс.), однако, данный факт так или иначе подтверждает осознание правыми потребности экономики в труде иностранных рабочих. И даже бывший глава региона Сицилия – Нелло Музумечи, занимающий пост министра по гражданской защите и морской политике, призывал к увеличению потоков легальной иммиграции, необходимых для компенсации демографического спада, подчёркивая, что одних гуманитарных коридоров недостаточно, чтобы обеспечить итальянкой экономике необходимое количество занятых[289].

Секьюритизация ислама и акцент на ценностно-религиозных аспектах миграции также практически уходит из дискурса правых. А ведь ещё недавно, в 2019 г. программа «Братьев Италии» объявляла войну «исламизации»: запрещалось строительство мест отправления культа, работа медиа и культурная активность, финансируемые «странами-фундаменталистами», провозглашалась борьба с «прозелитизмом интегралистов», что якобы способствовало распространению терроризма. Тогда же «Братья Италии» выступали против вступления Турции в ЕС, предлагали ограничить количество учеников-иностранцев в

[288] Il governo della destra vuole accogliere mezzo milione di lavoratori immigrati in due anni. E abolire la Bossi-Fini // La Repubblica, 02.03.2023. URL: https://www.repubblica.it/economia/2023/03/02/news/lollobrigida_decreto_flussi_migranti-390164612/ (дата обращения 01.08.2023).

[289] I ministri a Cutro. I meloniani ora vogliono più migranti per coprire i posti di lavoro vacanti // Linkiesta.it, 07.03.2020. URL: https://www.linkiesta.it/2023/03/musumeci-migranti-economici-posti-di-lavoro-vacanti/ (дата обращения 01.08.2023).

классах и требовали ввести политику интеграции для избежания образования гетто. На этом фоне программа 2022 г. выглядит очень умеренно. В ней лишь кратко декларируется, что Европа – это родина иудейско-христианских ценностей и объявляется борьба со «всеми формами антисемитизма, расизма и исламского интегрализма». Никакого разделения наций на тех, которые готовы интегрироваться и тех, которые не готовы, – больше нет. Меры в сфере миграции, которые предлагают «Братья Италии» в программе 2022 г., направлены именно на то, чтобы содействовать легализации потоков. Среди них: жесткий совместный контроль границ ЕС, обустройство центров первичного приёма иммигрантов (так называемых *hotspots*) на территории стран исхода с тем, чтобы ещё на том берегу рассматривать вопрос о выдаче статуса беженца, подписание соглашений со странами исхода о предотвращении нелегальной эмиграции и репатриации. Тем не менее правые настаивают на своем отказе от *ius soli* и всех его возможных вариантов, облегчающих возможность получения итальянского гражданства.

Более жёсткий и детально прописанный подход в отношении иммигрантов сохранила в своей предвыборной программе «Лига». Среди предлагаемых мер возвращение получивших скандальную известность «декретов Сальвини», морской блокады портов для судов правозащитных организаций, введение т.н. «кодексов», регламентирующих действия НПО, депортация мигрантов, совершивших преступления. «Лига» предлагает «принимать тех, кто бежит от войны, репатриировать экономических мигрантов, обеспечивать реальную интеграцию для тех, кто получает статус беженца, препятствовать тому, чтобы Италия оставалась главным европейским лагерем беженцев». Сальвини выступает также против *ius soli*, считая, что гражданство должно стать результатом успешной интеграции, а не условием для неё. Он требует от иммигрантов «уважения к правилам и ценностям, культуре и принципам западного мира». «Лига» настаивает на том, что иммиграция должна быть «квалифицированной» и четко отвечать запросам рынка труда. Таким образом, из всех итальянских правых Сальвини сохраняет максимально жёсткий подход к вопросам иммиграции, демонстрируя наибо-

лее «охранительный» подход к понятию гражданства и нации. Видимо, именно поэтому Дж. Мелони не позволила М. Сальвини снова занять пост министра внутренних дел, на который он претендовал в новом составе правительства. Миграционный вопрос нёс в себе слишком опасный конфликтогенный потенциал, а скандалы, подобные тем, которые регулярно возникали между Римом и Брюсселем и Римом и Парижем в 2018–2019 гг., пока Сальвини был министром, ещё слишком свежи в памяти.

Бессменный лидер «Вперёд, Италии» С. Берлускони также высказывался в пользу легализации потоков, углубления сотрудничества ЕС в вопросах миграции и содействие развитию Африки в качестве ключевого инструмента борьбы с нелегальной миграцией – так называемого «плана Маршалла» для Африки. «Иммиграция – очень сложная проблема, решить которую одними отказом принимать прибывающих точно нельзя. Как вы помните, это европейская проблема, потому что мигранты прибывают в Италию поскольку она географически ближе, но их цель – Европа, а не Италия. Поэтому мы должны просить Европу проявить солидарность и дальновидность как в отношении распределения мигрантов в соответствии с экономическими ресурсами каждой страны, так и в проведении общей политики в отношении Африки. Эта политика должна основываться на двух краеугольных камнях. Первый: соглашения с африканскими странами, особенно со странами, граничащими со Средиземноморьем, с целью остановить отправление мигрантов и пресечь гнусную торговлю людьми, а также организовать репатриацию упорядоченным образом. Второе – это то, что я называю «планом Маршалла для Африки»: мы никогда не остановим такое явление, как миграция, которой, кроме того, способствует китайский экспансионизм в Африке, если мы не дадим этому населению надежду на благополучное будущее на их земле. В то же время, сильное европейское присутствие наряду с развитием африканских стран послужит противовесом присутствию Китая, которое представляет собой великую геополитическую тему XXI века»[290].

Уже в ноябре 2022 г. последовали первые испытания для

[290] L'Europa cammina con noi. Intervista al Cav: …

правительства Мелони в сфере миграции. Тогда судно под немецким флагом запросило разрешения высадить иммигрантов у двух ближайших стран, считающихся «безопасными» – Италии и Мальты. В ответ бывший глава региона Сицилия, а ныне министр по делам Юга и моря Нелло Музумечи заявил о том, что судно НПО *Humanity* ходит под немецким флагом, т.е. оно – «часть немецкого государства», а значит вопрос с прибывшими на нём мигрантами должна решать Германия. Эту же позицию отстаивали новый министр внутренних дел – Маттео Пьянтендози и вице-премьер М. Сальвини. Ещё два судна – *Rise Above* (по немецким флагом) и *Ocean Viking* (под норвежским) – с 90 и 234 мигрантами на борту – также находились недалеко от берегов Катании. С третьего судна – *Geo Barents* (под норвежским флагом) – в соответствии с международным правом на итальянский берег эвакуировали тех, у кого серьёзные проблемы со здоровьем. Европейская комиссия обратилась к Италии с просьбой «гарантировать право на убежище». На что Мелони высказалась о необходимости «защиты границ, поскольку итальянцы за это голосовали».

Между тем Франция, приняв *Ocean Viking*, публично обвинила итальянское правительство в «неприемлемом поведении». Министр внутренних дел Франции заявил, что оно повлечёт «экстремально тяжёлые последствия» для двусторонних отношений и блокировку приёма 3500 мигрантов из Италии. Кроме того, он призвал всех стран-участниц европейского механизма распределения, и в частности, Германию, сделать то же самое. Следом последовала и угроза активизировать «механизмы повышенного контроля на внутренних границах с Италией».

Новый конфликт Италии и Франции из-за проблемы миграции последовал уже в мае 2023 г. Италия столкнулась с «очень серьёзным миграционным кризисом», но «неспособна справиться с миграционными проблемами», – заявил тогда министр внутренних дел Франции Жеральд Дарманен. «Ультраправое правительство Мелони, выбранное друзьями М. Ле Пен, – добавил министр, – неспособно справиться с миграционными проблемами, ради которых оно было избрано». Глава Мид Италии Антонио Таяни в связи со сказанным отменил поездку в Париж, на-

звав слова министра «неприемлемыми»[291].

Тем не менее помимо публичных пикировок с Францией, правительство Мелони до сих пор не предпринимало каких бы то ни было радикальных, несогласованных с ЕС действий в сфере миграции. Несмотря на растущую в 2022 и особенно с января 2023 г. миграционную нагрузку, кабинет правых не перестал принимать суда с иммигрантами, не заблокировал порты, не принял никакого ужесточающего законодательства. Вместе с тем за первые 5 месяцев 2023 г. в Италию прибыли почти 49 тыс. иммигрантов против 19 тыс. за аналогичный период прошлого года[292]. По словам эксперта в сфере миграции Института международных исследований (*ISPI*) Маттео Вилла, «итальянская линия кажется даже более мягкой, чем у некоторых североевропейских стран, которые в обнародованных позиционных документах предлагают использовать очень жесткий подход к тем третьим странам, которые не увеличивают масштабы репатриации своих соотечественников»[293]. Отсутствие со стороны Мелони более активных действий в сфере миграции и её упор на решение данного вопроса исключительно на уровне ЕС даже становятся поводом для внутрикоалиционной оппозиции в лице М. Сальвини, который неустанно апеллирует к тому факту, что именно в тот период, когда он возглавлял МВД, количество въезжающих было наименьшим.

Кораблекрушение у г. Кутро в Калабрии 26 февраля 2023 г., повлёкшее гибель 79 мигрантов, повлекло за собой новый декрет правительства. Документ ужесточает наказание для «ска-

---

[291] Scontro Italia-Francia sui migranti. Poi Parigi tenta di ricucire ma salta il viaggio di Tajani // Agi.it, 04.05.2023. URL: https://www.agi.it/politica/news/2023-05-04/darmanin-francia-italia-migranti-scontro-21233628/ (дата обращения 10.05.2023).

[292] Viminale: da inizio anno arrivati 48.837 immigrati, 5.504 sono minori // SkyTG24, 30.05.2023. URL: https://tg24.sky.it/cronaca/2023/05/30/viminale-da-inizio-anno-arrivati-48837-immigrati-5504-sono-minori#:~:text=Immigrati%2C%2019.392%20sbarchi%20e%2048.837,dati%20del%20Viminale%20%7C%20Sky%20TG24 (дата обращения 30.07.2023).

[293] «Il governo Meloni è in grande difficoltà sulla questione dei migranti», una conversazione con Matteo Villa // Le Grand Continent, 04.04.2023. URL: https://legrandcontinent.eu/it/2023/04/04/il-governo-meloni-e-in-grande-difficolta-sulla-questione-dei-migranti-una-conversazione-con-matteo-villa/ (дата обращения 30.07.2023).

фистов» («*scafisti*») и траффикантов, содействующих нелегальной миграции, ограничивает применение мер так называемой «специальной защиты»[294], предполагает расширение и упрощение функционирования Центров временного пребывания и репатриации (*Cpr*), расширение каналов легального въезда, и также пересмотр в сторону увеличения декрета о потоках (*decreto flussi*), посредством которого регулируются квоты на иммигрантов.

Однако правительство Мелони, очевидно, в гораздо большей мере рассчитывает на многосторонние усилия в вопросах миграции, нежели чем на инструменты суверенного государства, как это делал М. Сальвини в 2018–2019 гг. По итогам практически всех встреч на уровне ЕС и с главами отдельных государств Союза, в ходе которых обсуждался вопрос миграции, Мелони неизменно выражала удовлетворение движением вперёд, к совместному решению проблемы. Так, в частности, после встречи министров внутренних дел ЕС 8-9 июня 2023 г., где было принято решение о новом «Пакте о миграции», Мелони заявила, что удовлетворена продвижением вопроса и ЕС «совершает поворот» в вопросах миграции, а глава МВД М. Пьянтендози добавил: «Италия достигла консенсуса по всем предложениям, выдвинутым на сегодняшнем заседании Совета. Прежде всего, мы отказались от гипотезы о том, что Италии и всем государствам-членам первого въезда будут платить за то, чтобы они удерживали незаконных мигрантов на своей территории. Италия не будет центром сбора иммигрантов от имени Европы»[295]. Весьма показательным стало заседание Евросовета 29-

---

[294] «Декреты безопасности» М. Сальвини, принятые в 2018–2019 гг., отменили право на убежище по гуманитарным основаниям, введя вместо него более узкое понятие «специальной защиты». В соответствии с ним в процессе рассмотрения ходатайства беженцев учитывались такие вопросы, как характер и действенность семейных связей заинтересованного лица, степень его социальной интеграции в Италии, продолжительность его пребывания на национальной территории, а также наличия семейных, культурных или социальных связей с его страной.

[295] Svolta in Ue, c'è l'accordo sul Patto migranti. Meloni: «Passi avanti, il problema è di tutti» // RaiNews, 09.06.2023. URL: https://www.rainews.it/articoli/2023/06/svolta-in-ue-ce-laccordo-sul-patto-migranti-meloni-passi-avanti-il-problema-e-di-tutti-90546557-47fd-4aad-a8b3-a77473032282.html (дата обращения 01.08.2023).

30 июня 2023 г., где коллеги Мелони из Польши и Венгрии – В. Орбан и М. Моравецкий, которых принято было считать идейными союзниками «Братьев Италии» в вопросах суверенизма – наложили вето на решения по вопросам миграции, которое продвигала Мелони. В частности, они отказались поддержать пункт об обязательном распределении иммигрантов внутри ЕС и пункт о введении штрафов для тех стан, которые отказываются принимать мигрантов по распределению. Несмотря на это Мелони заявила, что не считает итоги саммита неудовлетворительными[296] и понимает решение лидеров Польши и Венгрии, вызванное тем, что эти страны приняли большое количество украинских беженцев и содержат их при недостаточном финансировании со стороны ЕС. Поэтому отказ Орбана и Моравецкого поддержать документ Мелони объяснила объективными национальными интересами Венгрии и Польши, добавив при этом, что главное – вести совместную работу в странах исхода для того, чтобы мигранты перестали уезжать, а не продолжать внутренние распри в рамках ЕС.

В целом шаги правительства Мелони в сфере миграции нельзя назвать суверенитстскими – в их основе лежит стремление добиться того, чтобы голос Италии был услышан в ЕС, но добиться не посредством ультиматумов или демаршей, а посредством переговоров. Нельзя не отметить, что данный подход встречает готовность ЕС идти на диалог и искать совместные ответы на озабоченность Италии: в Брюсселе готовы развивать сотрудничество с южными соседями для предотвращения исхода мигрантов. Одним из ярких примеров тому стала совместная поездка в Тунис Дж. Мелони, главы Еврокомиссии У. фон дер Ляйен и премьер-министра Нидерландов М. Рютте, названных «командой Европы»[297], что подчёркивает солидарный характер

[296] Consiglio Ue, salta l'accordo sui migranti: pesano i no di Polonia e Ungheria. Meloni «soddisfatta» // RaiNews, 30.06.2023. URL: https://www.rainews.it/maratona/2023/06/meloni-e-i-26-a-bruxelles-ucraina-nato-e-russia-allapertura-dei-lavori-del-consiglio-europeo-65c440a1-2199-4d2d-b121-766bd2ce4988.html (дата обращения 13.07.2023).

[297] Press statement by President von der Leyen with Italian Prime Minister Meloni, Dutch Prime Minister Rutte and Tunisian President Saied. European Commission. 11.06.2023. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/news/press-statement-president-von-der-leyen-italian-prime-minister-meloni-dutch-prime-

попыток решения миграционной проблемы. В ходе визита Тунису была обещана помощь в экономическом развитии в размере 1 млрд 50 млн евро, инвестиции в создание подводных кабелей *Elmed* и *Medusa*, а также выделены средства на совершенствование борьбы с нелегальной миграций, пограничную охрану и пр. Мелони объявила о проведении двусторонней конференции в Риме по экономическому и миграционному сотрудничеству между ЕС и Тунисом осенью 2023 г., претендуя тем самым на роль драйвера в выстраивании диалога с этим важным средиземноморским партнёром Союза.

Таким образом, нативизм правопопулистской коалиции и её подход к решению миграционной проблемы претерпели существенные изменения в преддверии выборов 2022 г. и в настоящее время продолжают эволюционировать в сторону большей умеренности и диалога с ЕС. В этой связи Кабинет Мелони вынужден искусно лавировать между необходимостью конструктивных взаимоотношений с Брюсселем и сформированной в предыдущие годы идентичностью правопопулистских избирателей, требующей более решительных действий на фоне роста числа прибывающих иммигрантов. Так, согласно опросам, 69% итальянцев считают, что поиск решения миграционной проблемы должен вестись на уровне ЕС, что совпадает и с подходом Дж. Мелони. Но при этом 52% опрошенных считают, что это правительство не сможет предложить адекватной миграционной политики[298].

Неавторитарный популизм

Авторитаризм, согласно концепции К. Мюдде, является третьим слагаемым правого популизма. Исследуя данный феномен, исследователи часто говорят об авторитаризме в двух аспектах – как характеристике популистских лидеров[299] и как о характеристике той модели общества, которую продвигают по-

---

minister-rutte-and-2023-06-11_en (дата обращения 11.06.2023).

[298] Più di 1 italiano su 2 boccia il governo Meloni sui migranti: il sondaggio Quorum/Youtrend su partiti e leader // Il Riformista, 13.06.2023. URL: https://www.ilriformista.it/piu-di-1-italiano-su-2-boccia-il-governo-meloni-sui-migranti-il-sondaggio-quorum-youtrend-su-partiti-e-leader-347823/ (дата обращения 01.08.2023).

[299] Laclau E. On Populist Reason …

пулисты[300], выступая за жёсткий контроль в сфере безопасности и охраны порядка, призывая к контролю над морально-этическими ценностями общества и активно используя методы биовласти, такие как регулирование гендерного вопроса, взаимоотношений полов, суррогатного материнства и пр.

Если посмотреть на партии правопопулистской коалиции с этого ракурса, то первое, что бросается в глаза, это то, что и «Лига», и «Братья Италии, и «Вперёд, Италия» являются партиями лидерского типа. Берлускони был бессменным лидером своей партии почти 30 лет, Мелони – с момента основания «Братьев Италии», Сальвини – также более 10 лет. Это лидеры, обладающие довольно большой харизмой. Более того, на протяжении последних пяти лет степень персонализации власти внутри партий только возрастает, о чём свидетельствуют персональные рейтинги этих лидеров, неизменно и довольно существенно превышающие рейтинги возглавляемых ими партий. Все трое, включая С. Берлускони вплоть до своей смерти 12 июня 2023 г., постоянно практиковали прямое общение с избирателями, активно используя социальные сети, новые технологии и т.н. «площадную дипломатию», постоянно поддерживая образ «выходца из народа». Кроме того, Мелони показала себя довольно авторитарным лидером внутри коалиции. Так, например, накануне выборов 2022 г. она заявила в ответ на высказывания С. Берлускони об украинском кризисе: «Кто не следует атлантической линии, не войдёт в состав правительства. Даже ценой его неформирования. Никто, повторяю, никто не может позволить себе даже обсуждать это»[301].

В целом Мелони отвергает все обвинения в авторитаризме. В своём выступлении в парламенте 25 октября 2022 г. она обещала, что её правительство «никогда не ограничит свободу

---

[300] Norris P., Inglehart R. Cultural Backlash: The Rise of Populist Authoritarianism. 2019. Cambridge: CUP. 300 p.

[301] Nuovo audio di Berlusconi: «Non dico cosa penso di Zelensky». Meloni: «Chi non segue linea atlantica non sarà al governo, a costo di non farlo» // Il Fatto Quotidiano, 19.10.2022. URL: https://www.ilfattoquotidiano.it/live-post/2022/10/19/nuovo-audio-di-berlusconi-non-dico-cosa-penso-di-zelensky-meloni-chi-non-segue-linea-atlantica-non-sara-al-governo-a-costo-di-non-farlo/6843523/ (дата обращения 01.08.2023).

граждан и существующие права, включая право на аборт»[302]. В этом же выступлении она вновь подтвердила, что никогда не была близка идеям фашизма, и пообещала бороться со всеми формами расизма и дискриминации. В тексте выступления слово «демократия» встречается 15 раз. По меткому выражению О.Н. Барабанова, «против «Братьев Италии» играют лишь призраки исторического генезиса»[303].

Обвинения в авторитаризме и «закручивании гаек» последовали сразу же после первого заседания нового совета министров, в ходе которого правительством был одобрен так называемый «декрет о вечеринках» («*decreto rave*»), который запретил их проведение в ночное время, обосновав это требованиями безопасности и правопорядка. Немедленно поднявшийся вслед за этим шквал критики в адрес нового правительства с обвинениями в урезании свободы слова и собраний, уже вскоре заставил Мелони пойти на попятную, сказав, что закон может быть изменён[304], в частности, в ходе слушаний в парламенте, которые ещё только предстоят.

Существенная часть опасений, связанная с возможностью авторитарного крена во время пребывания правых у власти, связана с продвигаемой ими конституционной реформой, предполагающей переход к президенциализму.

Действительно, с момента основания «Братьев Италии» и вплоть до 2022 гг. одним из ключевых столпов их программы была институциональная реформа. Её предлагали в своих программных документах и «Лига», и «Вперёд, Италия». Необходимость в этой реформы вызвана, с точки зрения правых, хронической политической нестабильностью, которая наносит ущерб репутации страны за рубежом и её экономике. Переход

---

[302] Le dichiarazioni programmatiche del Governo Meloni // Governo.it, 25.09. 2022. URL: https://www.governo.it/it/articolo/le-dichiarazioni-programmatiche-del-governo-meloni/20770 (дата обращения 01.08.2023).

[303] Барабанов О.Н. Выборы в Италии: можно ли голосовать не так, как надо // МДК «Валдай», 05.10.2022. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vybory-v-italii-mozhno-li-golosovat-ne-tak-kak-nado/ (дата обращения 12.06.2023).

[304] Decreto Rave, Meloni: «Disponibili ad ascolto per migliorare norma, ma no a critiche pretestuose». URL: https://www.youtube.com/watch?v=YqQ0pKViFt4 (дата обращения 01.08.2023).

к президенциализму гарантирует стране стабильность и восстановит центральное место народному суверенитету. Эта реформа, по мнению Мелони, позволит Италии перейти от «переговорной демократии» к «решающей демократии».

Нет сомнений, что в итальянском обществе присутствует запрос на более стабильную политическую систему, без ежегодных политических кризисов, стремление обрести более «ответственное» политическое лидерство. Общий тренд на персонализацию власти закрепился еще во время пандемии и получил свое продолжение с началом новой «чрезвычайной» ситуации – российско-украинского конфликта. Это фактор стал важнейшим в итальянской политике последних лет. Уровень доверия к политико-административным институтам в Италии не превышает 20-30% уже не одно десятилетие[305]. На этом фоне уровень персонального доверия ко многим «профессионалам», пришедшим в правительство во время пандемии, включая и Дж. Конте, и М. Драги, превышал 70%. Стабильно высокие рейтинги доверия (около 70%) – у Президента Республики[306]. Мелони выступает за полупрезидентскую модель по опыту Франции, Сальвини в качестве успешно работающей модели предлагает использовать опыт выборных глав регионов и коммун Италии. Всенародно избранный президент, по их мнению, должен сплотить нацию, внутри которой по-прежнему наблюдается много расколов. И действительно, опросы общественного мнения показывают, что более 80% сторонников правоцентристов, и более 60% электората Демпартии, приветствовали бы введение прямых всенародных выборов президента страны[307].

Президенциализм, по мнению правых, не несёт в себе риск авторитаризма, поскольку он должен быть уравновешен дальнейшим развитием региональной автономии, с тем чтобы до-

---

[305] Ladini R. Tra convergenza e divergenza: orientamento politico e fiduciadegli italiani verso le istituzioni // Quaderni di sociologia. 2021. 87- XLV. Pp. 65-88.

[306] La fiducia nelle istituzioni del Paese // Istat. 16.05.2022. URL: https://www.istat.it/it/files/2022/05/Fiducia-cittadini-istituzioni2021.pdf (дата обращения 30.06.2023).

[307] Sablone L. Gli italiani vogliono il presidenzialismo // Il Giornale, 13.12.2021. URL: https://www.ilgiornale.it/news/politica/sondaggio-sul-presidenzialismo-lelezione-diretta-piace-74-1995578.html (дата обращения 30.06.2023).

биться максимальной горизонтальной субсидиарности, которая полностью отвечает задаче «приближения власти к народу», прямой демократии и участия граждан в управлении государством.

Принцип региональной автономии был введен в 1970-х гг., а затем продолжен в рамках конституционной реформы 2001 г., однако не реализован в полной мере. С 2001 по 2017 гг. в ряде регионов страны прошли референдумы о предоставлении большей автономии (Ломбардия, Венето), однако, данный процесс так и не был завершён. Программа «Лиги» предполагает «федерорегионализм», основанный на принципе дифференцированной автономии регионов. Идея большей самостоятельности по-прежнему импонирует тем регионам Италии (в основном северным), которые считают, что могут быть более успешными при реализации максимальной субсидиарности и минимизации вмешательства центра. Успех некоторых из них в борьбе с пандемией ещё больше укрепил их в этом убеждении. Однако, со стороны менее успешных регионов и ряда партий (прежде всего Д5З) звучат опасения, что реализация дифференцированной автономии приведёт к появлению граждан категории «А» (в более богатых регионах) и граждан категории «Б» – в менее успешных. Поэтому и в этом вопросе политическое поле продолжает быть фрагментированным и расколотым.

Более того, внутренний раскол угрожает и «Лиге», чья идеология изначально была основана на принципе большей автономии северных регионов. Сегодня всем уже очевидно, что отход Сальвини от этого положения в середине 2010-х гг., воспринятый поначалу как тактический ход для того, чтобы заручиться электоральной поддержкой южан, был вовсе не временным манёвром. Когда в 2018 г. эта трансформация принесла партии невиданный рост, казалось, что этот отход от базовой идеологии был оправдан. Однако после выборов 2022 г., когда партия показала скромные 8% голосов, среди лигистов возникли сомнения относительно того, правильной ли была эта стратегия, либо же она привела лишь к «утрате корней», т.е. социальной базы на севере страны, а затем и к падению популярности партии в целом. Последние выборы на Севере (в частности, в Падуе и

Вероне) стали иллюстрацией данного процесса. Это привело к возвращению к активной деятельности отца-основателя «Лиги Севера» У. Босси, который, фактически обвинив Сальвини в предательстве, объявил о создании «Комитета Севера» и заявил о необходимости организации в партии «революции снизу»[308]. Члены «Комитета» требуют создания новой идентичности партии и возрождения её присутствия «на земле», начав с проведения местных конгрессов для переизбрания партийных комиссаров. Пока нет достаточных оснований для того, чтобы утверждать, что лидерство Сальвини в партии под вопросом, однако, очевиден и тот факт, что партия в ближайшем времени может столкнуться с необходимостью пересмотра собственной идентичности и отношений с низовыми территориальными структурами.

Таким образом, очевидно, что все три компонента идеологии правых популистов – нативизм, собственно популизм как стратегия, и авторитаризм находят достаточно скромные проявления и в партийных программах 2022 г., и в практических шагах нового Кабинета, возглавляемого Дж. Мелони. Итальянский правый популизм движется в сторону большей умеренности и успешно «социализируется» в рамках институтов представительной демократии, фактически, оставляя за спиной те идентичности, которые были сформированы ими в предыдущие годы – вокруг суверенизма, евроскептицизма, ксенофобии и секьюритизации общественной жизни. В вопросах ценностно-культурной идентичности правым пока удаётся сохранять верность своим прежним идейным положениям, что выражается в попытке законодательно запретить регистрацию[309] детей от однополых браков, вызвавшей осуждение в ЕС и призыв Европейского парламента отозвать решение[310], а также в идее введения на-

[308] Cosa sta succedendo nella Lega: Salvini rischia? // Today.it, 07.12.2022. URL: https://www.today.it/politica/cosa-succede-lega-nord-salvini-bossi.html (дата обращения 01.08.2023).

[309] Prestigiacomo D. Perché l'Europa non chiede di riconoscere la maternità surrogata (né le famiglie gay) // Europa Today, 07.03.2023. URL: https://europa.today.it/fake-fact/legge-ue-maternita-surrogata-coppie-gay.html (дата обращения 10.07.2023).

[310] Il Parlamento europeo condanna il no dell'Italia alle registrazioni dei figli delle coppie gay // ANSA. 30.03.2023. URL: https://www.ansa.it/europa/notizie/rubrich

казания за суррогатное материнство, реализованное в т.ч. за границей (в самой Италии оно запрещено)[311]. Однако в целом сегодня мы видим, что популисты полностью встроились в систему репрезентативной демократии. Первоначальный антиинституционализм популистов не получил своего дальнейшего развития. Дискуссии об институциональной реформе, переходе к президенциализму ведутся, но в рамках законодательного процесса. О замене репрезентативной демократии какой-либо другой моделью речи не идёт, слома институтов не происходит.

В поисках альтернативы правым популистам: Д5З и Демпартия

Левые популисты – «Движение 5 звёзд» – с приходом Кабинета Мелони приняли роль непримиримой оппозиции. Как в социально-экономических вопросах – настаивая на введении минимального размера оплаты труда, сохранении «дохода гражданина», ухода от практики временных трудовых договоров и ряде других мер борьбы с прекариатом. Так и в вопросах, связанных с международной повесткой: Д5З выступает против чрезмерных трат на оборону и продолжения поставок оружия Украине, а также противостоит идее распечатки национальных месторождений углеводородов для снижения зависимости от импорта газа.

Одновременно Дж. Конте пытается вернуть партии взаимосвязь с гражданским обществом, начав выстраивать территориальные ячейки в локальных коммунах. «Этот процесс ознаменует радикальные изменения в нашей истории, – гласит обращение Конте на сайте партии. – Однако недоразумений быть не должно: территориальные группы не будут местами, где мы будем совершать пустые литургии, как это происходит в традиционных партиях. Это будут моменты конфронтации, в которых материализуется наша идея «активного гражданства», когда граждане будут призваны сознательно осуществлять свои пра-

---

e/politica/2023/03/30/il-pe-condanna-lo-stop-di-roma-a-registrazioni-dei-figli-di-coppie-gay-_24e38a1c-5be0-4b73-9453-1d8aa3b5041f.html (дата обращения 05.07.2023).

[311] Piccirilli A. Fratelli d'Italia vuole punire la maternità surrogata anche se realizzata all'estero // Today.it, 06.03.2023. URL: https://www.today.it/politica/maternita-surrogata-legge-fratelli-d-italia.html (дата обращения 01.08.2023).

ва и присылать нам идеи и предложения для проведения той политики, которая бы все больше приближалась к реальным потребностям граждан, всех граждан без исключения»[312]. По данным официального сайта партии, на сегодняшний день существует уже более 80 подобных территориальных ячеек с более чем 20 тыс. участников. Целью таких групп Конте называет совершенствование практики «активного гражданства», «преодолевая недовольство, которое многие граждане проявляют к политике, считая её неспособной взять на себя ответственность за судьбу общества и найти решения для благополучия всех, а не для пользы нескольких». Таким образом, Д5З пытается вновь оседлать тот «дух антиполитики», который не иссякает в итальянском обществе, и тот гражданский активизм, который находит сегодня выражение в активной деятельности «третьего сектора» – НКО и НПО, но не в поддержке политических партий.

Демократическая партия после отставки Н. Дзингаретти (ушедшего с поста лидера партии после неудовлетворительных итогов парламентских выборов 2022 г.) и избрания на его место Элли Шляйн также находится в стадии трансформации и поиска новой идентичности. Главным вопросом для ДП по-прежнему является вопрос о взаимоотношениях с Д5З. С одной стороны, практическая необходимость толкает левоцентристов на создание коалиции, поскольку выборы 2022 г. явно показали, что при действующем избирательном законодательстве ни одна из политических сил в одиночку не в состоянии победить. Кроме того, у ДП и Д5З есть ряд важных программных совпадений социально-экономического характера, как то, например, введение минимального размера оплаты труда, борьба с прекариатом, временными трудовыми контрактами и др. Нет между ними и серьёзных противоречий по вопросам прогрессистских ценностей, поддержки ЛГБТ+ и пр. И Д5З, и ДП выступают против институциональной реформы Мелони, в частности, против прямого избрания первых лиц страны – президента и премьер-министра. С точки зрения Демпартии, для укрепления доверия граждан к

[312] Conte G. Nascono i primi gruppi territoriali. Movimento 5 Stelle. 30.05.2023. URL: https://www.movimento5stelle.eu/nascono-i-primi-gruppi-territoriali/ (дата обращения 30.06.2023).

институциональной системе страны достаточно лишь электоральной реформы: отмены т.н. «блокированных списков» и введения системы «конструктивного недоверия» подобно той, что действует в Германии. Интересно, кстати, что Шляйн заговорила также о необходимости укрепления механизма референдумов, заходя тем самым на поле популистов с их идеей прямой демократии.

Однако ключевым разногласием между Д5З и ДП по-прежнему остается вопрос о поддержке Украины и отправке оружия Киеву. Э. Шляйн формально она ни разу не нарушала партийной солидарности, когда дело касалось голосования в парламенте по вопросам Украины. Но в своих высказываниях до вступления в должность Э. Шляйн весьма прозрачно намекала на своё отношение к оружию: «Для меня как человека, вышедшего из культуры разоружения, это настоящая этическая дилемма. Я думаю, что мир никогда не достигается с помощью оружия. Но мне также не хочется демонизировать кого-либо, кто откликнулся на конкретный запрос о поддержке украинского сопротивления. То, что меня действительно беспокоит, – это гонка вооружений в Европе. Общая оборона должна служить оптимизации, рационализации общих военных расходов отдельных стран, а не их увеличению», – говорила она в интервью *La Repubblica* в марте прошлого года[313]. В июне 2023 г. на голосовании в Европарламенте Э. Шляйн выступила против использования средств *PNRR* для финансирования Украины, в то время как часть депутатов от ДП выступили за[314], поддержав позицию правых.

В этом контексте сближение Э. Шляйн и Дж. Конте, к которому лидер Демпартии явно относится благосклонно, кажется, способно вызвать раскол внутри левоцентристов. Так, в частно-

---

[313] Elly Schlein: La pace in Ucraina non si fa con le armi. Sosteniamo l'accoglienza, sbagliato aumentare le spese militari // La Repubblica, 18.03.2022. URL: https://www.google.com/amp/s/www.repubblica.it/politica/2022/03/18/news/elly_schlein_e_lappuntamento_a_roma_con_visione_comune_la_pace_in_ucraina_non_si_fa_con_le_armi-341888546/amp/ (дата обращения 01.08.2023).

[314] Altre armi all'Ucraina (anche con i soldi Pnrr se serve), l'Eurocamera dà il via libera: la destra a favore, il M5s vota no, il Pd si spacca // La Repubblica, 01.06.2023. URL: https://www.ilfattoquotidiano.it/2023/06/01/altre-armi-allucraina-anche-con-i-soldi-pnrr-se-serve-leurocamera-da-il-via-libera-la-destra-a-favore-il-m5s-vota-no-il-pd-si-spacca/7180218/ (дата обращения 05.07.2023).

сти, разногласия внутри ДП уже перешли в стадию манифестации, когда Э. Шляйн приняла участие в митинге в Риме, организованном Д5З против роста прекариата[315]. Тогда Алессио Д'Амато, проигравший кандидат от левоцентристов на последних региональных выборах в Лацио, в знак протеста вышел из национальной ассамблеи Демпартии (аналог внутрипартийного парламента). Помимо несогласия с позицией Д5З по Украине, многих в Демпартии раздражает и риторика пятизвёздочников, их методы политической борьбы. В частности, Б. Грилло выступил перед публикой на митинге 17 июня со словами: «Соберите гражданские бригады, наденьте балаклавы и ночью, незаметно, займитесь хозяйством, отремонтируйте тротуары. Действуйте!»[316]. Этот призыв к гражданской активности, немедленно воскресивший в памяти Демпартии и «Вперёд, Италии» эпоху «Красных бригад», был воспринят как проявление антисистемности пятизвёздочников, провокация и подстрекательство к актам гражданского неповиновения.

Таким образом, в левой части политического спектра не заканчивается поиск новой идентичности, переосмысления своих программных положений, которые можно было бы противопоставить правым популистам. И Д5З, и Демпартия пытаются нащупать взаимосвязи с гражданским обществом, побудить избирателей к более активному участию в политике, однако, признаков кардинальных изменений на этом направлении пока не наблюдается. Оснований для разногласий между политиками и электоратом левого спектра пока больше, чем общего видения, а альтернативной модели будущего пока не просматривается. Картина по-прежнему остается мозаичной и фрагментированной, а внутренние расколы и идейные трансформации не способствуют росту доверия со стороны граждан.

---

[315] La partecipazione di Elly Schlein alla manifestazione del M5S ha avuto conseguenze // Il Post, 01.06.2023. URL: https://www.ilpost.it/2023/06/19/schlein-manifestazione-conte-movimento-5-stelle-polemiche/?utm_source=ilpost&utm_medium=leggi_anche&utm_campaign=leggi_anche (дата обращения 01.08.2023).

[316] Beppe Grillo sulle brigate di cittadinanza: Fermatevi, possibile che prendiate tutto sul serio? // Fanpage.it? 19.06.2023. URL: https://www.fanpage.it/politica/beppe-grillo-sulle-brigate-di-cittadinanza-fermatevi-possibile-che-prendiate-tutto-sul-serio/ (дата обращения 01.08.2023).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ТРАНСФОРМИЗМ ИТАЛЬЯНСКОГО ПОПУЛИЗМА: ИЗ АНТИПОЛИТИКИ В МЕЙНСТРИМ

Опасения и риски тотального суверенитсткого и евроскептического дрейфа, которых опасались во время предвыборной кампании 2022 г., до сих пор оказались необоснованными. Коалиция правоцентристов, сформировавшая новое правительство, не предприняла никаких морских блокад судов НПО, спасающих мигрантов, никаких радикальных шагов в сфере иммиграции, противоречащих нормам международного права. Не было также кризисов в процессе согласования бюджета, подобных тем, который случился осенью 2018 г. во время «правительства перемен». Не случилось никаких институциональных революций, призванных отменить репрезентативную демократию и заменить её прямой, делиберативной или какой бы то ни было иной моделью. Не произошло отмены евро и выхода из европейских трактатов, не сложилось и дружбы с Россией и Китаем. Внешняя политика популистских правительств предоставила хорошие примеры непоследовательности и в то же время преемственности итальянской политики. Партии, которые вели полемику против евро, отменили эту идею, как только пришли к власти. А сами идеологи отказа от евро, широко раскрученные в СМИ в период с 2013 по 2018 г., были оттеснены партиями на задний план и никогда не занимали руководящих постов в правительстве.

В этом смысле «Лига», изначально глубоко укоренённая в малой и средней промышленности Севера и социальных движениях, направленных против истеблишмента, суверенинстских и евроскептических, стала лучшим примером политического популизма, всегда готового к трансформации. То же самое можно сказать и о «Движении 5 звёзд» – антипартии, ратовавшей за гражданское общество и начавшей в 2023 г. заново выстраивать территориальное присутствие и проповедовать «гражданский активизм». Партии, которая вплоть до 2018 г. продвигала идею референдума о выходе из зоны евро, а затем, в 2019 г., оказала решающую поддержку У. фон дер Ляйен на на выборах председателя Европейской комиссии.

Пандемия *COVID-19* и российско-украинский конфликт стали важными факторами трансформизма для итальянских популистов. Если раньше, после присоединения Крыма к России в 2014 г., лидеры «Лиги», «Вперёд, Италии» и даже представители «Братьев Италии» видели в российском президенте и российской модели консерватизма пример сохранения собственной национальной идентичности и защиты национальных интересов, то 2022 г. стал годом разворота на 180 градусов в их взглядах. Все итальянские популисты – и правые, и левые – сошлись в оценках действий России на Украине, после чего все, кроме «Братьев Италии», поддержали правительство национального единства Драги, и все без исключений заняли евроатлантическую позицию в конфликте, даже несмотря на разное отношение к вопросу поставок оружия. Вместе с тем растёт усталость граждан от Украины: опросы фиксируют снижающийся интерес к данному конфликту[317]. Опасения по поводу возможности выхода конфликта за границы Украины и вовлечения в него стран НАТО испытывают все меньше итальянцев. Около трети граждан выступают за немедленное прекращение поставок оружия Киеву, а поддерживает их продолжение лишь 47%. В целом эти данные свидетельствуют в пользу того, что база поддержки правительства Мелони в данном вопросе сокращается, а силы, выступавшие против поставок, как, например, «Движение 5 звёзд», могут получить в будущем рост симпатий электората.

Даже в вопросах первостепенной значимости для идеологии правых популистов – в сфере миграции – эти партии перешли на позиции укрепления европейской солидарности и совместного решения проблем, отказавшись от дискурса вокруг суверенитета в защите национальных границ, и пересмотрев риторику нативизма и ксенофобии.

Реализм и прагматизм – стали основными идеями правоцентристского правительства. Максимальное задействование

---

[317] Sondaggio Swg: «Sì alle armi all'Ucraina» solo per il 47% degli italiani // Tg.la7.it, 02.10.2023. URL: https://tg.la7.it/sondaggi/sondaggio-swg-s%C3%AC-alle-armi-allucraina-solo-per-il-47-degli-italiani-02-10-2023-195031 (дата обращения 09.11.2023).

фондов ЕС было возможно только благодаря обеспечению преемственности с правительством Драги, чьи заслуги высоко оценивают в Брюсселе. И правые обеспечили эту преемственность, лишив тем самым левоцентристов значительного количества аргументов против правых. Первый внешнеполитический визит Мелони совершила в Брюссель. К работе по формированию новой программы правительства она привлекла М. Драги. Окончательно доверием в Брюсселе можно было заручиться только публично отрёкшись от заигрывания с Россией и Китаем – и правые отреклись, отказавшись не только от российского газа, но и от продления меморандума с Китаем о сотрудничестве в рамках инициативы «Пояс и путь», подписанного правительством Дж. Конте в 2019 г. Взамен правительство Мелони получило негласный статус протагониста в реализации нового курса ЕС в Средиземноморье и надеется стать энергетическим хабом ЕС, а также центральным звеном экономического коридора Индия – Ближний Восток – Европа (*Imec*).

Интересным примером трансформизма является и сам метод формирования правительства Мелони. «Поколение Мелони», правящий класс её партии, сопровождавший её восхождение, почти полностью отстранено от важных государственных постов. Премьер-министр предпочла опираться на опытные кадры, многие из которых делали карьеру ещё в правительстве Берлускони (11 из 24 министров кабинета Мелони имеют подобный опыт). Министры «Братьев Италии», такие как Фитто, Урсо, Крозетто, Мантовано, Фаццолари, уже были частью правящего класса и являются опытными чиновниками, в то время как соратники Мелони почти все остались на депутатских местах в парламенте, что в очередной раз подтверждает курс премьер-министра на преемственность, а не на разрыв. Не коснулись радикальные изменения и глав ведущих итальянских государственных и полугосударственных корпораций – эта часть элиты также сохранила свои позиции.

С другой стороны, однако, правительство вынуждено продолжать культивировать некоторые правые идеи. Так, например, затормозилась реформа по либерализации пляжных концессий, негативно воспринимаемая правым электоратом. Про-

должаются попытки протекционистской политики в отношении итальянских продуктов; лингвистические и юридические битвы за культурную идентичность, права традиционной семьи и пр. Это отражает необходимость поддерживать лояльность более радикального электората, взращенного «Братьями Италии» путём многолетних обещаний и электоральных баталий на скамейке последовательной оппозиции.

Таким образом, с приходом популистов во власть не случилось смены одной гегемонии на другую (в понимании гегемонии А. Грамши и Э. Лаклау). Итальянская политика как была, так и осталась лоскутным одеялом, где в основе лежит не смена модели развития, не отказ от одной альтернативы в пользу другой, а компромиссы, прагматизм, совмещение порой несовместимого и гегемония бесконечных внутриэлитных переговоров. Не сложилось и альтернативной политической культуры или нескольких субкультур, о которых говорил Дж. Паскуино. Волатильные и изменчивые нарративы по-прежнему лежат в основе политического процесса, не давая возможности сформировать устойчивую модель будущего и внедрить новые практики и институты, которые отличали бы новую, «лучшую», демократию от прежней модели репрезентативной демократии.

На это постоянно накладывается фактор внешних ограничений («*vincolo esterno*») – международных и европейских связей, которые формируют свои условия для политически нестабильной страны, которая часто берет на себя новые внешние обязательства, используя их в качестве стимула для внутренних изменений, и отказываясь от уже принятых ранее обязательств из-за сопротивления внутренних элит, расколотых и фрагментированных своими партикуляристскими интересами.

Попадание в мейнстрим вчерашних популистов не повлекло за собой практической реализации нарратива о прямой демократии, вовлечении гражданского общества в политику и гражданском активизме. Примером тому – эволюция «Движения 5 звёзд», которое, потеряв половину своего электората за неполных 5 лет, на наших глазах начинает эту работу заново. «Интернет-демократия» не смогла заменить реального присутствия «на земле». В пятилетнем опыте пребывания популистов в прави-

тельстве итальянские избиратели едва ли увидели что-то похожее на делиберативную или партиципаторную демократию. Видимо, поэтому, в преддверии победы правых на выборах 2022 г. 176 итальянских неправительственных организаций направили политикам обращение с призывом сформировать реальную модель взаимодействия с гражданским обществом – «союза, который нужен стране» («*l'alleanza, che serve al Paese*»)[318].

Спустя пять лет пребывания популистов во власти в составе четырех правительственных коалиций, уровень доверия к политическим партиям по-прежнему один из самых низких на фоне других государственных институтов – им доверяет лишь один из пяти граждан Италии[319].

Итальянцы не верят и в то, что пришедшая в правительство коалиция правых популистов сможет существенно изменить политику по ключевым направлениям. Так, например, 77,2% граждан, по данным исследований EURISPES[320], считает, что новое правительство едва ли сможет навести порядок в государственных финансах, 65,8% думают, что кабинету Мелони не удастся защитить страну от международного терроризма и победить организованную преступность (66,4%), содействовать повышению рождаемости (63,5%), снизить налоговую нагрузку (69,5%), победить безработицу (68,5%), завершить электоральную реформу (69,4%), содействовать сплочению страны (69,7%), укрепить роль Италии на международной арене (62,2%) и добиться повышения энергетической автономии страны (65,3%). По вопросу миграции недоверие политике новых властей выражают 70% опрошенных. Таким образом, недоверие по-прежнему является основной парадигмой отношений между государством и обществом в Италии – причём, как мы видим, даже в условиях, когда правительство формируют партии, пришедшие

---

[318] L'alleanza che serve al paese // Avvenire, 02.08.2023. URL: https://sindacalmente.org/wp-content/uploads/2022/08/Appello-alleanza-civile-che-serve-al-paese_175-firmatari.pdf (дата обращения 20.08.2023).

[319] La fiducia nelle istituzioni del paese // Istat. 16.05.2022. URL: https://www.istat.it/it/archivio/270599 (дата обращения 01.08.2023).

[320] 35 Rapporto Italia. Documento di sintesi. EURISPES, Roma. 2023. P. 46-47. URL: https://eurispes.eu/wp-content/uploads/2023/05/sintesi-rapporto-italia-2023.pdf (дата обращения 01.08.2023).

во власть на волне антиполитики и выступавшие за тесную связь между институтами и гражданским обществом.

Появившись на политическом небосклоне на волне «мифа о гражданском обществе» и активно развивая этот миф впоследствии, итальянские популисты все ещё не смогли сделать его реальностью, так и не воплотив в жизнь идею делиберативного гражданского участия. Более того, институционализировавшись в системе репрезентативной демократии и участвуя в правительственных коалициях, эти партии последовательно трансформировали сформированные ими в последние три десятилетия идентичности, раз за разом отказываясь от тех идей и программных положений, которые в прошлом представлялись как «воля народа».

Вместе с тем было бы несправедливо возлагать ответственность за этот процесс только на политические партии популистов. Представляется, что само итальянское общество на сегодняшний день являет собой настолько многогранную мозаику интересов и идентичностей, что формирование в нём новой гегемонии попросту невозможно и не под силу ни одной политической партии. Кажется, именно поэтому итальянские граждане всё больше интегрируются в рамках множественных горизонтальных сетей гражданского общества, которые позволяют им реализовать в нём своё видение «общего блага» и удовлетворить посредством ассоцианизма потребность в доверии, коллективной идентичности и коллективной мобилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеенкова Е.С. Государство и альтернативные формы социальной интеграции: структурное насилие против «omerta» // Полития. 2009. №1(52). С. 22-44.

2. Алексеенкова Е. Дискурсивная сила КНР против нормативной силы ЕС: казус Италии // МЭиМО. 2020. Т. 64. № 5. С. 62-72. DOI 10.20542/0131-2227-2020-64-5-62-72

3. Алексеенкова Е.С. Италия – ЕС: отказ от «суверенной изоляции»? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №5. С. 10-15. DOI: 10.15211/vestnikieran520191015

4. Алексеенкова Е.С. Италия и Франция: конфликт по вопросу будущего ЕС // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №1(7). С. 36-42. DOI: 10.15211/vestnikieran120193642

5. Алексеенкова Е.С. Становление и эволюция иерархизированных террористических сетей (На примере итальянских «Красных бригад») // Полис. Политические исследования. 2005. №6. С. 53-65. DOI 10.17976/jpps/2005.06.04

6. Алексеенкова Е.С. Трансформация правого популизма в Италии 2018–2022 гг.: от суверенизма к патриотизму // Современная Европа. 2022. № 7. С. 42-56. DOI: 10.31857/S020170832207004X

7. Барабанов О.Н., Шибкова М.О. Евроскептицизм в Италии: эволюция политической программы «Лиги Севера» // Вестник МГИМО. 2015. №5(44). С. 99-107. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-5-44-99-107

8. Выборы в Европарламент – 2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции / под ред. Ю.Д. Квашнина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера. М.: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН, 2019. 178 с.

9. Глобальный «правый бунт»: трампизм и его база: доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». 2017. МДК «Валдай». Москва. 28 с.

10. Громыко Ал.А. Метаморфозы политического неолиберализма // Современная Европа. 2020. №2. С. 6-19.

11. Зонова Т.В. Выборы 2019 года: еврооптимисты против евроскептиков // Современная Европа. 2019. №3. С. 62-69. DOI:

10.15211/soveurope320196269

12. Зонова Т.В. Партийная система Италии // Актуальные проблемы Европы. 2018. №2. С. 156-176.

13. Иликова Л. «Движение пяти звезд»: из блога в правительство Италии // Современная Европа. 2019. №4. С. 129-139.

14. Италия в начале XXI века. Сб. статей по итогам конференции / отв. ред.: А.В. Авилова, Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН. 2015. 152 с.

15. Карпов С.В., Любин В.П. Эволюция неофашистов: национальный альянс (обзор) // Современная Италия. М.: ИНИОН РАН, 2004. С. 122-134.

16. Крастев И. Управление недоверием. М., 2014.

17. Лисовский Ю.П. Этапы развития и упадка парламентской демократии в Италии // Из истории европейского парламентаризма: Италия. М., 1997.

18. Лисовский Ю.П., Любин В.П. Политическая культура Италии. М.: ИНИОН РАН, 1997.

19. Лункин Р.Н. Страхи и надежды европейцев на фоне пандемии. М.: ИЕ РАН, 2021. 186 с. DOI: 10.15211/report32021_381

20. Макаренко Б. Фрагментация европейских партийных систем: причины, сценарии, следствия // МЭиМО. 2022. Т. 66. №12. С.16-26. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-12-16-26

21. Маслова Е.А. Евроскептицизм и популизм в Италии: пример «Движения пяти звезд» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. №10(1). С. 141-157.

22. На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века / под ред. Т.В. Зоновой. М.: Весь Мир, 2011. 456 с.

23. Носов М.Г. Вызовы пандемии: перемены в стандартах жизни // Современная Европа. 2021. №3. С. 17-26. DOI: 10.15211/soveurope320211726

24. Осколков П.В. Вызов популизма в современной Европе: угроза или инструмент демократии? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. №2. С.60-64.

25. Осколков П.В. Правый популизм в Европейском союзе. М.: ИЕ РАН, 2019. 164 с.

26. Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е. Политика «мейнстрима» и её альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового экономического кризиса к «невозможной политике»? // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 8-29. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.02

27. Современная Италия: сб. обзоров и рефератов / отв. ред. Е.А. Нарочницкая. М.: ИНИОН РАН, 2004. 186 с.

28. Современная Италия: старые проблемы, новые вызовы / отв. ред. Е.А. Маслова. М.: ИЕ РАН. 2018. 108 с.

29. Фельтринелли К. Senior Service: Жизнь Джанджакомо Фельтринелли. М.: ОГИ, 2003. 320 с.

30. Albertazzi D. Amici fragili: the alliance between the Lega Nord and the Popolo della Libertà as seen by their representatives and members // Modern Italy. 2013. Vol. 18. №1. P. 1-18.

31. Albertazzi D., Giovannini A., Seddone A. «No regionalism please, we are Leghisti!» The transformation of the Italian Lega Nord under the leadership of Matteo Salvini // Regional & Federal Studies. 2018. Vol. 28, №5. P. 645-671, DOI: 10.1080/13597566.2018.1512977

32. Albertazzi D., McDonnell D. The Lega Nord in the Second Berlusconi government: in a League of its own // West European Politics. 2005. №5. P. 952-972.

33. Akkerman T., de Lange S., Rooduijn, M. Inclusion and mainstreaming? Radical right-wing populist parties in the new millennium // In: Radical Right-Wing Populist Parties in Western Europe: Into the mainstream? Eds. T. Akkerman, S. de Lange, M. Rooduijn. New York: Routledge, 2016.

34. Andretta M. Protest in Italy in times of crisis: a cross-government comparison // South European society and politics. 2018. Vol. 23. №1. P. 97-114. DOI 10.1080/13608746.2018.1434456

35. Bardi L. Anti-party sentiment and party system change in Italy // European journal of political research. 1996. №29(3). P. 345-363.

36. Bassini M. Rise of populism and the Five Star Movement model: an Italian case study // In: Italian Populism and Constitutional law (eds. Delledonne G., Martinico G., Monti M., Pacini F.). Palgrave Macmillan, 2020. DOI 10.1007/978-3-030-37401-3

37. Becchi P. Italia sovrana. 2018. Milano.

38. Betz H., Johnson C. Against the current – stemming the tide: the nostalgic ideology of the contemporary radical populist right // Journal of political ideologies. 2004. Vol. 9. P. 311-327.

39. Bickerton C., Ivernizzi A. Populism and technocracy: opposites or complements? // Critical review of international social and political philosophy. 2017. Vol. 20. №2. P. 186-206. DOI 10.1080/13698230.2014.995504

40. Biorcio R. (ed.) Gli attivisti del Movimento 5 Stelle. Dal web al territorio. Milano: Franco Angeli, 2015.

41. Bobba G., McDonnell D. Different types of right-wing populist discourse in government and ppposition: the case of Italy // South European society and politics. 2016. Vol. 21, №3. P. 281-299. DOI: 10.1080/13608746.2016.1211239

42. Bobba G., Seddone A. Issues without owners, candidates without ownership. An analysis of 2013 Italian general election campaign // Quaderni di scienza politica. 2015. Vol. 22, №1. P. 37-60.

43. Bordignon F. Matteo Renzi: A «Leftist Berlusconi» for the Italian democratic party? // South European society and politics. 2014. Vol. 19, №1. P. 1-23.

44. Bordignon F., Ceccarini L. Five Stars and a cricket. Beppe Grillo shakes Italian politics // South European society and politics. 2013. DOI: 10.1080/13608746.2013.775720

45. Bordighnon F., Ceccarini L. Five stars, five years, five (broken) taboos // In: L. Ceccarini and J. L. Newell (eds.). The Italian general election of 2018. Palgrave Macmillan, 2019. DOI 10.1007/978-3-030-13617-8_7

46. Bordignon F., Ceccarini L. Where has the protest gone? Populist attitudes and electoral flows in Italian political turmoil // Quaderni dell'Osservatorio elettorale – Italian journal of electoral studies. 2021. №84(2). P. 41-64. DOI 10.36253/qoe-10768

47. Bosi L., Zamponi L. Direct social actions and economic crises: the relationship between forms of action and socio-economic context in Italy // Partecipazione e conflitto. 2015. №8. P. 367-391.

48. Bosi L., Zamponi L. Resistere alla crisi. I percorsi dell azione sociale diretta. Bologna: Il Mulino, 2019.

49. Campesi G. Frontex, the Euro-Mediterranean border and the

paradoxes of humanitarian rhetoric // South-East European journal of political science. 2016. Vol. 2, №3. P. 126-134.

50. Cantanaro G. L'antipolitica. Il viaggio nell'Italia del disincanto. Roma: Donzelli, 2000.

51. Castelli Gattinara P. The «refugee crisis» in Italy as a crisis of legitimacy // Contemporary Italian politics. 2017. Vol. 9, №3. P. 318-331.

52. Ceccarini L. Un nuovo cleavage? I perdenti e i vincenti (della globalizzazione) // Le divergenze parallele (eds. F. Bordignon, L. Ceccarini, I. Diamanti). Rome and Bari: Laterza, 2018.

53. Ceccarini L., Bordignon F. The five stars continue to shine: the consolidation of Grillo's «movement party» in Italy // Contemporary Italian politics. 2016. Vol. 8, №2. P. 131-159. DOI: 10.1080/23248823.2016.1202667

54. Ceccarini L., Bordignon F. Towards the 5 star party // Contemporary Italian politics. 2018. Vol. 10, №4. P. 346-362. DOI: 10.1080/23248823.2018.1544351

55. Ceccarini L., Diamanti I., Lazar M. Fine di un ciclo: la destrutturazione del sistema partitico italiano // In: Politica in Italia. I fatti dell'anno e le interpretazioni (eds. A. Bosco, D. McDonnell). Bologna: Il Mulino, 2012.

56. Chiaramonte A., Emanuele V. Party system volatility, regeneration and de-institutionalization in Western Europe (1945–2015) // Party politics. 2017. Vol. 23, №4. P. 376-388.

57. Chiaramonte A., Emanuele V., Maggini N., Paparo A. Populist success in a hung parliament: the 2018 general election in Italy // South European society and politics. 2018. DOI: 10.1080/13608746.2018.1506513

58. Comodo L., Forni M. Chi vota cosa e perché. Il profilo elettorale dei partiti // In: Il vicolo cieco. Le elezioni del 4 marzo 2018 (ed. M. Valbruzzi, R. Vignati). Bologna: Il Mulino, 2018.

59. Cusumano E., Bell F. Guilt by association? The criminalisation of sea rescue NGOs in Italian media // Journal of ethnic and migration studies. 2021. Vol. 47. Is. 19. DOI: 10.1080/1369183X.2021.1935815

60. D'Alimonte R., Bartolini S. Electoral transition and party system change in Italy // West European politics. 1997. №20(1). P.

110-134.
61. De Bernardi A., Ganapini L. Storia dell'Italia Unita. Milano: Garzanti, 2010.
62. Della Porta D., Andretta M., Fernandes T. et al. Late Neoliberalism and its Discontents. Cham: Springer, 2017. DOI 10.1007/978-3-319-35080-6_9
63. Della Porta D. How Social Movements Can Save Democracy. Cambridge: Polity, 2020.
64. Della Porta D. Critical Trust: Social Movements and Democracy in Times of Crisis // Cambio. 2012. Anno II, №4, Dicembre.
65. Della Porta D. Can Democracy Be Saved? Participation, Deliberation and Social Movements. Cambridge: Polity, 2013.
66. Dematteo L. L'idiota in politica. Milano: Feltrinelli, 2011.
67. De Petris A. Programs, Strategies and Electoral Campaigns of the Five Stars Movement in Italy. A Brand New Party Model or an «Anti-Party» State of Mind? // In: A. De Petris & T. Poguntke (eds.). Anti-Party Parties in Germany and Italy. Rome: Luiss University Press, 2015.
68. Diamanti I. Bianco, rosso, verde… e azzurro. Mappe e colori dell'Italia politica. Bologna: Il Mulino, 2003.
69. Diamanti I. The 5 Star Movement: a political laboratory // Contemporary Italian politics. 2014. Vol. 6, №1. P. 4-15. DOI: 10.1080/23248823.2014.881016
70. Diamanti I. The Italian centre-right and centre-left: between parties and «the party» // West European politics. 2007. Vol. 30, №4. P. 733-762.
71. Diamanti I., Lello E. The Casa delle Libertà: a house of cards? // Modern Italy. 2005. №10(1). P. 9-35.
72. Dryzek J. S. Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations. Oxford, New York, 2000.
73. Fabbrini S., Zgaga T. Italy and the European Union: the discontinuity of the Conte government // Contemporary Italian politics. 2019. Vol. 11. №3. P. 280-293. DOI: 10.1080/23248823.2019.1642657
74. Falletti E. Direct вemocracy and the prohibition of the binding mandate: the Italian debate //. Paper presented at the world congress of constitutional law. 2014. June. Oslo. P. 1-14.

75. Fara G.M. Considerazioni generali. 22 Rapporto Italia, 2010. EURISPES, Roma.

76. Fedele M. Democrazia referendaria. Roma: Donzelli, 1994.

77. Fella S., Ruzza C. Populism and the fall of the centre-right in Italy: the end of the Berlusconi model or a new beginning? // Journal of contemporary European studies. 2013. Vol. 21, №1. P. 38-52. DOI 10.1080/14782804.2013.766475

78. Forno F., Graziano P. Sustainable community movement organisations // Journal of consumer culture. 2014. №14(2). P. 139-157.

79. Cusumano E. Migrant rescue as organized hypocrisy: EU maritime missions offshore Libya between humanitarianism and border control // Cooperation and conflict. 2018. Vol. 54. Issue 1. P. 1-22. DOI 10.1177/0010836718780175

80. Hirschmann A. Exit, voice and loyalty: response to decline in firms, organizations and states. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970. 162 p.

81. Ignazi P. Legitimation and evolution on the Italian right wing: social and ideological repositioning of Alleanza Nazionale and the Lega Nord // South European society and politics. 2005. №10(2). P. 333-349.

82. Hobsbawm E. J. Gramsci and political theory // Marxism today. July 1977. P. 205-213.

83. Kitschelt H. Movement parties // In: R. Katz and W. Crotty (eds.). Handbook of party politics. London, Sage, 2006.

84. Laclau E. On populist reason. London: Verso, 2005. 288 p.

85. Laclau E, Mouffe C. Hegemony and socialist strategy. London: Verso, 2001.

86. Ladini R. Tra convergenza e divergenza: orientamento politico e fiduciadegli italiani verso le istituzioni // Quaderni di sociologia. 2021. 87-XLV. P. 65-88. DOI: 10.4000/qds.4755

87. Lupo S. Il fascismo. La politica in un regime totalitario. Roma: Donzelli, 2000.

88. Lupo S. Il mito della società civile. Retoriche antipolitiche nella crisi della democrazia italiana // Meridiana. 2000. №38-39. P. 17-43.

89. Maccaferri M. Italy as Europe's political laboratory? Thirty

years of Italian political history, 1990–2018 // ISLG Bulletin. 2019. №18. P. 3-12.

90. Marangoni F., Verzichelli L. Goat-stag, chimera or chameleon? The formation and first semester of the Conte government // Contemporary Italian politics. 2019. №11(3). P. 1-17. DOI 10.1080/23248823.2019.1645998

91. Martini F. Conte, i tecnici, i governatori e la pandemia: la strana co-gestione all'italiana // DOPO. Come la pandemia può cambiare la politica, l'economia, la comunicazione e le relazioni internazionali. Rubettino, 2020. Pp.83-92.

92. Mastropaolo A. Antipolitica. All'origine della crisi italiana. 2000. Napoli: l'Ancora.

93. Mastropaolo A. La mucca pazza dell democrazia. La destra radical-populista e la politica italiana // Meridiana. 2000. №38-39. P. 45-81.

94. McDonnell D. Silvio Berlusconi's personal parties: from Forza Italia to the Popolo Della Liberta // Political studies. 2003. №61(1_suppl). P. 217-233.

95. McDonnell D. A weekend in Padania regionalist populism and the Lega Nord // Politics. 2006. №26(2). P. 126-132.

96. Morlino L. Crisis of parties and change of party system in Italy // Party politics. 1996. №2(1). P. 5-30.

97. Morlino L., Tarchi M. The dissatisfied society: the roots of political change in Italy // European journal of political research. 1996. №30(1). P. 41-63.

98. Mudde C. The populist zeitgeist // Government and opposition. 2004. №39(4). P. 541-563.

99. Mudde C., Rovira Kaltwasser C. Populism and (Liberal) Democracy: a framework for analysis // In: C. Mudde and C. Rovira Kaltwasser (eds.). Populism in Europe and the Americas: threat or corrective for democracy? New York: Cambridge University Press, 2012.

100. Natale P. The three perspectives of the Left and the gradual loss of its electorate // In: L. Ceccarini, J. L. Newell (eds.). The Italian general election of 2018. DOI 10.1007/978-3-030-13617-8_7

101. Norris P. Democratic phoenix: reinventing political activism. Harvard University, 2002.

102. Norris P., Inglehart R. Cultural backlash: the rise of populist authoritarianism. 2019. Cambridge: CUP. 300 p.

103. Passarelli G.,Tuorto D. Lega & Padania. Storie e luoghi delle camicie verdi. 2012. Bologna: il Mulino.

104. Pasquino G. No longer a «party state»? Institutions, power and the problems of Italian reform // West European politics. 1997. №20(1). P. 34-53.

105. Pasquino G. The disappearance of political cultures in Italy // South European society and politics. 2018. Vol. 23, №1. P. 133-146. DOI: 10.1080/13608746.2018.1432299

106. Pasquino G., Valbruzzi M. Non-partisan governments Italian-style: decision-making and accountability // Journal of modern Italian studies. 2012. Vol. 17, №5. P. 612-629.

107. Pizzorno A. Mutamenti nelle istituzioni rappresentative e sviluppo dei partiti politici // In: P. Bairoch e E. Hobsbawm (a cura di) La storia dell'Europa contemporanea. Torino, Einaudi, 1996. P. 1028.

108. Putnam R., Leonardi R., Nanetti R. Making democracy work: civic traditions in modern Italy. N.J.: Princeton University Press, 1993. 280 p.

109. Roncarolo F., Cremonesi C. Journalistic narratives and political communication strategies against the background of a critical mood: the 2018 election campaign in the traditional media and beyond // L. Ceccarini, J. L. Newell (eds.). The Italian teneral election of 2018. 2019. P. 192. DOI 10.1007/978-3-030-13617-8_7

110. Rosanvallon P. Counter-Democracy. Politics in the Age of Distrust. Cambridge, 2008.

111. Rovira Kaltwasser C. The ambivalence of populism: threat and corrective for democracy // Democratization. 2012. Vol. 19. Issue 2. P. 184-208. DOI 10.1080/13510347.2011.572619

112. Ruzza C. Italy: the political right and concepts of civil society // Journal of political ideologies. 2010. Vol. 15, №3. P. 259-271. DOI: 10.1080/13569317.2010.513862

113. Ruzza C. Civils society between populism and anti-populism // O. C. Norocel et al. (eds.). Nostalgia and hope: intersections between politics of culture, welfare and migration in Europe. IMISCOE Research Series, 2020. DOI 10.1007/978-3-030-41694-2_14

114. Salvini M. Secondo Matteo: follia e coraggio per cambiare il paese. Milano: Rizzoli, 2016.

115. Sartori G. Parties and party systems : a framework for analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 368 p.

116. Szczerbiak A., Taggart P. Theorising party-based euro-scepticism: problems of definition, measurement and causality. 2003. SEI Working Paper. №69.

117. Scoppola P. La Repubblica dei partiti. Profilo storico della democrazia in Italia. Bologna: il Mulino, 1991.

118. Taggart P. Populism. Buckingham: Open University Press, 2000.

119. Tarchi M. Italia populista. Dal qualunquismo a Beppe Grillo. Bologna: Il Mulino, 2015.

120. Tarchi M. Italy: a country of many populisms // Albertazzi D. et al. (eds.). Twenty-first century populism. Palgrave Macmillan, 2008.

121. Tarchi M. L'ascesa del neopopulismo in Europa // Trasgressioni. 2000. № 29. P. 3-22.

122. Tarchi M. Voters without a Party: The 'Long Decade' of the Italian Centre-Right and its Uncertain Future // South European Society and Politics. 2018. Vol. 23. №1. P. 147-162. DOI: 10.1080/13608746.2018.1434454

123. Trauner F. Asylum Policy: The EU's «crises» and the Looming Policy Regime Failure // Journal of European Integration. 2016. Vol. 38, №3. P. 311-325.

124. Urbinati N. Political Theory of Populism // Annual Review of Political Science. 2019. №22. P. 111-127. DOI 10.1146/annurev-polisci-050317-070753

125. Urbinati N. Populism and the principle of majority // In The Oxford Handbook of Populism (ed. C.R. Kaltwasser, P. Taggart, P.O. Espejo, P. Ostiguy). Oxford, UK: Oxford Univ. Press, 2017. P. 571-89.

126. Valbruzzi M. Issues and Themes // In L. Ceccarini and J. L. Newell (eds.) The Italian General Election of 2018, P. 168-169. DOI 10.1007/978-3-030-13617-8_7

127. Valbruzzi M. When populists meet technocrats. The Italian innovation in government formation // Journal of Modern Italian

Studies. 2018. Vol. 23. №4. P. 460-480. DOI: 10.1080/1354571X.2018.1500216

128. Vassallo S., Shin M. The new map of political consensus. What is new in the wave of support for the populists? // Contemporary Italian Politics. 2019. Vol. 11. Issue 3. P. 230-235. DOI: 10.1080/23248823.2019.1644836

129. Verbeek B., Zaslove, A. Italy: a case of mutating populism? // Democratization. 2016. Vol. 23. №2. P. 304-323.

130. Vignati R. La sfida del Movimento 5 stelle // In Politica in Italia (ed. A. Di Virgilio and C. M. Radaelli). 2013. Bologna: Il Mulino. P. 83-99.

131. Zanotti L. How's Life After the Collapse? Populism as a Representation Linkage and the Emergence of a Populist/Anti-Populist Political Divide in Italy (1994–2018) // Frontiers in Political Science. 2021. Volume 3. DOI 10.3389/fpos.2021.679968

132. Zaslove A. Alpine Populism, Padania and Beyond: A Response to Duncan McDonnell // Politics. 2007. №27(1). P. 64-68.

133. Zaslove A. The Populist Radical Right: Ideology, Party Families and Core Principles // Political Studies Review. 2009. №7(3). P. 309-318.

ОБ АВТОРЕ

Алексеенкова Елена Сергеевна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Черноморско-Средиземноморских исследований, руководитель Центра итальянских исследований Института Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, ул. Моховая. д. 11, стр. 3. E-mail: alekseenkovaes@gmail.com.

ABOUT THE AUTHOR

Alekseenkova Elena Sergeyevna, Candidate of Science (Politics), Leading Researcher, Head of the Centre for Italian Studies, Institute of Europe, RAS. Address: 11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009. Email: alekseenkovaes@gmail.com.

Научное издание

Е.С. Алексеенкова

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛИИ:
АНТИПОЛИТИКА И ПОПУЛИЗМ
ЭПОХИ ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Монография

дизайн обложки – Е.С. Чимирис

Подписано в печать 29.12.2023. Формат 60×90 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 13,625
Тираж 300 экз. Заказ № 9687

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук
125009 Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3
Тел.: 495-692-10-51, факс: 495-629-92-96
E-mail: europe-ins@mail.ru, web: http://www.instituteofeurope.ru